

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

3/2013

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АКЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

В. В. КАДЫРОВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

На первой обложке: картина Светланы

Сусловой «Лыжник». Холст. Масло

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны: 62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

**АКАДЕМИКУ
ТУРАРУ
КОЙЧУЕВУ –
75 ЛЕТ**

Тебе, наш дорогой друг, крупно повезло дважды. Ты родился в советскую эпоху, когда мальчишка из далекого аила мог запросто, без связей и денег, приехать в столицу, отучиться в университете, блестяще защитить кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию, жениться на красавице, получить приличное жилье, стать большим ученым и отцом растущего семейства. Второй раз тебе повезло, когда страна покатилась в капитализм, в дикий рынок, но положение, которого к этому времени ты достиг своим трудом в науке и обществе, позволило остаться в строю, войти в ряды самых видных реформаторов народившейся эпохи. Госсекретарь, вице-премьер, президент Национальной Академии наук... Десятки твоих монографий, книг по экономике известны ученым всего мира. Благодаря твоему таланту публициста острые экономические проблемы становятся близки и понятны читателям газет и журналов республики.

Хотелось бы отметить и твои проникновенные, дышащие лиризмом рассказы и эссе, которые публиковались в «Литературном Кыргызстане», становились его украшением. Науке ты даришь голову, а лирике – душу. На протяжении многих лет ты был членом редколлегии нашего журнала. Подготовив себе достойную замену, покинул это кресло – теперь его занимает твой сын – известный литератор Бахтияр Койчуев. Это вызвало приятное удивление у читателей «ЛК». Вот семейственность, достойная подражания!

Поздравляя тебя, дорогой Турар Койчуевич, со славным юбилеем, мы от всей души желаем тебе крепкого здоровья, счастья, высоких дум и творческих свершений!

**Александр Иванов
Владимир Плоских**

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 3/2013

ПРОЗА

Александр Крячун. Туюк. Рассказ	5
Александр Камышев. Соотечественники. Рассказ	32
Александр Молчанов. Холод. Чувство природы. Пьянчуга. <i>Рассказы</i>	41
Владимир Медведев. Захнок. Роман (окончание)	49

ПОЭЗИЯ

Михаил Рудов. По следам басни. Стихи	117
Светлана Суслова. Отчий дом. Новые стихи	121
Александр Бережной. В последний раз... Стихи	133

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Иванов. Дяденька, сыграй на саксофоне	139
Валерий Сандлер. Родной язык, страна чужая	151

КУЛЬТУРА

Георгий Хлыпенко. Агтила - герой киргизской литературы	161
Андрей Рябченко. Парадокс жанра	175

Коротко об авторах	181
---------------------------------	-----

ПРОЗА

Александр КРЯЧУН

Т У Ю К ¹

Рассказ

Пеннобелая река, разломанная торчащими глыбами рваных скал, словно малыыми островами, разбивалась на множество рукавов и грохотала где-то далеко внизу. С высоты тропы, которая проходила по крутому склону, она смотрелась белым шарфом с черными пятнами островов. Два всадника, отпустив поводья, чтобы дать коням самовольно выбирать путь, двигались вверх к перевалу, чья островерхая грань была спрятана за крутолобыми скальными надолбами, словно преграда перед воротами в ад.

Впереди на легком крепком коне ехал низкорослый кыргыз-проводник. На его лысой голове лихо сидел застиранный калпак. Узкие острые глаза с блуждающей хитринкой смотрели строго вперед. Хорошо поставленным голосом он пел нескончаемую песню о любимых горах, про то, как хорошо ехать верхом, когда прохладный ветер ласкает и треплет гриву преданному коню. Второй всадник, европейской наружности, с черной бородой и бритым светящимся черепом, постоянно крутил головой, осматривал местность и делал пометки на карте, которая лежала на полевой сумке, притороченной к луке седла.

Карагул - так звали проводника - родился в этих горах, вырос и перенял у отца тяжелую и неутомимую работу чабана. С детства, как только научился держаться в седле, объездил при-

¹ Туюк (кирг.) – замкнутый, не имеющий выхода.

легающие горы, вплоть до больших кишлаков, называемых городами, которые находились от его стойбища до трех дней пути конем. Он считал, что люди, живущие там, несчастны. Радоваться могут только глупым вещам, которыми окружают себя, ходят в лакированных туфлях и пьют много водки. Видели горные озера и водопады только на картинках, живут в каменных, тесных домах. Не стреляли волков. Не слушали песни комуза у священных булаков².

Год назад к нему в юрту приехал этот русский парень, которого он сейчас вел к перевалу. Попили кумыс, съели бешбармак, гость слушал сам и много рассказывал, а в конце разговора попросил Карагуловского отца отпустить сына поработать проводником - тот согласился. Для Карагула же это была отдушина, ему хотелось передохнуть от отцовских понуканий. В тридцать лет, имея четверых детей, слушать нравоучения не очень-то приятно. Старшие братья жили со своими семьями на других стойбищах, и свой крутой нрав отец выплескивал на младшего сына, который, по обычаю, должен был оставаться с родителями. Отец у Карагула был строг, никаких поблажек детям не давал. В свои шестьдесят лет лихо скакал на коне, не любил, как многие его сверстники, пустых возлежаний на топчане в юрте. Мог еще выследить волка и уложить точным выстрелом под левую лопатку. На неприступных скалах свободно скрадывал архаров и козерогов.

Спутник Карагула - Андрей Крутов, с таким же загорелым лицом, как и проводник, держался в седле уверенно, хотя впервые сел на лошадь десять лет назад, когда начал работать в изыскательских экспедициях. Два разных человека, но одинаково влюбленных в горы, сдружились быстро. Для Карагула горы были родиной, колыбелью, домом и неотделимой частью его самого, словно выкованного из базальтовой гранитной смолы, которой покрыта часть здешней земли; из нее он вышел и когда-то уйдет в нее. Крутовская же любовь к горам вспыхнула в далеком детстве, когда впервые, в классе первом, ступил он однажды на неровность покато́й поверхности и проглотил первый

² Булак (*кирг.*) – родник.

глоток чистого, стылого воздуха, пахнущего недалеким ледником и арчовым дурманом. Карагул называл себя телохранителем Андрея, и на этих правах часто ругал его за безрассудные одиночные вылазки, в которые тот уходил, оставляя проводника на базе помогать завхозу Роману.

Роман – скрупулёзный природенный хозяйственник и зажимистый, как все люди таких должностей, заставлял Карагула перебирать картошку и лук, строгать колышки для обозначения будущей трассы дороги, насаживать черенки на лопаты, точить топоры, следить за проветриваемыми спальными мешками, заносить их в палатки, если начинался дождь. Это были самые ненавистные дни для проводника. Он пытался возмутиться, но понимал, что здесь – в экспедиции – все равны. Даже сам Крутов, начальник изыскательской партии, со всеми на равных: чистил картошку, ставил палатки, носил воду из родника и разжигал ночные костры. Это получалось у него лучше всех. Карагул ни разу не видел, чтобы Андрей истратил две спички. Костер у него разгорался сразу: вначале медленное пламя обволакивало тоненькие сухие хворостинки, затем переходило на веточки, с них – на более крупный хворост, и красивое жаркое пламя начинало танцевать в переплетении выжаренного солнцем плавника и мертвых корней арчи и барбариса. Когда не было ветра, огонь ровной струей, словно из сопла ракеты, летел к небу, освещал пространство вокруг и лица полевиков цветом каленого металла.

Карагулу больше было по душе ездить с Крутовым, рассказывать ему про местность, которую проезжали, переводить на русский язык названия ущелий, ручьев, рек и перевалов. Андрей внимательно его слушал и в некоторых непонятных местах переспрашивал. Иногда Карагул брал с собой комуз. Крутов покупал водку, и уезжали они далеко в горы, в неизвестные места, жгли ночью огонь и наслаждались тягучими стонами музыки, которая звучала то мощнее эпоса, сильнее грохота водопада, то была тихой, как росток горного цветка. Андрея завораживал звук простого инструмента: он получал от него особое наслаждение здесь, среди нависших скал, у журчащего родника, вбли-

зи ледниковых громад, от которых веяло вечностью и непоколебимостью.

Карагул напевал древнюю песнь путника, рассказывающую о великой свободе, о просторе и красоте гор.

Крутов окликнул проводника и спросил: «Почему перевал называется Кок-Ойрок? Это в переводе означает – Зеленая долина, но где же здесь долина, да ещё Зеленая, среди этого каменного хаоса на высоте около четырех тысяч метров?»

– Долина – там, – проводник махнул рукой по направлению движения, в сторону высившихся каменных громад, – по ту сторону перевала, и поэтому назвали так.

Животные под седоками умерили шаг. Началась бесплодная голокаменная пустыня, покрытая обломками скал. Только кое-где виднелись небольшие плешины зелени, судорожно вцепившиеся в холод бесприютного камня.

Ущелье раздваивалось. В левую сторону от тропы уходила плоская поляна и упиралась вдали в черную каменную гряду. Крутов сразу заметил, что даже намек на тропу дальше не просматривалось.

– Куда ведёт эта щель? – спросил Крутов, указывая камной по направлению к чернеющей полосе.

– Это – Туюк! Там – всему конец! Ничего нет. Только есть смерть!

– Расскажи подробно.

– Что рассказывать? Чего тут непонятного? Туюк есть Туюк. Туда не ходит архар и волк, и не летит даже птица. В Туюке всё умрет, если пойдет туда.

– Никто и не ходит? – допытывался Андрей.

– Охотнику там делать нечего, там нет зверя. Турист ходит только по тропам, а туда нет троп, а чабан, наверное, не глупее их и поэтому вообще обходит это место.

– Если туда никто не ходил, откуда же знаешь, что там погибельное место?

– Деду моего деда говорил его дед, что в Туюк ходить нельзя! И я говорил сыну, говорю и тебе – в Туюк нельзя ходить!

– А если попробовать пройти. Можно?

Карагул схватил Крутова за рукав, расширил свои узкие

раскосые глаза, из которых, казалось, чуть не выпали зрачки, и зашептал:

– Ты что? Даже нельзя думать об этом. Пропадешь там. Если даже будут знать, что ты в Туюке, не найдут, не спасут.

– Давай подъедем поближе. Посмотрим.

Проводник нехотя повернул коня. Безжизненная каменная пустыня, полная грустной тишины и освещенная слепым солнцем, была таинственной и пугающей. Даже далекие зелёные горы, покрытые живой травой и кустами, не вносили в этот мертвый пейзаж разнообразия. Пройдя сотню шагов, кони, будто наткнувшись на невидимую преграду, разом остановились и замотали головами.

– Видишь, кони боятся, смерть чувствуют, – Карагул развернулся и поехал вниз, не дожидаясь Андрея.

Вблизи черная гряда смотрелась устрашающе: каменные колоссы, разломанные невиданной силой, были величиной со средний дом, а то и более. Между ними узкие щели-трещины уходили вглубь каменных теснин темными лабиринтами.

Крутов стоял и смотрел на этот каменный хаос, а в голове засела упрямая мысль о разгадке тайны Туюка. Но, не побывав внутри, нечего было думать о решении этой загадки. Из Карагула, понял он, не вытянешь большего, чем он рассказал. Если это табу для местных, значит, никто ничего не скажет, если и знает. Здесь, возможно, скрыта какая-то аномалия, а может, что-то и более серьёзное. Ведь страх перед Туюком не мог родиться сам по себе. Что-то способствовало этому.

Теперь Андрей потерял покой.

Случай представился очень скоро: из центра пришла радиограмма о разведке альтернативных переходов через хребет. Значит, он будет действовать по заданию из центра, и если с ним что-то случится, в безрассудстве его не обвинят.

Вечером, разложив карту, Крутов просмотрел возможные проходы перевалов. В районе Туюка даже горизонтали – указатели одинаковых высот – не лежали плавно, как подобает нормально сложенному рельефу, а виртуозно изгибались, образуя хаос и мешанину. Он расспросил Карагула о спуске с хребта в район Зелёной долины и, в особенности, со стороны Туюка.

– В сам Туюк не ходил, не знаю. Никто не знает. С обратной стороны большой ледник, крутой очень! Опасный! Снизу видно вершину Туюка – плохое место. Камни падают по леднику! Летят далеко! Сильно быстро! Большие чёрные камни, словно закопчённые на костре из резины, – ответил проводник.

Утром следующего дня Андрей отправил Карагула за продуктами в ближайший поселок, а сам собрался и сказал Роману:

– Я пойду обследую перевал Туюк. Вернусь через пару дней.

– Почему без проводника? – спросил завхоз.

– Там тесно вдвоём. Не поместимся. Передашь Карагулу, что оставляю ему записку в туре. Там, где мы были с ним. Он знает. Я пошёл.

– А почему пешком? – опять засуетился Роман.

– Я же сказал – там тесно. Пока. До встречи.

– По–о–ка, – протянул завхоз, будто предчувствуя, что Андрей поступает против здравого смысла.

Карагул, подъезжая к магазину, подумал: «Почему именно меня Крутов послал в магазин? Ведь такого никогда не было – всегда ездил Роман. И почему он расспрашивал про другую сторону Туюка? Он избавился от меня, а сам ушел в проклятое место!».

Быстро закупив продукты и предчувствуя недобрые последствия, проводник погнал груженого коня в галоп. Тропа к лагерю петляла вдоль реки, и в некоторых местах скальная гряда прижимала проход вплотную к речному обрыву так близко, что левая нога седока царапалась о шершавую каменную стенку. В таких местах обычно спешили и вели коня под узду, но Карагул, сбавив ход, не слезал с седла, а лишь ругал неизвестно кого за узкие проходы. Доставалось и реке, так близко текущей к скалам, и путнику, первому проложившему эту тропу, но в основном проклятия сыпались на голову Крутова, обманувшего хитрого проводника. Он уже не сомневался в том, что Андрей ушел в Туюк, откуда не возвращался никто.

Выехав на плоскогорье, Карагул гнал коня до лагеря без остановки, без передышки.

Подлетев к ошарашенному завхозу, скинул хурджун с продуктами и, глотая пыль, поднятую копытами, прокричал:

– Где Крутов?

– На Туюк ушел.

– Туюк!? – вскрикнул Карагул. – Ах ты, сын облезлого барана, зачем отпустил?

– Он сам себе хозяин. А что такое?

– Нельзя в Туюк ходить. Кто туда пойдёт – не возвращается. Когда ушел?

– Как ты уехал, так сразу и ушел. Значит, часа три назад. – Роман пока ничего не понимал в происходящем. Вся эта тайна вокруг Туюка начала его интриговать.

Андрей нёс с собой самое необходимое: запас продуктов и воды на четыре дня, альпинистское снаряжение и, подобно мифическому Тесею, ушедшему убивать Минотавра в Критский лабиринт, клубок белых ниток. Он надеялся, что при случае, будто нить Ариадны, клубок выведет его из запутанных объятий Туюка. Достав компас, Крутов понял, что он здесь бесполезней велосипеда – синий конец стрелки тупо сопротивлялся неведомой силе и указывал куда угодно, только не на север – где ей положено быть. Он постоял у грани, которая отделяла живой мир от мертвой зоны чёрной безжизненности, и шагнул в каменную неизвестность.

Проводник стеганул усталого коня камчой и вновь пустился в пыльный галоп, напрямую, в сторону проклятого шайтаном места. Животное хрипело, роняло пену, но, задыхаясь, несло седока в дымчатую даль, догонять упрямого друга.

Конь без всякого желания, гонимый ударами плётки, подлетел к каменному туру. Карагул спешил, шумно разворотил каменную горку, достал записку: «Жди меня на другой стороне Туюка у реки. Жди постоянно, начиная с завтрашнего дня. Я перейду Туюк».

Карагул скомкал записку и так громко начал ругаться, что даже конь отвернул голову.

– Ты брат самого глупого ишака. Ты сын тупого барана.

Навоз в твоей голове,— проклятья чабана, наверное, отдавались в голове Крутова, но он уже был недосыгаем,

Карагул вскочил на выступ скалы и закричал:

— Андрей! А-а-а-ндрей! При-хо-ди на-зад! Впереди выхода нет, а уйдёшь далеко, его не будет и сзади. Ведь это – Туюк! Т-у-у-юк!

Эха здесь не было. Слова, громко кликнутые, словно роняли себя на полпути, долетали до скал и падали в черноту камня – сжимались, комкались и умирали в нем, дополняя его немоту.

Андрей прошёл по каменным чёрным обломкам и направился в самый широкий зев проёма, который был похож на огромные тисочные губы, лежащие на боку. Они словно ждали живую жертву и казалось: достаточно ступить в их пасть, и хлопнут беззвучно гладкие губы, пожуют и выплюнут уже непригодное для жизни тело.

Проход между двух вертикальных стен был так узок, что от плеча до гладких стен оставалась ширина в ладонь. Было ясно, что это был разлом, так как стены щели шли параллельно друг другу, повторяя изгибы. Под ногами лежали такого же чёрного цвета острогранные обломки. На камнях не было намёка на какую-либо растительность. Даже примитивный лишай, который умудряется жить на больших высотах и гладких глыбах, здесь отсутствовал. Тишина пугала. Над головой, на пятиметровой высоте, между чёрными зигзагами прохода синело небо, но птиц видно не было – даже они облетали этот загадочный мир пустоты.

Вскоре проход расширился, и множество мелких рукаво-трещин расходились в разные стороны. Некоторые были так узки, что протиснуться в них было невозможно.

Вдруг донеслось отдалённое тягучее и растянутое эхо: «...рей! ...рей! ...оди ...зад!...еди ...ода ...ет ...еш ...еко ...го ...е ...дет ...ади. ...едь ...то ...уюк! ...у-у-юк!»

Звук словно растягивался, проползал через лабиринты проходов и доходил до Андрея рваными обрывками Карагуловского крика. Крутов лишь усмехнулся, представляя разъярён-

ного проводника, ещё не осознавая, что эта усмешка будет предпоследней в Туюке.

Небо, словно голубая диадема, обрамлённая контуром чёрного бархата из обугленных скал, стало сереть. Казалось, что время здесь идёт слишком быстро – вышел он утром, а уже вроде бы наступал вечер. Да и голод начал ощущаться остро.

Соорудив небольшой таганок из камешков, Крутов налил полкружки воды и поджёл таблетку сухого спирта. Её хватало как раз на то, чтобы вскипела вода. Кусок хлеба с салом и поллуковицы дополнили обеденный рацион. В кружку с кипятком он бросил горсть смеси, изготовленной им самим, которая состояла из мумиё, сухих ягод барбариса, облепихи и смородины, высушенных листьев чабреца и тёртого в порошок золотого корня. Эта «адская смесь» придавала сил.

Перекусив, Андрей хотел, как обычно, закопать луковую шелуху, но его что-то остановило. Пусть она останется лежать вехой на пройденном пути.

Он направился к самой широкой щели и вновь оказался в зажатом пространстве каменных вертикалей. Кое-где в проходе шло резкое смещение, и крестообразные развилки путали путь. Определить прямое направление было невозможно, но интуитивно Андрей старался идти в одном направлении, как думалось – к вершине перевала. Вскоре теснина начала сжиматься, будто собираясь заманить Крутова в самое узкое место и раздавить его – упрямого и слабого перед мощью скал. Андрей тщетно вглядывался в расщелины и ямки в боковых стенах в надежде увидеть что-то живое: жучка или травинку. Но лунная безжизненная пустота была на каменной черноте.

«Сколько я прошел? Три, пять, семь километров?» – думал Крутов.

Проход сжался до ширины плеч, рюкзак царапал стенки щели. Впереди, в пасмурности просвета, Андрей увидел, что путь расширяется. Он снял рюкзак, протиснулся боком сквозь узкое горло выхода на широкую площадку. Обрадовался расширенному пространству, накинул рюкзак на плечи, шагнул вперёд и вдруг застыл на месте. Перед ним лежала луковая шелуха.

Минутное оцепенение сменилось немим выводам: «Другого я не ожидал. Нужно быть слишком наивным, чтобы место, проклятое не одним поколением живущего здесь народа, сразу поддалось и пустило в себя первого встречного чужака!»

Не решаясь быть застигнутым темнотой в узкой щели, Крутов решил заночевать здесь, на открытой площадке. Хорошо всё обдумать, взвесить, и, может быть, даже вернуться в лагерь. Но эту мысль он старался гнать от себя. Проиграть в первый же день, не предприняв новых попыток – это было не в правилах Андрея. Он обвёл взглядом весь периметр открытого пространства и понял, что найти вход, через который он пришёл из другого мира, уже невозможно. Бесчисленное множество тёмных провалов чередовалось с таинственными нагромождениями бесформенных чёрных скал.

«Всё ерунда! Из любого положения всегда есть самое малое два выхода, один из которых – не найти выхода», - подумал Крутов и начал устраивать каменный тур для ориентира на выходе из щели.

Мрак ночи спускался на Туюк неохотно, будто боялся соперничать с чернью окружающего пространства. В добавление к наступающим сумеркам ветер принёс тучи, которые закрыли вечеряющее небо и зависли тревожным предупреждением над таинственной немотой.

Вдруг сверкнула молния и Андрей увидел, что какая-то птица, видимо, в темноте потеряв ориентир, билась в воздухе, пытаясь сопротивляться напору верхового ветра. Вслед за молнией, ударившей где-то рядом, последовал жёсткий удар грома, от которого дёрнулись скалы и завибрировали ушные перепонки. Взбесившееся небо исторгло потоки воды. Они, будто стеклянные нити, были привязаны к небу, и казались неподвижными.

Крутов нашёл небольшое углубление в скале и вжался в холодный камень. Сверху по вертикальной стене стекала вода и сочилась липкой струёй сквозь старую ткань штормовки.

Покуролесив всласть, ливень внезапно кончился. Словно резкий сабельный взмах обрезал стеклянные нити дождя. Неба Андрей не видел – смоляная чернь висела над головой, слива-

ясь с ближайшими скалами. Беззвёздное мокрое и густое пространство впитало в себя окружающий мир. Крутову казалось, что вязкая, как патока, ночь захлебнёт его страхом и безвыходностью. Он расчистил небольшой участок от острых скальных обломков, на ощупь убедился в сухости ложа и лёг на прохладную землю, подложив под голову рюкзак.

Ночь прошла в полудрёме, которая не снимает полностью усталости, а только даёт отдых зудящим ногам, но не голове. Зябкое утро заставило проснуться до рассвета. Где-то всходило солнце. Его присутствие в космосе чувствовалось, но холодные лабиринты Туюка ещё хранили утренний полумрак.

Постепенно стынь начала уходить и жидкий рассвет засветлил небо. Влажные камни выдыхали утренний перегар вчерашнего дождя.

Солнце появилось внезапно. Прямо над головой пробило брешь в раскалённой дымке и стало накалять скалы, иссушая их от ночной росы и остатков дождевых капель, которые хоронились в каменных раковинах, трещинах и ямках.

Андрей выбрал узкий проём, уходящий под прямым углом влево от предполагаемого прямого пути. Лучи солнца входили в него, не встречая препятствий. Длинная, вытянутая тень ползла впереди, переползая через чёрные острогранные обломки. Испарина, создавая рефракцию воздуха, танцевала впереди, искажая действительность.

Вдруг Крутов увидел впереди в колеблющемся воздухе шедшего навстречу человека. Одет он был, как и Андрей, в штормовой костюм и сапоги.

Ужас ткнулся в съёжившееся от страха тело. В голове начался сумбур, засуетились оторопевшие мысли, наполняя мозг безответными вопросами.

Крутов остановился. Человек также перестал двигаться. Они смотрели друг на друга на расстоянии в два десятка шагов. И тут, второй раз за время пребывания в Туюке, Андрей улыбнулся. В призраке он узнал себя.

Это был так называемый боковой мираж: нагретые скалы

вызвали разрежение вокруг себя, и лучи, отразившиеся от Крутова и направленные к скалам, искривились возле них настолько, что, подобно бумерангу, вернулись назад, и словно в зеркале, отразили его самого.

Природу миражей Андрей начал изучать после одной истории, которая произошла с ним и его друзьями по экспедиции в пустыне пять лет назад. И поэтому классифицировать эти явления природы он мог безошибочно.

В пустыне Бетпак-Дала, что лежит среди Казахстанских степей, они поехали за водой к колодцу и столкнулись с вертикальным миражом. Навстречу их «шишиге» - ГАЗ-66 – проехала точно такая же. Их машина отразилась в вертикальном слое горячего воздуха.

Долго не могли прийти в себя от увиденного. Водитель откасался садиться за руль от потрясения. Пришлось Крутову самому вести машину и в дороге объяснять, что это всего лишь безобидный мираж. Но сам он сомневался в этом из-за двух тонких ниточек следов, которые узрел на обломанных краях такыра³, в том месте, где прошла колея призрачной машины. Расстояние между двумя параллельными полосками точно соответствовало ширине колеи между колёс. Эту загадку не решил даже знатный уфолог из города.

Крутов протянул вперёд руку. Призрак сделал то же самое. Медленно сходились двойники. Ещё шаг, и видение исчезло. Но осадок таинственности, тем более в таком месте, где каждая песчинка таит в себе загадку, прочно засел в памяти.

Солнце заползло за границу видимости, и в щели наступил полумрак. Тщетно Андрей всматривался в черные стены – жизни в них не было. Отколов кусочек от скалы, он убедился, что чернота камня не загар, а искомый цвет. Слабо разбираясь в геологии, Крутов не мог определить породу из-за своих поверхностных знаний. Впрочем, не есть ли это «скопище тайны», не на Земле рождённое? Этого он не знал. Его также интересовало, лежит ли весь разлом на поверхности или уходит коренни-

³Такыр – высохшее и растрескавшееся на многоугольники глинистое пространство.

ком вглубь земли. Для этого нужно шурфование. Поковыряв айсбалем⁴ дно прохода, он понял, что истину клювом альпенштока здесь не добудешь, и бросил бесполезное занятие. И все-таки он определил, что по твёрдости порода не уступала граниту, а по структуре походила, скорее всего, на тешенит – минерал, который образовался в глубине Земли из расплавленной магмы.

Необычно быстро кончался день. Тоскливое окружение давило на психику. Упрямое блуждание по лабиринтам походило на Сизифовы муки. Вспоминалось Крутову его пребывание в пещерах Кадамжайских скал, когда хотелось испытать себя в глухом одиночестве глубокого подземелья, черная тишина которого походила на сегодняшнее безмолвие. Здесь лишь дневной свет вносил различие между тишиной пещеры Джидалик и глухостью Туюка.

Словно загипнотизированный, Крутов уходил в новые щели и возвращался постоянно к луковой шелухе. Ему казалось, что какой-то злой дух после его ухода сгребает шелуху в горсть и относит в то место, куда ведёт путь Андрея. Крутов собирал чёрные камни и укладывал аккуратные туры, но и их сопровождавший его невидимый обманщик успевал выстроить до его прихода. Проходы в щелях, повороты и выходы Андрей старался запоминать, но они были похожи друг на друга, словно внутренней водопроводного шланга. Если в предыдущей щели он сворачивал вправо, значит, в следующей - шёл влево. Но круг, из которого он не мог выйти, возвращал его к отправной точке, где лежала луковая шелуха, выделяясь золотистым мусором на лакированной поверхности чёрного камня.

Приблизился вечер. Чёрная слизь ночи, будто вылитая из небесного корыта прачкой Бога, накрыла Туюк. Андрей сел в нишу, под сооружённым вчера таганком поджёг таблетку сухого горючего и стал смотреть на прозрачный огонь, который начал греть дно алюминиевой кружки. К краю трещины подползла луна и заглянула недобрым взглядом одноглазого филина. Чернота посветлела и окрасилась матовой синью. Горячий чай, приправленный

⁴ Айсбаль – укороченный ледоруб с молотком вместо лопатки.

ароматом горных трав и влитый в измождённое непонятностью тело, быстро его размягчил, и дремотная тишина начала клонить ко сну. Тёплую кружку, из которой он выпил чай, затолкал за штор-мовку и прижал к груди, словно комок живого существа.

Сон не шёл. Было боязно засыпать. Андрей знал, что в таких местах не могут сниться хорошие сны. Это вчера, в первую ночь, он проспал без сновидений, спокойно, потому что не было ещё адовых кругов, которые заколдовали путь к выходу. Карагуловское предрешение: «Из Туюка никто не возвращался!» постепенно начало обретать смысл и доходить до сознания. Но он верил, что выберется из этих лабиринтов. У него всё-таки было в запасе два выхода. Без этих шансов, он не сунулся бы в это место, проклятое людьми.

Полудрёма иногда отключала мозг, и в мимолётный тревожный сон сразу вползали кошмары. Тело било, будто электротоком, Андрей вздрагивал и шарил в безлунной ночи глазами, надеясь увидеть что-либо, отличное от чёрной пелены.

Вдруг время скомкалось, сжалось и начало всасывать в себя Крутова, будто в чёрную дыру. Андрей летел в далекий космос почти в беспамятстве. Он ощутил на себе тяжесть скафандра, почувствовал ограниченность в движениях и явное осознание того, что он находится где-то впереди времени, в будущем, которое казалось прошлым, потому что он ощущал, что был жив.

Крутов огляделся. Скафандр ограничивал обзор, и приходилось поворачиваться всем корпусом. На спине, он чувствовал, был притянут ремнями объёмный короб. Было ясно, что он находится на каком-то небольшом космическом теле. Округлый чёрный горизонт, который был от него на расстоянии метров пятисот, круто загибался и уходил в невидимость. Это говорило о том, что стоял Андрей на небольшой планетке. Скорее всего – на астероиде. Вокруг простиралась лишь ноздреватая поверхность, похожая на застывшую лаву, в которую были впаяны осколки метеоритов.

«Как я сюда попал?» – Крутов пытался усилием воли вызвать из памяти ответ на вопрос.

На чёрном небе не было звёзд, только белесая полоса,

похожая на Млечный путь, прочерчивала пустоту космоса, опоясывая пристанище Андрея огромным кольцом. От него исходил матовый отсвет, который и рассеивал мрак. Нужно было что-то делать, а главное понять – как он оказался здесь? Почему он оказался здесь? И зачем он оказался здесь? Он ничего не помнил. Даже своего имени.

На левой руке находился пульт с кнопками. Крутов нажал первую. На стекле скафандра, как на мониторе, высветилось табло: «22 часа 18 минут по Земному времени». Он начал поочерёдно нажимать кнопки и узнал, что:

- запасов биодобавок на 120 дней;
- зарядки аккумуляторов на 20 лет;
- запасов кислорода – бессрочно (добывается из сернистых соединений окружающей атмосферы);
- связь с Землёй – недоступна.

Как он заброшен сюда? Откуда, зачем, почему и как? – эти вопросы буравили мозг. Почему он отдалён от всего мира? Кто он? Пылинка в бездушном хаосе черноты чужого космоса.

Время в скафандре было настроено на земное, и датчик «Завтрак» загорелся на табло. Перед лицом появился овальный раструб. Андрей взял его в рот, сжал зубами, и приятная желеобразная еда со вкусом сыра легко поглотилась. Следующая порция тёплой подслащённой жидкости, напоминающей чай, довершила утренний рацион питания.

Крутов все движения делал автоматически, будто в нём была заложена программа существования в этом мире, куда он попал. Андрей немного прошёлся по пространству. На астероид его пристанище походило мало. Уж больно правильная форма была у шара. Она больше походила на каплю магмы, вырвавшуюся из кратера какого-то гигантского вулкана сверхгигантской планеты и взрывом извержения выброшенную в космос. Крутов, не помня своего имени, почему-то очень чётко сформулировал гипотезу рождения своей планеты.

«Вот и я теперь Маленький принц. У меня есть своя планета!» – очень грустно подумалось ему.

Из валявшихся вокруг кусочков метеоритов он соорудил небольшой тур для ориентира и пошёл вперёд – обследовать

планету. Вокруг лежало однообразие, которое можно было сравнить только с поверхностью бильярдного шара, выпачканного чёрным. Нужно было себя чем-то занять, хотя бы высчитать объём планеты. Андрей засёк время и пошел, стараясь выдерживать прямолинейность. Невесомости не было. В ногах была, по-земному приятная тяжесть ощущения твёрдой опоры под ногами. Пейзаж, если можно так назвать шершавую поверхность с валяющимися кусочками метеоритов, давил на психику. Крутов шёл и считал шаги. По земным меркам он точно знал, что его скорость по дороге составляет 6 километров в час, а средняя длина шага - 70 сантиметров. Выводя среднюю цифру из двух измерений, он довольно точно определял расстояние. Но это на Земле. Здесь могут быть помехи, неизвестные ему. Через 40 минут он увидел свой тур, количество шагов составило 5700. Из несложного расчёта получалось, что длина экватора составляет всего 4 километра. Земная система измерений и здесь не подвела – всё сходилось.

Чтобы убедиться в правильности подсчётов, Андрей решил ещё раз обойти планету, но теперь перпендикулярно первому проходу. Теперь он выложил из обломков стрелу и начал отсчёт шагов. К его удивлению, на счёте 5700 он не увидел своего опознавательного знака. Только перевалив шеститысячный шаг, он увидел стрелу, но она смотрела остриём на него: он пришел туда, откуда ушёл. Неужели сделал круг и не заметил?

Он вновь и вновь уходил от своего ориентира в разные стороны, но возвращался к исходной точке. Пробовал идти даже «задом наперёд», но результат не изменялся.

Шли дни, если так можно было назвать время земных часов, которые отсчитывались на циферблате. Здесь не было ни восходов, ни закатов. Одинаково монотонный полумрак от далёкого «Млечного пути» не изменялся. По какой орбите и в какую космическую бездну летел его осколок вселенной, Крутов не знал. Внутренний микроклимат в скафандре давал чувство прохлады, но садиться или лежать было нельзя. Даже через теплоизоляцию чувствовался жар планеты. Он научился спать стоя. Его волосы, растущие под шлемофоном, вырывались наружу, застилали глаза. Он не мог откинуть упругие пряди. Боро-

да упиралась в стенки скафандра и заполняла свободное пространство. Безумие приходило медленно. Мысль о самоубийстве являлась чаще, чем желание прикоснуться к зелёной траве или ощутить на лице летящие пушинки тополиного семени. Андрей ощущал себя сгустком ненужной шевелящейся субстанции, которая всего лишь существует, не принося пользы никому и ничему. Жидкая однообразная пища с привкусом собственных выделений съедалась, благодаря хитроумному приспособлению, не дающему не есть. Где-то в уголках памяти мелькала туповатая мысль, что скоро всё прояснится.

Безумие не отступало. Андрей прикидывал методы самоубийства, но скафандр был прочным, снять его без посторонней помощи он не мог. Крутов бросался на горячую поверхность, катался по бугоркам метеоритов и громко кричал. Звук, закупоренный в шлемофоне, давил в уши. Ему хотелось вырваться из тесной оболочки в ядовитую атмосферу планеты и умереть. Пусть долго, в муках, но умереть. Он не хотел существовать запаянным в кислородном баллоне с дырками для глаз и отверстием для опрвления естественных надобностей. И ещё он мечтал, чтобы в него попал метеоритный осколок. Большой. Прямо в голову. И сразу вдребезги, чтобы даже не услышать свиста кислорода, вылетающего в безвоздушную ядовитость космоса.

Времени было много, а сколько его осталось для жизни, неизвестно. Чтобы занять оцепевшее сознание чем-нибудь, Андрей решал загадку возвращения к исходной точке. Он задумал весь свой путь вокруг планеты обозначить линией – создать видимый экватор – и, возможно, решить загадку. Небольшие метеориты он укладывал в небольшие турики и ставил их в створе от исходной точки. Это занятие отвлекало от монотонности существования.

Самое трудное было – это отрывать прикипевшие шершавые осколки. Крутов продвигался вперёд, очищая в обе стороны свой путь. В центре его, метров через двадцать, выкладывались пирамидки, которые в строгом створе закруглялись пунктирной линией и уходили за овал близкого горизонта. Если ему удастся выбраться отсюда, здесь останется памятник, который

введёт в шок любого, увидевшего на безымянном осколке вселенной ровненький пунктир из каменных туриков, опоясывающий экватор, а за миллионы лет – сколько будет носиться в черноте космоса это космическое тело – сюда кто-нибудь да прилетит.

Работа по выкладыванию экватора продвигалась очень медленно. Андрей иногда бродил по три-четыре часа, выискивая метеоритные осколки, прежде чем выложить один тур. За день он продвигался на два-три тура – это выходило, по его подсчётам, что разгадка наступит не ранее, чем через два земных месяца. Он радовался, что нашёл себе занятие, которое отвлекло от мрачных мыслей и желания умереть. Но более всего занимала загадка возвращения к исходной точке – это было похоже на Ленту Мёбиуса⁵ – кольцо с одной стороной. Только так можно было объяснить необъяснимое. Но где происходила перекрутка его пути, он не замечал. Да и трёхмерное восприятие окружающего пространства не давало повода для существования этой загадки.

На исходе тридцатых земных суток пребывания Андрея на космическом теле неожиданно циферблат на мониторе начал обратный отсчёт дням. Когда появилась первая цифра 29, Крутов подумал, что в системе пошел сбой. Но дни строго считались вспять. Метеоритных обломков оставалось всё меньше и меньше. Для установки одного тура, уходил иногда целый день.

«Что-то должно произойти, – думал Андрей, – нужно дожидаться «нуля».

Когда на циферблате перед глазами высветилась цифра «1», Андрей вдруг вспомнил всё: он вызвался добровольцем на этот жуткий эксперимент. Ему отключили память на 60 дней, и звёздный корабль доставил его на этот космический объект, чтобы испытать человеческую психику в мучительном пребывании вне всего и только в себе. Датчики, расположенные в заплечном ранце, фиксировали его состояние ежесекундно. Значит, моменты безумия также зафиксированы в «чёрном ящике», но ему было не стыдно, главное – он выжил! Он выдержал и уже твёрдо знал:

⁵ Лента Мёбиуса – трёхмерная поверхность, имеющая одну сторону и одну границу.

после цифры «0» за ним прилетят, и... он не успеет достроить экватор.

Он улыбнулся и увидел вдалеке среди мутной туманности яркую точку – это за ним летел спасательный аппарат...

Крутов досматривал сон с открытыми глазами, глядя в небо, где в утреннем рассвете блестела Венера, так похожая на космический звездолёт. После пробуждения почему-то стало радостно. Может быть, потому, что он не на астероиде, а на родной твёрдой планете. И всего лишь в одном её загадочном тупике, куда он пришёл добровольно, словно делая над собой ещё один эксперимент, которым полна его жизнь. И ещё Андрей признался себе, что сон может оказаться пророческим: если он разгадает тайну Туюка, Туюк его не выпустит.

Светлость заползла в щели каменных мешков. Крутов разогрел кружку воды, добавил бодрящей смеси и долго смаковал обжигающий напиток, трогая губами горячий ободок кружки. Тепло рассосалось по телу. Андрей вытащил альпинистское оборудование. За карабин зацепилась нить. Он потянул её и вспомнил про клубок белых ниток. Теперь их бесполезность была явной.

Пять крючьев, пять карабинов и десять метров шестимиллиметрового репшнура – этого было достаточно, чтобы вползти на пятнадцатиметровую стенку при условии, что будет достаточно зацепов для пальцев. Он решил не блуждать в лабиринте, подвергая себя лишним потерям нервных клеток. Он будет идти напрямую через щели, применяя навыки скалолазания – поднимаясь и спускаясь через трещины. На спуски он крючья тратить не собирался – должны же быть какие-то зацепы наверху, а спускаться он будет на двойной верёвке: потом просто сдёрнет её. Глаза уже высмотрели на, казалось бы, гладких стенах зацепы для пальцев. Но бросаться в лоб на вертикальную стенку присуще только нахрапистым и неопытным новичкам. Крутов прошёлся по щели, высматривая удачные места для подъёма.

Прицепив крючья с карабином на пояс, Андрей подошёл к одному из каминов⁶, которых было немало в местах разлома. В

⁶ Камин (альпинистский термин) – вертикальная расщелина в скале.

узкой щели рюкзак мешал, упирался в заднюю стенку и мог основательно подпортить путь наверх, зацепившись за выступ. Привязав один конец репшнура к поясу, а вторым зацепив сброшенный рюкзак, Крутов легко пошёл вверх по вертикали. Работая пятью опорными точками, он без промежуточного страховочного крюка вполз на вершину стенки. Первый удачный заход был ещё не гарантией последующих проходов, но шанс пройти весь путь увеличился в разы. Пространство, которое вдруг раздвинулось до бесконечности, после давящих теснин показалось освобождением из тесного ящика. Впереди простиралась плоская поверхность каменной безжизненности, которую перерезали чёрные провалы трещин, внутри которых он был совсем недавно. То, что ему придётся спускаться в тесноту щелей и подниматься несколько раз, немного омрачило пыл простора, но делать нужно было то, к чему он шёл. Вдалеке конец тёмных скал Туюка обрывался чётко очерченной гранью. А за чертой безжизненности виделись далёкие зелёные холмы, которые ублажали глаза мягкостью цвета и манили непередаваемым ощущением простора и лёгкости жизни. Что будет за последним спуском, его пока мало волновало – главное пройти последнюю щель. Легко наметив ориентир на далёком пейзаже – островерхий пик неизвестной вершины, Андрей выдернул рюкзак, закинул его за плечи, смотал верёвку и пошёл вперёд, не упуская ориентир из вида. Казалось, что за тысячелетия ни дожди, ни ветра, ни морозы со сменой тепла, не смогли порушить поверхность скал. Лишь небольшие отщепы - тонкие и плотные - валялись на поверхности, из которых он соорудил маленький тур.

Крутову уже представлялось, как плоская глыба прилетела из космоса и, разогретая падением, рухнула на этом месте, растрескавшись щелями, по которым он шёл. А, может быть, наоборот, неимоверно сильное давление выдавило из земного чрева этот громадный каменный столб, который выходил, крутясь, и поэтому остались трещины в нём, похожие на болтовую резьбу, накрученную для левых и правых гаек одновременно. Сверху было видно, что трещины имели двойной спиралевидный рисунок, но закручивались спирали в разные стороны, и поэтому Андрей, не имея чётких ориентиров, кружил внутри этих

лабиринтов, переходя из одной спирали в другую. И так могло продолжаться вечно. Но до вечности можно было не дойти. Психика без труда сломалась бы на третий-четвёртый день, и... смеющийся мальчик тихо бы хохотал в каком-нибудь тёмном закутке между спиральных стыков, и медленно умирал от голода, посмеиваясь над своей «счастливой судьбой» сумасшедшего, иногда оглашая криком тоску и тишь Туюка.

Мелкие, до метра, трещины Андрей перепрыгивал. Широкие - обходил, предварительно обозначив место кучкой камней. Потом возвращался на исходную позицию и шёл прямо, строго держа курс на ориентир. Пять раз ему приходилось спускаться и подниматься, истратив четыре крюка, которые остались вечным памятником в черных щелях Туюка, как недостроенный экватор на приснившейся ему планете.

Последняя щель далась особенно легко, потому что стена оказалась наклонённой, и Андрей без труда взобрался на острую грань перевала. Вниз уходил покаты́й склон и резко обрывался невидимой пропастью. То, что за последней чертой неизвестная бездна, было понятно, далеко внизу виднелось дно ущелья, к которому он шёл и про которое говорил Карагул, что туда летят камни, закопчённые, будто на костре из резины.

Крутов долго сидел на холодной скале и думал о дальнейших действиях. Туюк он перешёл! Впечатлений набрался! Назад пути нет. Впереди также его не видно. Было над чем поразмыслить, и он думал: «Впереди пропасть, в которую нет входа, значит, туда пути нет. Назад тоже: остался один крюк. Надеяться на то, что будет возможность выдёргивать оставленные крючья, также нереальна — я точно не помню, где они оставлены на похожих стенах, и нет шансов их найти. Возвращаться по лабиринтам — безумие. Шанс попасть в дорогу, которая выведет, равен почти нулю. Нужно дойти до края пропасти и оценить шансы на спуск!»

Подходить к краю скалы по наклонному скату было опасно. Забив последний крюк в щель, Андрей пристегнулся и пополз. Можно было идти, но нежелание сорваться в последний момент пересилило гордыню, и Крутов полз по почти гладкой поверхности, которая тянула к кромке, будто неслышный ветер

всасывал его тело в трубу тайны, которая откроется через мгновение. Когда вытянутые вперёд руки перестали чувствовать под собою камень, он закрепил репшнур, оставив холостого хода на длину вытянутой руки, подтянул тело к краю и посмотрел вниз...

Взгляд упёрся в мутное расплывчатое пространство. Зрачки не сразу среагировали на изменение расстояния. Обломок скалы, на котором лежал Крутов, обрывался метра через три, а под него уходила пустота. Ниже, за тенью, была видна почти вертикальная стена из зелёного льда. Значит, вся масса Туюка лежала на леднике? Было ощущение, что, кашлянув, можно сорвать всю эту глыбу, и покатится она по вертикальному откосу, будто большие неуправляемые саночки с упрямым пассажиром. Далеко внизу виднелась нитка реки, зелёная поляна, а на поляне пасущийся конь, рядом лежал маленький человечек. Горел костёр, дым от которого стелился по земле, прижимаемый наступающим вечером.

«Карагул! – догадался Андрей. - Ждёт и придумывает самые обидные слова, которыми будет меня материть. Верный добрый Карагул. Даже если ты меня и увидишь, то помочь не сможешь.

Крутов набрал воздуха, чуть приподнял грудную клетку, чтобы голос рванулся из лёгких погромче, и закричал: «Карагу-у-л!»». На поляне человек не шелохнулся. Рядом текущая река глотала посторонние звуки, не давая просочиться сквозь рёв воды ни одной ноте. Нужно было привлечь внимание проводника, а это можно сделать только солнечным зайчиком или дымным костром. Зеркало было на компасе, но уже не было солнца. Спички были, но не было дров. Он прикинул, что же можно сжечь без ущерба, и остановился на тряпичном полотенце, которое ему заменяло иногда шарф, а то и портянки. Пришлось ползти за рюкзаком и возвращаться с полотенцем и биноклем.

Карагул спал. Это отчетливо было видно в бинокль. Раскинутые в стороны руки не шевелились. Конь щипал траву. В очаге, сложенном из камней, дотлевали головешки. Чайник стоял у изголовья чабана. Крутов рассмотрел даже белый кружок пиалы, лежащей рядом с правой рукой проводника, размороженного чаепитием. Конечно, как не использовать редкий шанс – поспать

– если для этого есть время. Подача дымового сигнала спящему проводнику отпала сама собой.

Солнце было далеко за горами. Над изломами хребтов дотлевали отблески былого дня. Камень начинал остывать, наступающая холодная ночь не сулила ничего хорошего. Со словами: «Утро вечера мудренее» Андрей выбил крюк и спустился в щель, где ещё чувствовалось тепло нагретого дня, не выветренное пасмурностью вечера. Щель уходила в обе стороны, немного закругляясь, повторяя витки гигантской спирали.

Вот если бы сделать топографическую съёмку спиралей и составить точный их план, можно было бы рассчитывать на сенсацию, или, наоборот, на высмеивание и презрительные статьи типа: «Топографы копаются во Вселенной!», «Дилетанты открывают Космос в гряде камней!» или ещё хлеще: «Спиральные круги в глазах бродяги!».

Но Андрея сейчас больше всего занимал вопрос возвращения из Туюка. Его завтра увидит Карагул. Главное, чтобы он не поднимал паники. А для этого Крутову нельзя показать своей безвыходности. Он пошел по щели вправо.

Смерклось. Разлапистая щель плавно сворачивала и ... обрывалась. Кончалось всё – скалы, лёд и, как первоначально показалось Андрею, надежда на благополучный исход дела.

Но обрыв был не резкий. Среди обломков скал были видны выпирающие торосистые пучины льда. Вся эта мешанина пока-то уходила вниз и втыкалась в крупнообломочную осыпь под острым углом. Спуститься по такому склону, имея навыки скалолазания, можно вполне благополучно, если господин несчастный случай не обрушит всю массу льда и камня вниз. Только сгустившийся мрак остановил Крутова от рискованного продвижения вниз.

Непроглядность быстро наполнила ущелье. Карагул поглотился темнотой вместе с конём, затухшим костром и чайником. Крутова обрадовал пологий спуск, по которому есть шанс спуститься. Он начал искать место для ночлега. У самых ног чувствовался холод – такой сырой и липучий озноб мог исходить только от древнего ледника, будто он эту стынь копил тысяче-

летия, конденсируя в себе все непогоды, бушующие на его пространстве.

Андрей вернулся назад, долго шёл по щели, которая в итоге резко сплющилась, вдавилась в себя и оставила пространство столь малое, что даже боком невозможно было пролезть. Подходящего места для ночлега не было. Крутова грела утренняя надежда, и коротать холодную ночь в каменных тисках он готов был без сна. Бесконечная ночь давала повод поразмыслить и сделать вывод об этом переходе. Если и не понять, не разгадать полностью загадку Туюка, то хотя бы подвести итог этой авантюры ради собственного упрямства. Но он осознавал, что переход ещё не завершён – точка будет поставлена около костра Карагула, под его матерщину и проклятья.

Беспокойного сна не хотелось. Прислонившись спиной к скале, Крутов сел на рюкзак, уткнул голову в колени. Холод, проползая сквозь щели в одежде, царапнул тело. Мысли о тепле пытались пересилить все остальные думы.

Камень лежит на льду, – думал Андрей, – значит эта глыба упала в то время, когда здесь был ледник. Это говорит о том, что весь Туюк прилетел из космоса? А почему он падал плашмя, а не ребром? Почему не рассыпался в твёрдых слоях атмосферы? О том, что он плюхнулся раскалённой тарелкой на холодный ледник, говорит и его растрескивание по спирали. Но почему спирали закручены в двух противоположностях? Об искусственном происхождении этого места не может быть и речи – кому нужно было создавать этот колосс? Допустим, он упал тогда, когда льдом было покрыто всё пространство, на котором он лежит. Постепенно лёд под ним таял неравномерно, тем самым разламывая монолитную глыбу. В этом что-то есть! А почему стрелка компаса в бездействии? Возможно большое присутствие железа, как в большинстве метеоритов, – ещё одно доказательство космического происхождения. Самый большой метеорит, о котором известно человечеству – это железная глыба весом 60 тонн и объёмом всего 9 кубометров. Лежит он в Намибии, зовут его – Гоба, и местные власти имеют с него доход, показывая туристам и разрешая фотографироваться на его фоне. В Антарктиде вроде бы найден кратер, диаметром 500 километров. А

если верить ученым, утверждающим, что метеорит, сгубивший динозавров, упал несколько миллионов лет назад в то место, где сейчас расположен Мексиканский залив, Туюкское диво, после доказательств, вполне может претендовать на осколок из космоса. А раз он не рассыпался в атмосфере, значит, летел к земле под очень острым углом, и траектория полёта была в сторону вращения Земли. Поэтому упал он мягко, будто сел на пуфик. Так, наверное, и было. Нужно взять образец и показать геологам. Но почему он имеет форму огромного блина?.. Блин...

Сон победил Крутова. Не снилось ничего. Тяжёлая дрёма навалилась, будто мешок с мокрой ватой, смоченной в ледяной воде. Ноги, согнутые в коленях, оставались без движения до самого пробуждения, которое наступило внезапно, резко. Андрей открыл глаза и попытался встать. Онемевшие конечности не слушались. Он растянул охлаждённое тело на сырых камнях, вытянулся и почувствовал, как застоявшаяся кровь помчалась по венам, разнося тепло и снимая озноб. Вспомнился вчера найденный спуск, который давал немалые шансы на выход из Туюка.

Андрей не спешил. Разогрев тело, он вскипятил чай, заварил его «колдовской» смесью. Пил маленькими глотками, смаковал терпкий вкус горных трав. Чувствовал, как сила Земли, высосанная корнями растений, переходит к нему. Как наливаются мощной энергией не отдохнувшие за ночь ноги и уверенностью наполняются мышцы рук.

Подойдя к краю прохода, он увидел, что Карагул так же лежит без движения и в той же позе. У изголовья стоит чайник и виднеется белый овал пиалы. Только костёр уже не дымит – чёрный кружок золы сиротливо лежит между двух камней, служащих подставкой под чайник. Крутов медлил, думал: давать знак Карагулу или нет? Остался один крюк. Андрей распустил верёвку. Её хватило бы всего лишь до первых крупных обломков. Дальше за ними лежал ноздреватый лёд, в который были вплавлены вытяявшие глыбы розоватого камня – начиналась естественная осыпь.

Верёвка сыграла бы здесь лишь психологическую поддержку. Спуск был не очень крут по сравнению с пройденными сте-

нами, и поэтому Крутов не стал вбивать последний крюк. Опасность мог таить в себе весь склон. Если он двинется – спастись будет невозможно, до реки долетит фарш из его тела. Но опытный Крутов без опаски ступил на покатуую поверхность. Во-первых, утренний лёд был прочен и, во-вторых, скальные глыбы, торчащие изо льда, наверняка держались своей нижней частью в осыпи, как в фундаменте.

Клюв айсбала уходил в лёд с первого удара и надёжно страховал Андрея. Спустившись к первым глыбам, словно по ступеням, Крутов медленно шёл вниз. То, что он выходил из Туюка, становилось реальностью!

Пройдя ледовый участок, Андрей ступил на крупнообломочную осыпь. Крутизна склона не давало ещё полной безопасности спуска, и поэтому каждая глыба прощупывалась на прочность, и только потом ставилась нога. Первый камень вылетел в то время, когда Крутов был уже на середине склона. Его полёт, повлёкший за собой небольшой камнепад, разбудил Карагула. Он вскочил, увидел Андрея и замахал руками. И было непонятно – радость или негодование выражали взмахи рук, беготня и раскрываемый рот, звук из которого заглушался грохотом речной воды.

«Чем зря бегать, поставил бы чайник!» – прошептал Крутов. Будто чабан, отделённый от него расстоянием и грохотом реки, мог его услышать.

Карагул перестал метаться, и, словно расслышав своего начальника, подошёл к кострищу и начал возиться с очагом. Вскоре дым застлался по ущелью.

«Какой же ты молодец!» – Андрей не спеша переступал по шаткому склону.

Ближе ко дну ущелья осыпь начала выполаживаться. Камни, притёртые временем к своим местам, были надёжны. Крутов остановился и посмотрел на оставленный Туюк. Хорошо был виден чёрный козырёк нависающих огромных глыб. Они ждали своего часа, чтобы улететь вниз, рассыпаться на осколки и напоминать людям о своей загадочности.

P.S. Два образца, взятые в разных местах Туюка, Крутов отнёс в геологическую лабораторию.

Знакомые лаборантки отнеслись к просьбе Андрея добросовестно, и даже выдали документ, свидетельствующий, какие минералы и в каком процентном соотношении присутствуют в данных образцах. Внизу документа стояла приписка, сделанная красивым почерком лаборантки Наташки, которая ждала, когда же Крутов обратит на неё внимание: «Из этих минералов состоит 50% нашей планеты. Это такой же метеорит, как ты – космонавт! Железа не обнаружено – ищи его у себя в голове!»

Загадок стало ещё больше. Тайна осталась неразгаданной. Значит, сон, который приснился в Туюке, оправдал себя. Уверенность в том, что разгаданность оставила бы Крутова там навсегда, приобрела реальный смысл. Теперь тайна этой части Тянь-Шанских гор будет ходить с ним всю оставшуюся жизнь. Ответа он не ищет. Только видения, приснившиеся в Туюке, довольно часто тревожат его по ночам. Даже чаще, чем следовало бы...

*Тянь – Шань. Перевал Кок-Ойрок, 1995 год.
Санкт-Петербург, 2012 год.*

Александр КАМЫШЕВ

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Рассказ

Впервые я попал в Сан-Франциско семь лет назад, когда дочка, надежно обосновавшаяся в Штатах, пригласила родителя в гости. До сих пор остались ощущения нереальности происходящих со мной событий, словно от яркого, хорошо запомнившегося сна. Очень уж отличалась заграничная жизнь с ухоженными игрушечными домиками среди цветущих диковинных деревьев, кустарников и ухоженными изумрудного цвета газонами от сибирских деревенских изб, где я родился, и заваленного мусором микрорайона из серых однотипных домов, где я сейчас обитаю. Отличались и люди, улыбающиеся, если остановишь на них взгляд, возможно еще и потому, что от удивления и любопытства я пялился на всех подряд. И хотя каждому советскому человеку известно, что улыбкам капиталистов доверять не следует, от улыбок и приветственных «хай» незнакомых мне людей на душе оставался теплый осадок.

Пару недель я гулял по холмам Сан-Франциско, вдыхая воздух, пропитанный ароматным кофе. Дочь с зятем снимали квартиру в южной части города, недалеко от двух холмов, которые напоминали женскую грудь, и откуда весь город просматривался как на ладони. Неподалеку от места моего базирования начиналась знаменитая Маркер-стрит, - скоростная диагональ, пересекающая город с юга на северо-восток, в конце нее сгущались небоскребы. По этой стрит или по параллельным ей улочкам пролегал мой ежедневный маршрут. Пользуясь уникальной

возможностью своими глазами увидеть город, знакомый лишь по голливудским фильмам, я отыскивал на схеме название районов для осмотра – Марина, Рашен Хилл или уж совсем ностальгическое Маленькая Россия – и наматывал за день до тридцати-сорока километров, делая снимки на память. Однако в районах с русскими названиями уже ничего не напоминало о соотечественниках, покинувших в смутные времена свою Родину и осевших на далекой чужбине. Хотя русскую речь я слышал довольно часто.

— У твоей дочери квартира двухbedрумная, а ко мне племянник переехал с Украины, давай их познакомим, — обсуждали семейные проблемы две подруги.

— Девчонки, быстро все бегите писать, а то экскурсия по городу продлится три часа, — громко кричала гид в микрофон, даже не предполагая, что её понимают не только российские туристки.

Впрочем, я и сам попадал в подобную ситуацию. На авиарейсе Амстердам-Бостон меня возмутило поведение юных пассажиров, после поданного обеда разбросавших булочки по проходу.

— Какое свинство и неуважение к хлебу, где они воспитывались? — стал возмущаться я.

— Тише, — успокаивала меня супруга. — Тебя все слышат.

— Да что ты боишься? Здесь никто не говорит по-русски, — отвечал я своей половине.

— Нет, почему же, — откликнулась девушка на заднем кресле, — я тоже русская.

— И я, и я, — слышалось со всех сторон.

Распад Союза вызвал небывалую эмигрантскую волну на всем постсоветском пространстве, помню, в те годы в Бишкеке был популярен старый еврейский анекдот, слегка адаптированный для Киргизии. «Встречаются двое русских и оживленно беседуют, к ним подходит третий: — Не знаю, о чем вы говорите, но уезжать всё же придется». Желание к перемене местожительства охватывало русскоязычное население всякий раз, когда в газетах печатали поэтапные графики перевода делопроизводства на кыргызский язык. «Не за себя волнуемся, пережива-

ем за будущее детей», — говорили соотечественники, пакуя чемоданы. Признаюсь, я тоже лелеял мечту перебраться поближе к детям, и потому-то меня интересовала жизнь в русских кварталах, но однажды в магазинчике «BAZAR», в котором продавались давно забытые ириски «Кис-кис» и «Золотой ключик», мне бросилось в глаза объявление на русском языке. «Мужчина 50 лет с двумя высшими гуманитарными образованиями ищет работу по уходу за ребенком-инвалидом». Этот крик души, веющий такой безнадегой, остудил мои желания и я решил, что благополучную Америку лучше строить в своем отечестве.

В магазины и лавочки я старался не заходить, в дневные часы в них было безлюдно, и скучающие продавцы сразу обращали ко мне свои приветливые взоры, стараясь разговорить потенциального покупателя. Так как я забредал туда просто поглазеть на товары, то излишнее внимание к моей персоне, обладающей к тому же корявым английским, меня смущало. И все же я лелеял мечту посетить какой-нибудь нумизматический салон, поскольку собирал монеты с детских лет, а в зрелые годы нумизматика стала моей основной профессией. Предварительно отыскав в интернете адрес салона, располагавшегося в одном из небоскребов на Маркер-стрит, я попал в небольшую комнатку на 14 этаже, в которой одновременно могли разместиться три, максимум, четыре покупателя. Меня встретил высокий седой мужчина почтенного возраста. Извинившись за свой плохой английский, я попросил разрешения осмотреть его сокровищницу.

- Как дела? Чего изволите? - спросил он по-русски.

- Вы говорите по-русски! - обрадовался я.

- Очень не хорошо, но немного понимаю. Мой дедушка родился в Россия, и у меня есть много русский друзья, - ответил старик.

Такого количества монет я не видел никогда, хотя к тому времени обладал солидным коллекционным стажем, собирая монеты всего мира с изображениями животных. Уже и не вспомню, почему я выбрал тему «Фауна на монетах мира», — может, потому, что зарубежные монеты мне казались таинственными и даже несерьезными в отличие от строгих в оформлении офици-

альных советских металлических денежных знаков. Во второй половине XX века стало модным помещать эндемиков на монетах островных государств Карибского бассейна, Африки и Австралии, так что недостатка в коллекционном материале у меня не было. Вот только попадали разменные монетки с экзотических островов за советский железный занавес крайне редко, что уж говорить о периферийной Киргизии, если здесь и алюминиевые монеты стран социалистического лагеря встречались нечасто. Но, возможно, тем и привлекала меня нумизматика, что каждая новая монета в коллекцию отыскивалась с большими трудом и немалыми материальными затратами. Помню, отдал за цент с Каймановых островов три серебряных советских полтинника.

- Где мы, а где Кайманы? – философствовал тогда владелец «раритета», заверяя меня о равноценности обмена, и я с ним соглашался.

В салоне на Маркер-стрит современные монеты всего мира, в том числе и островных государств, лежали в металлических тазиках по цене от десяти до двадцати пяти центов. Всю коллекцию из монет экзотических стран, которую я с большим трудом составлял на протяжении тридцати пяти лет, можно было собрать за полчаса, поковырявшись в тазиках. А вот цена лежавшего на витрине советского полтинника в сто раз превышала стоимость экзотических «раритетов». Редкие монеты с античных времен до наших дней отчеканенные в меди, никеле, серебре и золоте, покрывали плотным ковром небольшую витрину, а за спиной старичка стоял массивный старинный шкаф со множеством маленьких выдвижных ящичков, как я догадывался, тоже заполненных предметами моего увлечения.

Я обозначил интересующую меня тему и выдал перечень стран, чеканивших монеты с изображениями представителей фауны, на своем убогом английском, сопровождая заказ переводом на русский и активной жестикуляцией, что послужило антиквару командой для начала поиска. Поразили меня, если так можно выразиться, аристократические манеры хозяина салона: старичок вынимал определенные ящички с плотно уложенными монетами, упакованными в картонных холдерах или пластиковых пакетиках. Затем он, как заправский фокусник, извлекаю-

щий из колоды загаданную карту, с торжественным видом выдергивал из плотного ряда заказанную мной монету. Работал он в белых хлопчатобумажных перчатках. Каждую из выбранных мною монет он извлекал из пакета и, держа за гурт, демонстрировал в своих руках её сохранность. Столь бережное отношение к монетам, прошедшим через тысячи рук, казалось мне старомодным излишеством. И все же смотреть на него было одно удовольствие, так быстро, ловко и аккуратно он работал. Выбранные мной монеты он раскладывал по бумажным пакетикам, каллиграфическим почерком проставляя на них цену, страну и дату выпуска, номинал, а затем заклеивал скотчем. Между делом антиквар поинтересовался, откуда я прибыл.

- Из Бишкека, - гордо ответил я.

- Бишкек, Бишкек, не знаю, - признался он.

- Кыргызстан, - подсказал я ему.

- Курдистан, это где-то Турция или Ирак, - опять не понял меня антиквар.

- Нет, Кыргызстан, Киргизия, Фрунзе...

- О, Киргизия, Иссык-Куль. Горы. Good. Very beautiful country.

Мой друзья жили Фрунзе. Очень красивый страна.

Так мы пообщались более часа, и, признаюсь, я оставил у него больше, чем планировал потратить.

Тот визит в нумизматический салон на Маркер-стрит имел для меня самое неожиданное продолжение. Рассказывая дочери о своих приятных впечатлениях от посещения нумизматической сокровищницы, я разоткровенничался, поведав о потаенной мечте тоже открыть на старости лет свою антикварную лавочку. Благодаря спонсорской помощи дочери и зятя уже через год я въехал в собственный нумизматический салон в Бишкеке, где старался завести порядок по образу и подобию увиденного в Штатах. Под окнами салона я разбил газон и посадил живую изгородь. Во всем я пытался подражать своему американскому коллеге с русской родословной, правда, работать в перчатках так и не научился.

В этом году я снова попал в Калифорнию. Дочь, поднимаясь по карьерной лестнице, переехала жить в Силиконовую долину, и хотя до Сан-Франциско, или как его здесь называют, Фриско не очень и далеко, но у меня никак не получалось вырваться в город в нумизматический салон. В отличие от

прошлого приезда, когда я был предоставлен самому себе, на этот визит дочь составила плотный график развлекательной программы. На надувных лодках мы спускались по крутым перекатам Американской реки, ездили в парк любоваться гигантскими секвойями и расслаблялись на пляже знаменитого высокогорного озера Тахо, чем-то напоминающего наш Иссык-Куль. На робкие просьбы отпустить меня погулять по Фриско дочь строго внушала, что я приехал отдыхать и общаться с внуками, а не слоняться по магазинам, однако за день до отъезда она все же уступила моей назойливой мольбе.

- Я нашла в интернете адрес нумизматического салона на Маркер-стрит, - сказала она, протягивая мне листок с адресом. - Владелец его, правда, какой-то странный. Я ему позвонила, и он сразу стал допытываться, какими средствами ты располагаешь и сколько планируешь у него оставить, а когда я назвала сумму в 300 долларов, он согласился тебя принять, но только с 11 до 12, и еще он может говорить по-русски.

В предчувствии праздника я отправился в Сан-Франциско. То, что это не тот салон, стало ясно сразу, поскольку он находился не рядом с лифтом на 14 этаже, а всего лишь на седьмом, затерянный в лабиринте узких и низких коридоров. В маленькой прихожей стояли два стула, и ничто не выдавало наличие здесь нумизматического салона. Я громко откашлялся, обозначая свое присутствие, и из-за стеклянной двери выглянул мужчина лет сорока.

- Вам звонили по поводу монет, - сказал я, поздоровавшись.

- Хорошо, посидите в коридоре.

Ждать пришлось четверть часа, наконец из комнаты вышла молодая пара и сопровождающий их мужчина, все еще навязчиво убеждавший молодых людей в том, что покупая у него монеты, они делают самое выгодное вложение. Говорил он по-английски, но медленно и доступными мне фразами, и я его отлично понимал.

- Так что вы хотели приобрести? – обратился он ко мне уже по-русски.

- Можно посмотреть ваши монеты?

- У нас монеты только дорогие, вы назовите, какие вас интересуют, а я вам вынесу.

- Я хотел бы купить серебряные монеты с изображениями парусников и животных.

Продавец удалился и минут через пять вышел с перуанской монетой 5000 соли 1979 года выпуска.

- Очень редкая монета, с добавкой платины, вот здесь написано, - он показал пальцем на состав металла. - Почти весь её тираж уничтожен. Могу отдать за триста баксов.

Перуанская монета, конечно, представляла для меня определенный интерес. Металл, из которого она отчеканена, был указан на ней на испанском языке - «plata», что переводится как серебро. Созвучье в названии с другим благородным металлом, кстати, пошло от испанских конкистадоров, которые впервые познакомившись в Южной Америке с платиной, из-за тугоплавкости называли её пренебрежительно «серебришко» и ценили вдвое ниже, чем серебро. Естественно, что в сплав этой перуанской монеты платина не добавлялась, просто продавец пытался запудрить мне мозги, а за тройскую унцию серебра названная сумма представлялась мне чрезмерной, да и насколько мне помнилось, в американском нумизматическом каталоге Краузе монета 5000 соли не входила в категорию редкостей и ценилась как рядовая.

- А что еще можете предложить?

- Эту монету будешь брать? - перешел на ты продавец.

- Посмотрим, что есть еще, чтобы выбрать, - уклонился я от ответа.

На этот раз продавца не было минут десять, вернувшись, он протянул две монеты, которые мне были хорошо знакомы и даже лежали на прилавке моего салона в Бишкеке.

Медный немецкий нотгельд (дословно деньги нужды) достоинством 5 миллионов марок с изображением вздыбленного коня, монета хорошо известная, хотя встречается нечасто. Инфляция в Германии в 1923 году, породившая монеты с таким необычным номиналом, мастерски описана Эрихом Марией Ремарком в романе «Черный обелиск». Тогда зарплату работникам выдавали два раза в день, поскольку курс немецкой марки катастрофически падал по отношению к доллару и неистраченные к обеду деньги к вечеру обесценивались. На заре своей антикварной деятельности я уже оценивал нотгельд, который предложи-

ли знакомой женщине в обмен на двухэтажную дачу. Мою знакомую уверили, что в Германии, куда она выезжала на постоянное место жительства, эти монеты еще сохраняют свою покупательную способность и обмениваются в местных банках 1 к 100, что соответствовало целому состоянию. Тогда, отыскав стоимость нотгельда в нумизматическом каталоге, как оказалось не превышающую пятидесяти долларов, я предотвратил жульническую сделку, за что получил в награду бутылку коньяка, а позже мне принесли на продажу и саму монету.

- Очень редкий экземпляр, на аукционах уходит за штуку баксов, но тебе как земляку, так и быть, уступлю за триста, – он протянул мне нотгельд. Я нехотя взял раритет в руки. Не увидав восторга в моих глазах, продавец засветил мне следующую монету. – Эту могу отдать недорого, за двести.

Собрать показанного им серебряного доллара начала двадцатого века, только лучшей сохранности, уже год продавался в моем салоне, но в четыре раза дешевле.

Очень неприятно, когда тебя принимают за лоха, я не стал информировать продавца о своем коллекционном стаже и о том, что являюсь экспертом в составе международного жюри конкурса «Монетное созвездие». Одно было очевидно: бизнес не получился и пора уходить.

- Я был здесь семь лет назад, только на верхнем этаже, там еще старичок высокий такой сидел, - начал я интересоваться судьбой так понравившегося мне нумизматического салона. - У него был богатый выбор разменных монет со всего мира.

- Тот старик умер в прошлом году, теперь это моя фирма, я недавно сюда переехал, а мелочью я не торгую, с ней одна морока, сейчас умные люди покупают только серебро и золото. Так ты будешь что-нибудь брать? А то я из-за тебя и так целый час потерял.

- Нет, спасибо, - мне стало так тоскливо, словно я потерял лучшего друга.

- Вот за это я и не люблю совков, всё хотят на халяву, - буркнул соотечественник напоследок и скрылся за стеклянной дверью.

Я позвонил дочке, сообщив печальную новость, что мой знакомый старичок умер.

- Посмотри по Интернету, может быть, найдешь еще какой-нибудь нумизматический магазин в этом районе? – попросил я.

- Да, есть по соседству. Записывай адрес, - начала диктовать дочь.

Я перешел в соседнее здание, поднялся на 14 этаж, и дверь мне открыл мой высокий интеллигентный старичок.

- Как дела, чего изволите? Иссык-Куль, Киргизия! – заулыбался он, узнав меня.

Рассказы

Холод

Пробираться сквозь свирепый мороз к своему жилищу не очень приятно. Хотя весьма поэтично. Ясное небо, как мишень, в которую попали дробью из звезд кучностью в поле зрения, огрызок луны, выглядывающий из-за крыши девятиэтажного дома, как голая девушка из кабинки душа, замерзшая река справа, как льды северного полюса, и тишина, как просто тишина, которую ни с чем не сравнить. И вот ты идешь через всю эту образность и, казалось бы, нет в ней ничего, кроме эстетики, но где-то между пониманием вещей и их непониманием затаился холод, и он самым коварным образом дал о себе знать.

Я шел себе и шел, пока его обжигающее дыхание не коснулось щеки. Как будто это была некая разумная сила, вдруг надумавшая пошутить или поэкспериментировать над плотью тех, у кого она есть. Дыхание коснулось щеки, и кожа вдруг встрепенулась, почувствовала неладное, сжалась. И все тело нервно передернуло. А сущности как будто того и надо было, она ощутила свою мощь, свое влияние и повысила самооценку. Так начался процесс постепенного планомерного замораживания. А идти было не менее километра вдоль русла реки, явной союзницы холода, потому что и она дышала в унисон ему и в одну сторону, в сторону меня.

Остановился, и вроде как сделалось теплее, не надолго,

но тем не менее. Однако подумал, что если так вот и стоять, то никаких шансов остаться теплу и жизни в теле нет. Минутное облегчение в далекой перспективе не дает никаких дивидендов. Захочется присесть и свернуться, потом не шевелиться и закрыть глаза, и все останется в прошлом. Дыхнул на руки и пошел дальше.

Холод стал проникать через кожу глубже в плоть, словно меч, пробивший подставленный под него щит. Холод щипнул кости пальцев, кончики пальцев без боя ему сдались. Я прибавил шаг, чувствуя, как проигрываю в неравной битве, как штурмующие войска берут рубеж за рубежом. И так захотелось тепла, милого, нежного, такого близкого и необходимого. А до него было идти и идти. Снег под подошвами скрипел неестественно громко и со звуком чего-то ломающегося. Может, мир настолько промерз и сделался хрупок, что трескается под моими шагами? Интересно все-таки посиневшими от мороза губами шептать что-нибудь поэтическое. Мир трескается под моими шагами, он огромная глыба льда, надумавшая вдруг расколоться на две части. И если мир настолько промерз, то почему не могу замерзнуть я? Вдруг действительно замерзну? Прямо на ходу, того не замечая. Сначала замерзнет тело, потом и мысли превратятся в лед. Две мысли стукнутся ледяными боками, издав хрустальный звон, и мыслительный процесс прекратится. Я останусь ледяной статуей в замерзшем времени. Странно думать об этом.

Холод нарастал, начал выкручивать кости. Я шел быстрее, и сильнее дул ветер в лицо. Глаза щурились, уши немели. Щупальца мороза через ноздри достигли мозга и принялись хлестать его плетьюми. А я подумал: что за сила влечет меня идти дальше? А потом подумал: что за сила вытащила меня из моего уютного милого жилища в такую непригодную для жизни погоду на улице? Просто мне захотелось посмотреть на проезжающие мимо автомобили и людей, сидящих внутри, и сопоставить мое счастье с их счастьем. В результате ничего не получилось, и пришлось возвращаться домой.

А дома ждет тепло, уют, забота, любовь. Мягкое теплое, нежное касание ласковых рук и недовольный взгляд, и губы, едва сдерживающие себя, чтобы не поцеловать. Горячая ванна, снова нотации, после все-таки поцелуй, объятия, осознание счастья и того, что путь проделан не зря, хоть и начат бессмыслен-

но. И закрытые глаза, не видящие ничего. Главное, чтобы они были закрыты, потому что если их открыть, то обнаружишь себя в помещении, заполненном холодом и одиночеством, как портовый склад заполнен ящиками и бочками.

- Прикоснись к моим губам, - шепчу обмерзшими синими губами.

Она касается их сначала ладонью, потом поцелуем, смотрит в глаза.

- Ах, зачем же ты, глупенький, ходил по такому морозу искать смысл бытия? - шепчет она и улыбается ангельски. - Ведь если все в таком холоде замерзло, то и смысл бытия тоже замерз. Он ведь только в тепле и может существовать.

Мое сердце постепенно оттаивает и оживает. Я смотрю на ее румяное засыпанное волосами лицо и умиляюсь.

- Затем, чтобы острее чувствовать тебя, - отвечаю ей шепотом на ухо.

Она хихикает и щипается.

Я провожу рукой по ее волосам. И чувствую воздух затвердевающей рукой, лежа в снегу.

- Поцелуй меня еще раз, - говорит она, и я целую.

Но губы уже не слушаются. И тело мое вдруг начинает отдаляться, отдаляться. И мне уже не холодно, а безразлично.

Дробь звезд угодила в цель, изрешетила небо. Как хорошо и красиво вокруг, подумалось мне, и стук начал стихать.

Прости, милая, я не дошел до дома, ведь тебя в нем нет, и не было никогда.

- Прощаю, - слышится в ответ.

Чувство природы

Ночь в конце августа особенно хороша. Огород вскопан, точно минное поле саперным батальоном. Ворота выкрашены тем оттенком зеленого цвета, каким в 1942-м выкрашивали танки «Т-34» и «КВ-1». Две тонны угля «Шабыр-Куль» закиданы лопатой в угольник, будто в вагон бронепоезда. Сто килограммов молдавского винного винограда выжаты и закатаны в снаряды для 75-миллиметровых пушек. План пятидневки выполнен в че-

тыре дня. Правда, грядет следующая пятидневка с намеком на новые трудовые подвиги. Стройными рядами наступают помидоры – это дивизии Фрунзе штурмуют Перекоп. То тут, то там образуются локации анархистов – огурцы выпускают своих сынов на суд солнца. Колкие тела малины и ежевики украшены рубиновыми и жемчужными камнями. За домом тянутся к небу хмурыми побегами кемеровские березки. Одна березка посажена родителями напротив Санькиного окна. Быть может, она выдюжит среднеазиатский климат, окрепнет, вырастет и станет есенинской белою березой под моим окном. Проснется однажды с похмелья Санька, выпьет с пол-литра рассола огуречного, глянет в окошко, морозом увенчанное, увидит березку кемеровскую, белоствольную, в шапке из снега, и образумится. А пока деревце требует ухода и полива, как и все во дворе и огороде. Но не ночью – днем. Ночью же можно отдохнуть.

Стемнело. Дневная жара уступила место прохладе. Теперь можно дышать полной грудью, расслабиться и не утирать каждые три минуты пот со лба.

На яблоне калированной поселился соловей-одиночка. Как вечереет, так затягивает трели унылые, любовные. К нему присоединяется дятел-ударник, отстукивает на столбе партии в духе хард-рока в поисках всяческих насекомых для пропитания. После них меланхолично завывают собаки из своих будок, устраивая продолжительные соло. На соседней улице затянет душевную песню хор бабушек. У соседа дядь Коляна зашелестят под дуновением ветра рослые тополя-великаны. Из-за тусклых облаков выглянет серебряным пятакон луна, и звезды тут как тут водят хоровод девицами на выданье.

Все эти деревенские звуки сливаются в одно гармоничное звучание, в мелодию сродни шедеврам Led Zeppelin и Pink Floyd. Хотя кто-то может с этим поспорить.

Уставший за день Санька вынес из амбара табурет и сел возле яблони. Опустил ноги во влажный от недавнего полива арык. Яблоня шелестит-колышется, зеленый ковер винограда, что днем сберегал от жара солнечного двор, встрепенулся, вдохнул свежесть вечернюю, выдохнул ароматом зелени и плодов своих. Затянули соло собаки из будок. Санька, уставший за день и довольный выполненной работой, решил послушать симфони-

ческий блэк-метал через мобильник и вставил наушники в уши. Швед Lustre своей унылой пронзительной мелодией увлек Саньку в далекие морозные дали, в шведские леса. Где холодные деревья и все холодно на ощупь. И тишина, что манит за собой неведомо куда. Санька погрузился в удивительную мелодию. Лето отдалилось и Саньке показалось, что он идет босиком по снегу, он в лесу и вокруг ни души – только Санькина. Ему сделалось легко и хорошо, и душа точно запела внутри, чувствуя близость природы и отсутствие цивилизации. И тут Санька понял, что природа, какой бы она ни была, имеет одну особенность. Она искренна. Холодна ли она, или горяча. Представляет ли она собой хвойные леса или же плодовые.

Санька закрыл глаза на десять минут, утопая в мелодии. Потом открыл и увидел трепетность природы, страх ее перед прикосновением человека. И это особенно чувствовалось в лунном свете, полумраке и колыбании всего от ветра. Природа раскрывалась полностью, сбрасывала с себя все одеяния листвы и преграды игл – она представляла в девственной наготе, ожидая уважительного к себе отношения. И неважно, какой она была – чувствительно ранимой, или же нарочито суровой – природа, как женщина, тает от любви и внимания.

Пьянчуга

Было уже около одиннадцати часов ночи. Пьянчуге не хотелось так рано возвращаться домой, но и пить больше было не с кем. Поэтому он присел на обшарпанную скамейку у незнакомого подъезда. Во дворе были заняты все скамейки кроме этой, потому что она была обшарпана и под ней лежала гора кожуры от семечек. А еще валялось несколько пустых бутылок и воняло мочой. Скорее всего, в этом подъезде не имелось домкома. Или жило много квартирантов. Пьянчуге было плевать. Лишь бы поблизости не находились люди. Ему хотелось побыть одному.

Он шел от ларька, который закрывается в одиннадцать часов, и ларек был еще открыт. Значит, дело еще не дошло до одиннадцати, подумал пьянчуга, купил пива и потер левое запястье. Не так уж поздно. Нужно скоротать где-нибудь пару часов,

и потом, ближе к часу, возвращаться. Когда все уже спят и не скрипят кровати за тонкими стенами.

Пьянчуга не пошел любимой дорогой, а пошел в обход, поэтому и забрел в незнакомый двор, хоть тот и находился недалеко от его дома. Двор был как двор, ничего необычного. Квадрат домов, разломанная детская площадка, песочница. Вот только молодежи много – на каждой скамейке кто-нибудь сидит. Либо пьют, либо воркуют с девушками. Голоса, смех – суета, в общем. Пьянчуга считал, что ночь должна быть тихой. В связи с этим не любил какой-либо ночной шум, особенно голоса.

Возраста пьянчуга был тридцатидвухлетнего. Довольно рослый, не сутулый и вполне приличный на лицо, если принять душ и побриться. За прической следить не любил, поэтому волосы всегда или почти всегда были растрепанные, хоть и стригся он коротко. Пожалуй, они были русого цвета. Девять лет назад одна женщина любила его за правильные черты лица и большие выразительные глаза с пронзительным взглядом. Хотя за семь лет многое изменилось. Одет он был в неделю нестиранную и от того не совсем белую рубашку и измятые брюки цвета кофе с молоком и шлепку, потому что у правой туфли отпал каблук. Пьянчуга как пьянчуга.

Большие сегодня звезды, подумал пьянчуга, выпил пива и закурил.

Тем временем за его спиной у соседнего подъезда возникло непонятное суетливое движение и послышались громкие злобные выкрики. Потом что-то звонко разбилось и послышалось быстрое цоканье каблучков.

Из-за кустарников возникла невысокого роста девушка с длинными кудрявыми волосами. На ней были обтягивающие джинсы и красная маечка. Избыток косметики не скрыл наполовину испуганного и наполовину злого выражения лица. Девушка посмотрела на пьянчугу и остановилась.

- Помогите, - почти крикнула она, - спасите меня от него.

Подошла к пьянчуге, схватила его за левое плечо и начала трясти.

- От кого? – не понял пьянчуга и убрал бутылку с колена, чтобы пиво не расплескалось.

Но ответить девушка не успела – из-за кустарников пока-

зался рослый парень в брюках и рубашке почти как у пьянчуги, только чистых. Он был очень зол и возбужден.

- Куда убегаешь, шлюха? – крикнул он, увидев девушку.

И парень, и девушка, похоже, были ровесниками и на десять лет моложе пьянчуги.

- Помогите, - не обращая внимания на парня, девушка трясла пьянчугу за плечо.

- Успокойся ты, - огрызнулся пьянчуга и поднялся со скамейки.

- Мужик, не вмешивайся, - погрозил парень, - это наши дела.

Пьянчуга меньше всего хотел вмешиваться. Ситуация его никак не устраивала, он начал нервничать.

Оказаться между двумя любимыми в пылу ссоры дело не из приятных и при том неблагоприятное. Это пьянчуга знал как расположение пальцев на своих руках. Но как теперь выкручиваться из ситуации?

- Подождите, уважаемые, - сказал пьянчуга, - не втягивайте меня в свои разборки. Я обычный алкоголик. Что с меня взять?

- Помоги мне, - попросила девушка и спряталась за спиной пьянчуги, - он меня убьет. Он просто псих ненормальный.

- Что ты несешь, дура? – возмутился парень, - какой еще псих?

Если одна частная жизнь вторгается без спроса в пространство другой частной жизни, то здесь что-то не так. Тем более, когда неизвестен контекст конфликта. Тем более, когда вы обычный пьянчуга и хотите побыть в одиночестве перед возвращением домой.

От ругани у пьянчуги заболела голова, он почувствовал раздражение. Девушка стояла за его спиной, вцепившись в плечи – в общем, вела она себя не самым лучшим образом. Хотя были неизвестны намерения молодого человека в отношении нее. Возможно, он действительно хочет сделать с ней что-то нехорошее.

После секундного раздумья над тем, помогать девушке или нет, пьянчуга решил не помогать и удалиться.

- Извини, милая, - сказал пьянчуга, освобождаясь от рук девичьи, - разбирайтесь сами. Еще и помириться.

Он отошел от девушки на пару шагов, оставив ее наедине с преследователем. Вроде они не убивали друг друга.

- Не бросай меня, пожалуйста, - взмолилась девушка, - защити меня, будь мужчиной.

- Я сегодня слишком устал и слишком пьян для этого, - ответил пьянчуга и пошел восвояси.

- Трус! – кричала ему в спину уволакиваемая парнем девушка.

- Правильно, мужик, вали! – крикнул парень.

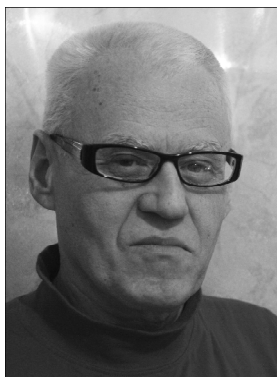
Но пьянчуга даже не обернулся. С полупустой бутылкой пива он шел домой. Настроение его было испорчено напрочь.

Он допил пиво возле своего подъезда. Поднялся на третий этаж, достал из кармана ключи и долго искал в темноте наощупь замочную скважину, так как кто-то вновь выкрутил лампочку на этаже. Замок щелкнул два раза, и дверь впустила пьянчугу в темную пустую однокомнатную квартиру. Пьянчуга включил в прихожей свет, разулся. Прошел в комнату, разделся, покидал небрежно вещи на стул, лег на диван, укрывшись одеялом. Свет в прихожей так и остался гореть.

В эту ночь не скрипела ни одна кровать за тонкими стенами. Но все же пьянчуге долго не удавалось уснуть. Он все думал о той девушке и своем поступке. Возможно, думал он, я поступил неправильно. Возможно, надо было помочь. А что бы я сделал, вернись время обратно? То же самое, ответил сам себе, то же самое.

- Может, поэтому все так плохо? – спросил пьянчуга свое одиночество.

- Может быть, – ответило ему одиночество.

Владимир МЕДВЕДЕВ

ЗАХХОК

Роман*

Содержание предыдущих глав

События происходят двадцать лет назад в Таджикистане в конце кровопролитной гражданской войны. В маленьком районе центре при неизвестных обстоятельствах убивают врача, и его младший брат Джоруб увозит “городскую” семью покойного — жену Веру, сына Андрея и дочь Зарину — в Талхак, глухое селение в горах Дарваза, обещая им безопасность. Однако здесь их ждут новые испытания. “Деревенская” жена покойного врача без ведома Веры и самой Зарины обещает девушку в жены местному парнишке Кариму по прозвищу Тык-ва. Тем временем бывший партийный работник Зухуршо Хуш-кадамов захватывает ущелье, отнимает земли местных крестьян и собирается выращивать на них опиумный мак. Отрядом его боевиков по просьбе бобо Сангака, руководителя Народного фронта, командует бывший советский офицер Даврон, с которым Зухуршо постоянно соперничает. У Даврона возникает к Зарине сложное чувство — девушка напоминает ему бывшую возлюбленную, которая умерла потому, что он, по его убеждению, приносит несчастье близким людям. И теперь он боится, что навлечет беду и на Зарину. По этой причине он скрывает свои чувства к девушке, и Зухуршо, чтобы досадить Даврону, сватается к ней и обманом получает согласие.

* Окончание. Начало в №2, 3 за 2012 год и № 1, 2 за 2013 г.

Глава 20

Зарина

В серой полутьме я взобралась на крышу по приставной лестнице. На краю кровли виднелась какая-то смутная тень. С вечера до рассвета наверху постоянно торчит “каравул”, часовой, — делает вид, что охраняет, а вернее всего, спит.

Каравул не спал или проснулся и, хотя узнал меня, гавкнул:

— Э?!

Я подошла и сказала:

— Кыш отсюда! Я буду здесь сидеть.

Он мало, что не подчинился, ещё и прикрикнул:

— Э, чего?!

— Не слышал? Катись вниз. Это моё место.

— Э, женщина, ты что?

— Не уйдёшь, скажу Зухуршо, что ты ко мне приставал.

Каравул, ясное дело, струсил:

— Сестра, если уйду, командир ругать будет.

— А Зухуршо тебе голову откусит.

— Э-э-э... — и он потопал к лестнице, тихо ругаясь и беззвучно громыхая по жестяной кровле.

Я села на краю крыши и стала смотреть на небо, светлеющее над изломом горного хребта. Во рту остался тошнотворный привкус от имени Зухуршо, которое вырвалось у меня само собой. Ещё вчера я и представить не могла, что буду так легко произносить его вслух. Но сейчас мне было всё равно. Все чувства тонули в каком-то тяжёлом сером тумане.

Это был третий день. Последний. Назавтра ожидалось возвращение Черноморда. Правда, мне почему-то казалось, что он никуда не уезжал, а просто прятался, не появлялся мне на глаза. Как чудовище в “Аленьком цветочке”. Только не доброе, щедрое и великодушное, как в сказке, а злобное и хищное. Я с ужасающей ясностью представляла то, что должно произойти следующей ночью. С такой отчётливостью, будто это происходило на самом деле. Как будто это уже произошло. Не хочу даже пересказывать, насколько оно было страшно и омерзительно.

Нет, я не позволю.

Либо с ним, либо с собой что-нибудь сделаю.

Схожие мысли мелькали у меня в уме ещё дома, в Талхаке. Наверное, каждый человек хоть раз в жизни о таком думает. Я утешалась, обдумывая — тогда ещё не всерьёз — разные варианты. Представила себя висящей с высунутым языком и вытаращенными глазами и мне стало дурно. Гадость какая! Утопиться в речке, отравиться... Тоже ничуть не лучше. Раздуваясь в воде утопленница, или того хуже — почерневшее от яда лицо, скрюченное тело... Б-р-р... Отвратительно. Нет, так — бесцветно, бессильно, покорно — нельзя уходить из жизни! Я вспомнила рассказы о таджикских девушках, сжигавших себя заживо. Прежде я удивлялась: разве нельзя по-другому? Чтоб умирать было не больно. Теперь, кажется, понимаю. Только огнем можно выразить гнев, возмущение, вызов, непокорность. Меня охватило странное чувство, будто эти сгоревшие девушки — мои сёстры. Я вспомнила картину “Свобода на баррикадах” и представила, как размахиваю гигантским пылающим факелом и веду за собой бесстрашных отчаявшихся девушек всего Таджикистана...

Но мама и Андрюшка преградили нам путь. И папа тоже. Только папа стоял немного в отдалении, в тени, потому я его не видела, но чувствовала, что он здесь.

Мама, наверное, ещё ничего не поняла или не захотела понимать. Она сказала строго: “Зарина, сейчас же прекрати баловаться с огнём. Малейшая неосторожность, и ненароком подожжёшь дом”.

Я ответила: “Хорошо, мамочка. Я отойду как можно дальше”.

А сама подумала, что дом Черноморда — это змеиное гнездо, которое надо сжечь дотла. И пепел по ветру развеять.

“Что ты такое говоришь! — возмутилась мама — В доме люди живут. Ни в чём не повинные люди. Их ты тоже собираешься, как ты только что выразилась, сжечь дотла?”

Из толпы девушек выскочила Заринка, моя вторая... нет, моя десятая натура, и закричала: “Мама! Она не будет поджигать дом. Она себя собирает сжечь! Она меня, меня сожжёт! Почему ты думаешь о других, а не обо мне?!”

“Глупости, — сказала мама. — Зарина никогда так не поступит. Я запрещаю”.

Я спросила: “Ты хочешь, чтобы Черноморд... — я не знала, в каких словах поднести это маме. — Ты хочешь, чтобы Черноморд... надругался надо мной?”

“Господи, Зарина! — воскликнула мама. Потом сказала: — Но есть же другие выходы...”

“У меня их нет”, — сказала я.

“Есть выход! — крикнул Андрей. — Убей его!”

“Андрей, сейчас же прекрати молоть вздор, — сказала мама. — Где ты этого набрался?”

“Почему себя?! — крикнул Андрей. — Его убей! Убей этого гада!”

И Заринка, трусиха, поддакнула: “Его убей!”

Может, они с Андрюшкой правы?

Я сказала тихо: “Мама...”

“Моя дочь не способна стать убийцей, — отрезала мама. — Это даже не обсуждается”.

“Почему?! — закричал Андрей. — Почему вы всегда только запрещаете? Почему с вами невозможно ни о чем поговорить?”

Папа подошёл, встал рядом с мамой и сказал строго: “Андрей, с матерью нельзя так разговаривать. Нельзя на мать кричать. Старших уважать надо”.

Тут и Бахшанда появилась и встряла: “Э, Вера своих детей совсем не воспитала”.

“А ты помолчи! — крикнула ей Заринка. — Своих-то детей словно мышей зашугала. Они тебя как огня боятся. Это и есть, по-твоему, воспитание?”

Я всё ждала, что папа вмешается и всех рассудит, но он, как всегда, промолчал и заговорил совсем о другом: “Зарина, Бог запретил нам убивать. Никого нельзя убивать — ни других, ни себя”.

“Раньше надо было учить, пока жив был”, — опять встряла Бахшанда.

“Если убивать нельзя, тогда почему тебя убили?” — спросил Андрей.

“Плохие люди убили”, — сказал папа.

“Почему плохим людям можно, а нам нельзя?! — вскипел Андрей. — Мы должны мстить плохим людям. Поступать, как они. Иначе выходит, что они сильнее нас”.

Но мама сказала: “С плохими людьми должен разбираться закон”.

Какой закон?! Здесь, в горах, есть только один закон, несправедливый. И этот закон — Черноморд.

“Мамочка...”

“Нет, нет и ещё раз нет! — сказала мама. — Мы не звери”.

“Мама, ты хотя бы представляешь, что он будет со мной делать?” — спросила Заринка.

Мама промолчала.

Я спросила: “Мама, ты будешь меня любить, если я убью его? Ты не разлюбишь меня?”

“Ты не убьёшь, — ответила мама. — Моя дочь не способна убить”.

Она не ответила на мой вопрос, а я не могла заставить её ответить и не была уверена, что смогу заставить себя послушаться.

“Убег! — завопила Заринка. — Спрячься в горах. Доберись до Калаи-Хумба по тропе, о которой Андрюшка рассказывал”.

“Дурочка, — сказала я, — а ты подумала, как Зухуршо отомстит маме и Андрюшке, если я убегу? А есть ещё дядя Джоруб, тётя Дильбар. И даже Бахшанда...”

Бахшанда сначала фыркнула в обычной своей манере, а потом сказала: “Правильно говоришь, девочка. Молодец”.

Я хотела ещё что-то сказать, но мне мешала сосредоточиться Заринка, которая начала подвывать: “Я не хочу умирать. Я не хочу умирать”.

Я прикрикнула на неё: “Прекрати”.

Но она, ясное дело, в упор не слышала и выла, не умолкая. А на меня навалилась какая-то неподъёмная, окончательная тяжесть, которую невозможно сбросить, потому что я приняла решение, которое невозможно отменить...

В это время сзади, за моей спиной, из-за горной кромки высунулся краешек солнца, и впереди на холодных вершинах высоко надо мной вспыхнула золотая полоска. Я не хотела, чтобы солнце всходило. Зачем оно, если всё равно ничего не будет? Но оно всё-таки взошло. Я ненавидела солнце. Я ненавидела узкое сияние на вершинах. Это ложь, враньё, страшный обман, дикое непереносимое притворство. Какое у солнца право

радостно сиять и возвещать, что мир добр и светел?! Почему это подлое светило обещает прекрасное будущее?! Я отвернулась и стала смотреть на гору за рекой — на противоположный склон, мрачный, серый, туманный... Он-то хоть не врал.

Я услышала, как внизу, под стеной дома, голос младшего братца Черноморда — такого же как гада, как старший, — спросил:

— Почему не на посту?

Каравул ответил жалобно:

— Жена Зухуршо сказала: “Уходи”. Сама на крыше села.

— Теперь бабы тобой командуют?

— Э, биять! Она сказала: “Зухуршо пожалуюсь”.

— Хорошо, я разберусь, — сказал Гадо. — Не бойся, в обиду тебя не дам.

Я услышала, как верхний конец лестницы заёрзал по краю крыши — кто-то взбирался наверх. Потом по кровле забухали шаги. Над коньком возникла голова Гада. Я отвернулась, но всё равно слышала, как он, гремя железом, подходит и останавливается неподалёку от меня. Кажется, я даже обрадовалась его приходу. Меня переполняли гнев и возмущение, надо было на кого-то их выплеснуть. Я обернулась и посмотрела на него. Гад щеголял в камуфляжных брюках с зелёно-коричневым рисунком и чёрной майке. На плечи он набросил как плащ чёрный шерстяной чекмень.

Ненавижу!

— Чего припёрся?

Он смотрел туда же, куда и я, — на раскалённую световую лаву, катящуюся вниз по склону. Потом сказал по-русски, словно говорил с собой:

— Э, холодно, оказывается...

Я только сейчас почувствовала, как резок воздух и как бьёт меня холодный озноб.

Гад сказал:

— Ты, наверное, замёрзла, сестрёнка.

Он скинул чекмень и очень осторожно набросил мне на плечи — казалось, ловил птицу, которая присела на кровлю и вот-вот вспорхнёт. Я закинула руку назад, ухватила чекмень за ворот, сдёрнула и швырнула вниз. Чёрная тяжёлая одежда, рас-

пластавшись, полетела к земле, как самоубийца, бросившийся с крыши.

На Гада я не смотрела, но почувствовала, как его передёрнуло. Однако он лишь пробормотал:

— Обижаешься... — и опустил на корточки невдалеке от меня.

Сядь он поближе, я, наверное, столкнула бы его вслед за чекменём. Он помолчал и сказал:

— Я тоже как ты... Когда маленьким был... Я тоже любил на крыше сидеть. Не здесь. Раньше старый дом стоял, я туда залезал. Зухуршо меня обидит, я на крышу залезу, сижу, думаю, обижаюсь. Я маленький был, Зухуршо меня много обижал... Он всех обижает. Зебо тоже обижал. Я её всегда защищал...

— Ты защищал?! Какой герой... Видела я, как ты перед своим братцем на брюхе ползаешь.

Его опять передёрнуло.

— Старших уважать надо.

— Вот вали отсюда и уважай.

Он вскочил, и мне на мгновение показалось, что он ударит меня, но он выпрямился и сделал вид, что затекли ноги. Закинул руки за голову, потянулся, переступил с ноги на ноги, разминая, и опять опустил на корточки.

— Ты смелая, — сказал он. — Зебо не такая была. Ты, наверное, себя русской считаешь, а ты всё равно — наша. У тебя отец таджик был, значит, ты — таджичка. Надо немножко учиться, как себя правильно вести. Немножко скромной быть. Мужчин уважать тоже надо. Правильно с мужчинами разговаривать. Уважительно.

Ещё и учит, сволочь!

— Как она умерла? — спросила я.

Гад удивился:

— Кто умер?

— Зебо.

— Э, ты не бойся, — сказал он. — Если правильно сделаешь, ничего плохого не будет. Я тебя научу. Помогу. Хороший совет дам...

— Не надо советов. На вопрос ответь.

— Что за вопрос?

Я повторила раздельно:

— Отчего. Умерла. Зебо.

Он огладил поганую рыжую бородку.

— Заболела... Очень больная была. Зачем Зухуршо такую больную жену взял? Э, ему какая разница?! Зухуршо женщин не любит. Совсем женщинами не интересуется. Ему женщины не нужны. Только деньги, деньги, деньги. Жадный он, жадный...

Впервые хоть одно слово у него вырвалось искренне. Я сказала злорадно:

— Не любишь ты братца.

— Зачем его любить? Он сам себя очень сильно любит. Такую девушку, как ты, замуж взял, даже не взглянул. Совсем ничего не понимает. Я не такой. Я женщин понимаю. Уважаю. Знаю, чего женщины хотят... Я о тебе заботиться буду...

— Когда это ты собрался заботиться?

— Если одно дело сделаем... Как царица будешь жить. Куда хочешь, поедем. В Америку поедем, в Париж поедем, в Дубай поедем. Всякие модные платья, которые только жёны арабских шейхов носят, тебе куплю...

За кого он меня принимает? Я повернулась и посмотрела на него.

— Не веришь? Правду говорюсь. Хлебом клянусь. Где ты такого мужа найдёшь? Или за русского хочешь замуж выйти?

И этот туда же лезет! Ещё один жених. Мне было противно, что он так со мной разоткровенничался. Хотя в общем-то — безразлично, потому что... одним словом, было безразлично, но чтобы отвадить его, я процедила сквозь зубы:

— Что ты мелешь?! Руку и сердце предлагаешь? Не боишься? Вот возьму и расскажу Зухуршо, как ты мне... — его так называемой жене — руку и сердце предлагал?

Он засмеялся.

— Не расскажешь. Ты его ненавидишь. Ты, чем ему хоть одно слово скажешь, лучше язык себе откусишь.

— Расскажу, — повторила я.

— Э, сестрёнка! Ты думаешь, я глупый? Думаешь, ничего не понимаю? Я тебя очень хорошо понимаю. Знаю, о чём думаешь. Я тоже об этом думаю...

— Так ты ещё и думать умеешь?

Он не обратил внимания на мою язвительность и сказал:

— Зухуршо убить надо.

Он произнёс это негромко, но очень серьёзно.

— Убей, — сказала я.

— Не могу, — сказал он. — Зухуршо мой брат.

— А-а-а, брат... — сказала я. — Тогда зачем языком зря болтаешь?

— Ты это дело сделай, — сказал он.

Я даже не разозлилась. Меня это даже не задело. Как ни удивительно, мне сделалось смешно.

— Послушай, юноша, — сказала я. — Ты предлагаешь убить твоего старшего брата. И что потом? Потом меня зарюют живой в землю, побьют камнями... Или как тут у вас поступают в таких случаях? А ты останешься чистеньким и первым бросишь в меня камень...

— Нет, — сказал он. — Я на тебе женюсь. Никто ничего не узнает. Милиции нет, прокуратуры нет, никакой власти нет. Я буду здесь власть. Скажем: заболел, умер. Кто станет проверять?

Глупо и смешно, но я вдруг попыталась представить, как это будет.

“Зарина, даже думать не смей!” — воскликнула мама.

А Гад плёл своё:

— Старушка есть, она все знает. Я у неё взял одно лекарство. Очень хорошее лекарство. Вкуса не имеет, запаха не имеет. Если в чай положить, Зухуршо ничего не заметит. Спать ляжет, утром не проснётся.

Меня разобрало нестерпимое любопытство. Было ужасно интересно, как он собирается... Почему он? Это он *мне* предлагает. И хотя я ни за что в жизни не войду с ним в сговор, хотелось узнать, как он всё задумал.

— Никто не узнает, говоришь? А твоя старушка? Она же и проболтается, что яд тебе давала.

Он даже рассердился.

— Зарина, ты вообще ничего не понимаешь! Кто мне хоть одно слово сказать посмеет? А между собой будут шептаться, пусть шепчутся. Зухуршо никто не любит. Зухуршо всех людей обидел. Они только радоваться станут, вопросов задавать не будут. А старушка вообще ничего не расскажет...

— Почему это?

— Бабушка умерла. Давно уже умерла.
Он убил её, ублюдок!
— Ты, наверное, неправильно подумала, — сказал он. — Сама скончалась. Очень старая была.
— Понятно, — сказала я. — А про меня что скажешь? Очень больная была? Как Зебо. Или просто очень глупая.
Он придвинулся ближе ко мне.
— Про тебя скажу: “Я на этой женщине женюсь”. В жёны тебя возьму.
Он пододвинулся совсем близко и обнял меня за плечи.
— Руку убери, — сказала я безразлично.
— Я как брат...
— Лапы свои поганые убери! — закричала я не своим голосом.
— Зачем кричишь?
Он отдернул руки, но я видела, что он взбешён и борется с собой.
— Зарина, зачем так говоришь? Зачем на меня кричишь?
— Потому что ты мне противен. Вы все мне противны! Уходи.
Его, кажется, наконец проняло.
— Хай, сестрёнка. Не обижайся. Подумай. Хорошо подумай...
И потопал к лестнице. Я крикнула вслед:
— Гадо, как умерла Зебо?
Он остановился, обернулся.
— Зухур её убил.

Глава 21

Карим Тыква

В доме Зухуршо на заднем дворе дрова рублю, хворост ломаю. Такие задания взводный командир всегда только деревенским даёт. Наши ребята, талхдаринские, обижаются: “Мы разве других хуже? Дровосеки разве?”. Я сам вызывался. Взводный засмеялся: “К кухне поближе, от службы подальше?” Я лицо

глупое соорудил, сказал: “Солдатская пища надоела. Может, домашним покормят”. Ребята тоже засмеялись: “Э, Тыква, чем до Зухурова котла, до звезд ближе дотянуться. Брюхо набить не мечтай”.

Я и не мечтал. Зарину увидеть надеялся.

Работа привычная, легкая. Дрова рублю, по сторонам то и дело оглядываюсь, Зарину высматриваю. Потом шаги слышу, оборачиваюсь— Зарина из дома выходит, в руке медный старинный кувшин несет, ко мне направляется. Походкой её люблю. Легко, как лань, идет. Красное платье, как пламя, вьётся. Темным платком голова покрыта — лицо, как луна, в ночи сияет.

Подходит.

— Здравствуй, Карим, — говорит.

Прежде думал: повезет, если издали погляжу. Гораздо лучше вышло. Рядом стоять, разговор вести посчастливилось! Зарина говорит:

— Карим, ты ведь на мне жениться хотел...

— Да, — говорю, — очень хотел. Сейчас тоже хочу, но тебя за Зухуршо замуж отдали. Значит, не судьба. Бог так захотел.

— А если бы по-другому случилось? Если бы... если бы мы мужем и женой стали... Некоторые националы женщину за человека не считают. У вас, наверное, тоже так?

Сладостно мне с Зариной тайную беседу о нас с ней вести. Чужая жена, но все равно радость сердце наполняет, через край переливается.

— Нет, — говорю, — у нас не так. У нас мужчины женщин уважают.

— Ты бы уважал?

— Очень бы уважал.

Зарина со мной говорит, но будто о чем-то другом, своём думает.

— Жалел бы? — спрашивает.

— Да, — говорю. — Очень бы тебя жалел.

— И просьбы мои бы выполнял?

— Все просьбы выполнял бы, — говорю. — На руках бы тебя носил.

— Помогал бы?

— Обязательно, — говорю. — Во всем бы помогал. Всё, что тебе нужно, делал.

— А сейчас сможешь?

— Помогу, — говорю. — Обязательно помогу.

Зарина говорит:

— Помоги, Карим. Достань то, что я прошу.

Афтобу, кувшин с длинным горлом, протягивает:

— Налей сюда бензина. Войди потихоньку в гараж, там, видимо, есть канистры какие-нибудь. Или из бака слей.

— Зачем? — удивляюсь.

— Надо, — говорит.

Прямо не сказала, но я вдруг понял, зачем. Меня будто среди сладкого сна разбудили, на край черной пропасти толкнули. Почему раньше не заметил, что лицо Зарины тусклой бледностью покрыто? Почему не различил, что голубые глаза цвет поменяли? Серыми холодными льдинками на меня смотрят спокойно, внимательно, а будто не видят... Слова, какие знал, рассыпались, собрать не могу.

— Нельзя так делать, — говорю.

— Афтобу замарать боишься? — Зарина спрашивает. — Это всего лишь кувшин. Какая разница, что в него наливать...

— Бог запрещает, — говорю. — Те, кто запрет нарушили, в рай не войдут.

Зарина говорит, тихо, спокойно:

— Ну и пусть. Мне всё равно! Я Зухуру не дамся.

Афтобу мне в руки дает.

— Возьми кувшин, Карим, — говорит.

Я афтобу беру.

— Бог запрещает, — повторяю. Потом говорю: — Я тебя отсюда уведу.

Решимость в сердце вспыхивает, слова сами на ум приходят:

— Темнее станет, тогда уйдем. На воротах Барфак стоит, из нашего селения. Ему что-нибудь скажу, придумаю, он выпустит. Одна тропа есть, о ней только мы, талхдаринские, знаем. Чужие ребята, которые с Зухуршо пришли, они не знают, им не рассказываем. По этой тропе пойдём. Я не ходил, но, говорят, до самого Калаи-Хумба дойти можно. Трудная дорога, женщины

по ней не ходят, но ты пройдешь. Ты сильная. В Калаи-Хумб придем, что-нибудь придумаем. В Калаи-Хумбе русские солдаты стоят...

Зарина головой качает, говорит, как матери малым детям говорят:

— Головы не теряй, Карим, — говорит. — О родителях подумай. Уйдем, а с ними что сделают?

Будто крылья мне ломает. С высоты на землю падаю.

— Да, — говорю, — родители...

Зарина говорит:

— Керосин в доме есть, только он горит медленно. Если бензин... то будет быстро. Понимаешь?

Понимаю. Слова опять рассыпаются, собрать не могу. Сердце в груди кровавыми слезами плачет.

Зарина говорит:

— Карим, ты только что пообещал. Помнишь?

— Ради тебя умру, — говорю. — Но смерть тебе своими руками не принесу.

Она тихо говорит, без упрёка:

— Ты тоже, Карим... тоже обманул...

Будто тонкий волос, что нас на одно мгновение соединил, разрывает. Афтобу забирает, уходит. В дверях дома, будто в пещере, будто в могильной яме, скрывается. Вслед смотрю. “Дедушка Абдукарим, — умоляю, — помогите. Как Зарину от смерти, от страшного греха уберечь, совет дайте. Что делать, скажите”.

Рядом ствол сухого дерева лежит. Топор хватаю, дерево, как злого врага, на мелкие щепки изрубаю.

Женщина из дома выходит.

— Эй, девона, что делаешь? — кричит. — Усердие свое показывашь? Такому дурню прикажи тубетейку снять, голову снимет.

В себя прихожу, топор роняю, думаю: “Правильно ругает — дурень! Мне не горевать надо — радоваться, дедам-покойникам и Богу спасибо сказать, что сегодня в дом Зухуршо привели. Разве сказала бы Зарина кому другому, что задумала? Кто другой смог бы остановить?»

Щепки, хворост быстро собираю, у очага на летней кухне

сваливаю, на крышу большого дома взбираюсь. Наверху Ахмад караул несёт.

— А, Тыква! Чего? — спрашивает.

— Устал, — говорю. — Отдохну, с тобой посижу.

— Хоп, ладно, — соглашается. — Расскажи что-нибудь.

— Что расскажу? — говорю. — Я нигде не был.

Та женщина опять во двор выходит. Оглядывается, наверное, меня ищет.

— У Зухуршо в доме все бабы наглые, — Ахмад говорит. — Нас за слуг держат. А хлеба, даже кусок лепешки, ни одна не вынесет.

Автомат берет, насмешки ради в нее целится.

— Та-та-та-та, — говорит.

— Увидит, — говорю.

— А-а-а, — говорит, — пусть смотрит. Я ещё кер достану, покажу. Билять, проститутка, чтоб у нее в дырке черви завелись.

Женщина к очагу подходит, дрова осматривает, пару веток поднимает, в кучу бросает. Потом уходит.

— Зухурова жена тебе что говорила? — Ахмад спрашивает.

— Ничего не говорила.

— С огнем не играй. Зухуршо за яйца повесит.

— Ничего не говорила, — повторяю. — Про своего брата спрашивала.

— А ты?

— Сказал, не знаю.

Сидим. Солнце за гору уходит. Тень хребта Хазрати-Хасан двор накрывает. Скоро темно станет. Думаю: “Дай Бог, чтобы Зарина передумала. Всю ночь до утра сторожить буду, если что-нибудь сделать соберется, помешаю, кувшин отберу”.

Слышу, внизу дверь стукнула. Зарина?! Нет, другая женщина по двору идет. В кухню под навесом входит, в очаге огонь разводит. Воду в два кумгана наливает, кумганы на очаг ставит. Постояла рядом, назад к дому идет. Должно быть, ждать надоело, пока вода для чая вскипит.

Ахмад тоже на женщину смотрит.

— Я баб не уважаю, — говорит. — У женщин столько хит-

ростей, сколько проса в мешке. Ты еще молодой, не знаешь, я тебе расскажу, — насвай достает, под язык кидает. — Короче, сказка есть. Было, не было, один царь жил, у него царица была. Очень её любил. Дни и ночи с ней на постели лежал, сосок её груди во рту держал. Если царица за нуждой вставала, морковку брала, в рот ему клала, тогда уходила...

Что в сказке случилось, не слушаю. Думаю, если б Зарина моей царицей была... Но нас разлучили, Зарина не супружескую постель, огонь выбрала...

Отчаяние меня на части рвет. Сидеть немоготу. На ноги вскакиваю. Ждать, страшиться — терпения нет.

— Уходишь? — Ахмад спрашивает. — Э, дослушай!

Пересиливаю себя, сажусь.

— Ноги затекли, — говорю.

Ахмад сказку продолжает, я с темного пустого двора глаз не свожу.

Слышу, внизу дверь открывается. Кто выходит, сверху не видно. Та, что вышла, в полутьме двор пересекает. Женщина. Различить трудно, но сердце колотится, подсказывает: Зарина! Афтобы в руке нет. “Наверное, кипяток в дом принести послали”, — надеюсь.

Зарина к кухне идет, под навес входит. Навес её наполовину от взгляда перекрывает: голова и плечи не видны, только подол платья вижу. В полусвете красное платье черным представляется. Зарина у очага останавливается, стоит. Свет от очага края платья красным отсветом обрисовывает.

Зарина в правый угол кухни идет, рядом с большим глиняным ларем присаживается. Теперь почти всю вижу, навес только голову закрывает. Зарин из-за ларя что-то достает, а что достала, разглядеть не могу — вдали от очага совсем темно. Выпрямилась — опять только подол от пояса до изоров, едва изпод длинного платья выглядывающих, и тужель вижу. К очагу возвращается. Перед огнем стоит.

“Не стоит ей на пламя долго смотреть, — думаю. — Плохие мысли решимость укрепят, над разумом верх возьмут...” Хочу окликнуть, не решаюсь. Ахмад услышит, дурную славу распустит: “Жена Зухуршо с деревенщиной спозналась”.

Зарина к очагу нагибается. Теперь руки её вижу, огнем ос-

вещенные. Из кучи хвороста, что подле очага лежит, ветку вытаскивает, конец ветки к огню подносит.

Я смотрю, поверить не могу.

Зарина горящую ветку из очага вынимает. Вскикиваю, к краю крыши бегу.

— Эй, Тыква! Куда?! — Ахмад кричит.

На землю прыгаю. Смотрю, вижу: Зарина перед очагом стоит, красное платье красным огнем пылает. К ней бегу. Слышу: Зарина кричит. Страшно кричит — сердце мне как ножом режет. Платье пылает.

Что делать?! Весь двор, пламенем освещенный, разом вижу. Справа, на стене конюшни попона висит. Туда бросаюсь, тяжелую попону обеими руками хватаю, с жерди, на которой висит, срываю, к Зарине бегу, на ходу попону расправляю. Попону на Зарину набрасываю. Зарина кричит, бьется. Обеими руками Зарину обхватываю, попону к ней пржимаю. Подол платья горит, пылает. Зарину крепче обхватываю, от земли приподнимаю, на пол кладу. Куртку, пуговицы обрывая, рывком распахиваю, сбрасываю, Зарине ноги укутываю.

Рядом Ахмад:

— Что такое?! Что случилось?!

— Куртку снимай! — кричу. — Воду носи!

Слышу: где-то женщины завопили:

— Ой, вайдод!..

Глава 22

Даврон

Ворух. Двенадцать тридцать две. Отпускаю водителя, вхожу во двор мулло Раззака. Кроме кур — никого.

— Эй, есть кто?!

Выбегает мальчик, сын мулло:

— Ас салому...

— Умыться.

Вхожу в мехмонхону. Прислоняю автомат у входа. Разуваюсь. Сбрасываю робу, несвежую рубаху. Чистая аккуратно

сложена и оставлена справа от порога. Мальчик осторожно стучит в дверь. Выхожу. Мальчик поливает из кувшина. Четыре раза — чтоб вымыть руки. Три раза — сполоснуть лицо. Всего семь. Показываю: на шею и спину. Льет. Подает полотенце.

— Скажи женщинам, чтобы вечером воды нагрели. Исккупаться.

Возвращаюсь в мехмонхону. Надеваю чистую рубаху. Приносят еду, перекушу и, может, слегка покемарю. Умаялся за эти дни. Зато косяк, который упорол Зухуршо, выправил. Мои бойцы прибыли до того, как блатные успели залить кровью Верхнее селение по самые крыши. Гург, их главный пахан, отсутствовал. Взводный дал неточную информацию — Зухуршо послал туда не Гурга, а Рауфа. Гнусная тварь, не уступит Гургу. Он и руководил весельем, пока мы не остановили. Но и местные не овечки. Короче, пришлось действовать на два фронта. Разбираться сначала с блатными, потом с местным населением. Обломали рога и тем, и другим. Миротворческие, мать его, войска...

В дверь стучат. Двенадцать сорок пять. Курбонов, вроде как мой личный осведомитель. С докладом о минувшем периоде.

— А, Даврон! Как доехал? Как здоровье?..

И прочая мудотень. Не выношу эту манеру.

— Муму за хвост не тяни. Доложи обстановку.

— Нормальная обстановка.

— Происшествия?

— Не было происшествий. Все хорошо.

— Зухур?

— Тоже хорошо. Только огорчается, наверное.

— С чего это?

— Жена сгорела.

Сразу не врубаюсь:

— Чья жена?

— Зухуршо жена.

— Курбонов, чушь не пори. Объясни четко — что значит, сгорела?

— Керосин на себя вылила...

— Нечаянно, выходит, облилась.

— Нет, зачем нечаянно?! Нарочно. Потом подожгла.

Странно. Не испытываю абсолютно никаких эмоций. Не то реакция запаздывает, не то смерть Сангака опустошила резервы, а новых не накопил.

— Жива?

— Была. Сейчас не знаю. Они не говорят.

— А Зухур?

— Наверное, огорчается.

Чувство все же вскипает. Медленно, тяжело. Не жалость, не чувство вины. Гнев.

Встаю, надеваю робу, натягиваю берцы. Кладу в кобуру “пэ-эм”. Иду к дому Зухура. Курбанов по дороге отстает. Вхожу. В дверях — мать Зухура.

— Жива?

Кивает. Жива.

— Где?

— Нельзя. Чужим на женскую половину входить — грех.

— Где она?

Отодвигаю старуху, открываю дверь направо. Дверь налево. Никого. Пустая комната. Дверь прямо. Открываю. Здесь?! Низкий потолок. Полутемно. Горящий глиняный светильник. В правом углу комнаты — кровать, завешенная белым пологом. Подхожу, приоткрываю. Лежит обнаженная. Лицо почти не пострададо. Тело? Степень ожогов? Вторая, третья? Сколько процентов обожжено? Свыше тридцати люди не выживают. Бережно запахиваю полог. Выхожу. Тихо прикрываю за собой дверь. Старуха шепчет молитву, вздыхает.

— Где Зухур?

— Зухуршо дома нет. Зухуршо уехал.

Врет. Защищает сына. Кто-то уже донес, что я приехал. Прячется. Поднимаюсь на второй этаж. Обхожу помещения. Зухура нет. Затаился. В своём кабинете? На складе? В гараже? В коровнике?

Выхожу. Иду к Зухурову кабинету. Пинаю дверь, другую. Пусто. Иду к гаражу. Справа — сетчатый загон. Питон греется на солнце. Достаяю “пэ-эм”. Пристраиваю ствол меж ячейками. Целюсь в голову. Бью. Порядок! Попадание с первого выстрела. Гад бьется, извивается, но знаю, что уже мертв.

Дверь в воротах склада распахивается. Гадо. Смотрит. Молча, бесстрастно.

— Где он?

— Уехал в горы, на охоту...

Сбежал! Иду в гараж. Пусто.

Возвращаюсь к Гадо.

— Где машины?

— Зухуршо все взял с собой. Ребят повез.

— Ты почему не поехал?

— Заболел.

Врет. Мне без разницы, почему и зачем. Смотрю на часы.
Тринадцать сорок.

— Каюмов!

Боец бежит от ворот.

— Мчись в кишлак, пригони машину. Найди фургончик, в крайнем случае — грузовик. В темпе!

Убегает. Говорю:

— Гадо, прикажи, чтоб залили пару запасных канистр. Чтоб хватило до Калаи-Хумба. Повезу в госпиталь.

Иду в дом. Нахожу старуху.

— Собирайте её. Повезу в больницу, в Калаи-Хумб.

Старушонка лепечет:

— Не надо, там не помогут... В Талхак надо, к старой Хатти-момо. Она знает. Она вылечит...

— Кто такая?

— Знающая женщина, хотун. У нас, в Ворухе, тоже очень сильная хотун была. Теперь нет, умерла. Больше никто не знает, как лечить. Хатти-момо знает.

Выжила из ума бабка... И вдруг точно током шибает. Вспоминаю, что видел древний светильник, там, в комнате. Это был знак. Я просмотрел. Упустил. Это же подтверждение! Старуха права. Надо в Талхак. Если кто и спасет, то знахарка.

— Убедила, мать. Только Зарина дороги не вынесет. Привезу лекарку сюда.

— Хатти-момо совсем старая, слабая. Не поедет.

— Поедет. Добром не согласится, в мешок засуну.

— Силой нельзя, — лепечет старушонка. — Мусульманам так поступать запрещено. Если силой заставить, лечения не получится.

— Ладно, как-нибудь уговорю.

Жду. Каюмов пригоняет машину. ЗИЛ-80. Приказываю

загрузить в кузов две резервные канистры. Сажусь в кабину.

— Поехали. В Талхак.

Водитель удивляется:

— А девушка? Сказали, девушку везти...

— Поезжай.

Спускаемся вниз по улице, к площади. Слышу, где-то неподалеку стрекочет вертушка. Кричу водителю:

— Стой!

Тормозит. Выскакиваю. На северо-западе из-за горы выплывает вертолет. Идет на небольшой высоте. Кричу водителю:

— Тряпки есть? Давай сюда.

Роемся под сиденьем, протягивает мне промасленный лоскут.

— Это все? Больше нет? Дай заводную ручку!

Хватаю заводную ручку, запрыгиваю в кузов. Обматываю короткий конец изогнутой железяки тряпкой. Мало. Сбрасываю робу, срываю с себя рубаху и наматываю её поверх тряпки, туго наперехлест перетягиваю рукавами и завязываю, чтобы не слетела. Откидываю крышку одной из канистр, перегибаюсь через борт кузова, поливаю тряпичный набалдашник бензином. Взбираюсь на крышу кабины. Достаю из брючного кармана зажигалку. Поджигаю. Размахиваю факелом над головой. Тряпки чадят черным дымом.

Замечают?

Продолжаю сигналить.

Увидели! Вертолет снижается над площадью. Спрыгиваю с крыши в кузов, отшвыриваю факел на дорогу. Накидываю робу, перебираюсь в кабину.

— Туда! В темпе.

— А ручка?!

— Потом подберешь.

Выкатываем на край площади. Вертолет — камуфлированная “двушка” — опускается. Дверца откидывается, выходит мужик в полевой форме. Неужели Ястребов?! Порядок! С ним договарюсь. С ним будет легко. Направляется ко мне. Иду навстречу.

— Здорово, Даврон. Чего это ты Робинзона на острове изображаешь? Мы бы и так сели. К вам летели. Захотелось, понимаешь, вас проведать, поглядеть, как дела идут...

Врет или нет? Мне все равно. Говорю:
— Кстати прилетел. Даже не представляешь, как кстати...
— Отчего же? Представляю. Я на расстоянии чую, что ну-
жен. Добрый волшебник Ястребов.
Заставляю себя улыбаться. Не до гордости. Подхватываю:
— А чудо сотворить слабо?
— Заказывай.
— Девушку надо транспортировать. В Талхак.
— Что так жидко? Я-то думал, что-нибудь серьезное по-
просишь... Транспортировать, конечно, можно... Однако не слиш-
ком ли чудесами разбрасываешься? Прибереги для важного
случая. Тем более, что транспорт, вижу, у тебя самого имеет-
ся...
— Случай важный, — говорю. — Важнее некуда.
— Тебе виднее. Только, понимаешь ли, горючки в обрез.
Меня летуны за перерасход сожрут. Я обещал, что недалеко
полечу.
— Убеди парней. Я им возьму. Не сейчас... Потом. Через
несколько месяцев. За каждый литр керосина — литр водяры.
Присвистывает:
— Ты хоть представляешь, сколько сожжем? Туда да об-
ратно — в водочном эквиваленте хватит, чтоб целый год керо-
синить... А что за девица? Стоит эдаких подвигов?
— Жена Зухура.
— А-а-а, эта девочка... Я её видел. Красивая. Везешь кра-
савицу к родителям? Зухуршо не станет ревновать?
— Спасать её надо. Ожоги. Третья степень.
— Да ты что! Ну даешь! Третья степень, и зачем-то та-
щишь в кишлак. Там что, израильскую клинику открыли? Дав-
рон, окстись. Даже в Калаи-Хумбе, в госпитале не спасут... Слу-
шай, у меня в вертушке аптечка. Вколем ей промедол, хоть боль
снимем. Если по уму, то надо, конечно, такую дозу, чтоб засну-
ла и не проснулась. Зачем девочке страдать зазря. Выжить она
при любом раскладе не выживает.
— Выживет. Есть шанс. В кишлаке — знахарка. Эта выле-
чит. Факт.
— Ой ли? Не знаю, не знаю... Ну, а несчастный муж-то
что?

— На охоту уехал.

Задумывается на миг. Что-то прикидывает.

— А ты, стало быть, бескорыстный друг, спасатель, спаситель и все такое... Ну да, ну да... Ты прости, что бесцеремонно... Это я по дружбе.

Делаю глубокий вдох. Медленный выдох. Говорю спокойно:

— Не обо мне речь. Помоги, буду должником. Сделаю все, что скажешь.

Молчит. Спрашивает:

— Подумал прежде, чем обещать?

— Подумал.

— Тады держись, ловлю на слове. Я вообще-то не к Зухуру, к тебе прилетел. Разговор есть.

— По дороге поговорим.

— Не выйдет. Разговор серьезный, а в воздухе орать не хочу. Обсудим спокойно и в тишине. Пять минут погоды не делают.

Смотрю на часы. Тринадцать тридцать семь.

— Погнали.

— Давай так, — говорит Ястребов, — разговор сугубо между нами. Договоримся, не договоримся — чтоб молчок.

— Мог не предупреждать.

— Верю. Ну, а дело... Дело-то в общем простое. Надо вальнуть одного пассажира.

Сговорились они что ли? Сначала Алёша, теперь этот.

— Не по адресу.

— Да ты погоди, дослушай. Как-никак в должники набиваешься.

“Понятно, — думаю. — Использует момент”.

— Предположим... Дальше.

— А дальше — пустяки. Ты этого пассажира знаешь, встречал недавно. Алёша Горбун. Он все еще в Калаи-Хумбе. Шанс — зашибись, сто лет ждать, пока такой же подвернется. А уедет в Хорог, там его достать — задачка ох непростая.

— Почему я? Местных не нашел?

— Ты разве этих орлов не знаешь? Ни у одного вода в жопе не держится. Непременно разболтает, не сегодня, так зав-

тра. А дело-то, сам понимаешь, мягко говоря, щекотливое.

— Факт. Рука Москвы и все такое.

— Типун тебе на язык. Какая на хер Москва! Россия-ма-тушка тут вообще ни сном, ни духом. Чисто местные разборки. Тутешние мои компаньоны заинтересованы... А я в здешних палестинах надолго, вот и не хочу рисковать. Залетный исполнитель нужен, чтоб следа не оставил. Исполнил, улетел и ищи-свищи. Где он? А нет его...

— Так, значит? — говорю. — Нормально!

Он запинаясь на миг. Потом догадывается:

— А-а-а, ты вот о чем!.. Прикинь, зачем мне, деловому человеку, время терять, чужой керосин жечь, лишний долг перед летунами на себя брать, в горы лететь — и все это ради одноразового исполнителя, чтоб его потом ликвидировать? Был бы нужен одноразовый, я б вышел на улицу, свистнул — целая толпа набежит. Как, логично?

— Предположим.

— Итак, задача: ищем профессионала и человека со стороны. А ты... Скажу честно, но только чтоб без обиды. Лады? Про боевой опыт и прочее молчу. И так ясно. Главное, ты, с одной стороны, по обличью как бы здешний, во всяком случае, всегда сойдешь за местного. А с другой, как в анекдоте говорится, — гвоздь от совсем другой стены. Для подобных дел — самое то. Идеальная кандидатура.

— У твоего идеального кандидата один недостаток, — говорю. — Не согласится.

— Уговорю. Психология, мой друг, психология. Я тебя сразу приметил, еще у Горбатого. Поверь, в людях разбираюсь. Потом, когда на денек в Курган-Тюбе наведывался, кое-кого порасспросил. Так что много про тебя знаю.

— И что выяснил?

— Да так, разное... В общем, хорошо о тебе говорили.

— Копнул бы глубже — узнал, что гражданские у меня в Красную книгу записаны. Отстрелу не подлежат.

— Брось! Одного-то, думаю, вычеркнешь.

— Причину назови.

— Ну-у-у, брат, причину ты ищи сам. Поднатужься.

Дает понять: откажусь — и хрен мне, а не вертолет. Торо-

пит:

— Решай поскорей. Или летим, или...

— Три минуты. Дай подумать.

— Отчего ж не дать? — демонстративно выставляет руку с часами.

Через пятнадцать секунд говорю:

— Согласен. Одно условие: доставим девушку, потом летим на пастбище. По воздуху — от кишлака рукой подать.

— И чего тебе там?

— Хочу с Зухуром парой слов перекинуться.

— Нет проблем. Для своего человека — хоть на край света.

Говорю:

— Дай еще десять минут. Я — за девушкой.

Бегу к грузовику.

Все четко. Для меня не существует понятий “хорошо” и “плохо”. Есть только “правильно” и “неправильно”. В данной конкретной ситуации правильное решение — валить Алёшу и дать шанс девчонке. За нее я в ответе. Перед ней в долгу. За него не отвечаю. Горбун сам напросился — подошел слишком близко и угонял в зону контакта. Я не зазывал.

Одно непонятно: как Ястребов просчитал, что соглашусь?

Глава 23

Карим Тыква

В фургоне в Талхак еду. Могучую силу в себе чувствую, дедов-покойников призываю. Не к дедушке Абдукариму — напрямую к древнему старшему деду, от которого наш каун происходит, обращаюсь:

“Дед Абдушукур, помогите. Зухура убивать буду. Если помочь решите, то, прошу, знак, пожалуйста, подайте. Знак не подадите — все равно тысячу раз спасибо. Я сам то, что задумал, исполню”.

В жар меня бросает. Это деда-духи знак подали — помогут.

Шухи-шутник на скамейке рядом сидит, локтем меня толкает:

— Эй, Тыква, ты когда жену Зухура из огня тащил, наверное, пощупал ее немного? Мягкая, наверное, сладкая...

Другие хохочут:

— Нет, Тыква говорит: совсем жесткая, подгорелая.

— Нет, Тыква говорит: совсем сырая была. Мало прожарилась..

— Тыква сырых баб не любит. Говорит: сырая – невкусная. Тыква жареных баб любит.

— Если посолить, сырая тоже сойдет...

Молчу. Даже презрения у меня к ним нет. Раньше думал — волки, теперь знаю — жалкие шакалы. Сила меня распирает. Сдерживаю силу, наружу вырваться не даю. Зарина мне силу дает. Не знаю, жива или не жива, но постоянно её рядом с собой чувствую. Не печалюсь, не скорблю — пылающую Зарину в себе постоянно ощущаю.

В Талхаке фургон на краю площади около мечети останавливается. Наружу выхожу. Люди в отдалении стоят. Зухур из “Волги” вылезает. Ближе к нему подхожу. Шакалы тоже подходят. Зухур любит, чтоб за ним войско толпилось.

Горох-асакол навстречу Зухуру спешит, ковыляет.

— Добро пожаловать в Талхак, господин.

— Приготовил? — Зухур спрашивает.

— Все готово, — отвечает. — Но лошадей для ваших солдат не нашлось. Селение у нас бедное, ослов много, а лошадей совсем нет.

В стороне, у мечети, слева — жеребец и пять ослов наготове стоят, оседланные.

— Верно ты сказал, ослов у вас много, — Зухур говорит и на народ смотрит.

— Извините, солдатам вашим пешком подниматься придется, — Горох говорит.

На шакалов взгляд перебрасывает. Хитрым глазом шарит — выискивает, не обиделся ли кто? Не затаил ли злобу? На меня взглядом натывается. Застывает. Глаза удивленно: “Эй, Тыква, ты ли это?” — спрашивают. Потом: “Чего это, Тыква, ты героический вид принял? — ехидно спрашивают. — Почему из

себя темного витязя строишь?”. Потом сами себе отвечают хитренько: “А-а-а, поняли... Знаем, что ты задумал. Мы тебя, Тыква, насквозь видим”.

Я, будто из другого мира, из своего холодного гнева на Ширинشو гляжу. Безразличен он мне. Будто он — сухой глины комок. Будто тень от камня.

Горох усмехается. От меня взгляд отводит, Зухуру говорит:

— Совет, извините, хочу дать. Тыквы следует опасаться...

Зухур договорить не дает. Смеется:

— По себе судишь? Разве тыква опаснее гороха?

Люди хохочут. Шакалы, что вокруг меня стоят, тоже хохочут. Горох — чёрный, старый, сухой — от злобы зеленеет. Как молодой горошек, зеленью наливается. Глаза, чтоб злобу не выдать, вниз опускает. Потом смеется натужно:

— Ха-ха-ха, — смеется. — Правду сказали. Тыква тоже очень опасной быть может. Если вокруг тыквы, скажем, змея обовьется...

Хоть и Горох, а смело говорит, по-мужски поступает. Глаз не поднимает, на Зухура не смотрит, но в ответ на насмешку — насмешкой бьет.

Люди хохочут. Зухур молчит. Люди тоже замолкают. Ждут, что Зухур ответит, как поступит. Если рассердится, то пусть потом хоть на куски Ширинشو разорвет, но победа в аскиябози — состязании острым словом — все равно за Горохом останется. Горох над ним верх одержит.

Зухур говорит:

— Неверно ты сказал. Если в гороховой грядке змея прячется, то горох намного опаснее... Но не бойся. Сейчас недосуг, а будет время — я тот горох обязательно прополю.

Народ хохочет. Зухур — чужой, враг. Горох — тоже чужой, враг. Приятно, когда враги меж собой грызутся...

Горох молчит. Потом говорит:

— Не про овощи речь велась. У вас в армии парнишка служит. Тыквой его зовут...

Отступает, себя соблюсти не может. Опять черным, старым, сухим делается.

— Хватит! — Зухур его обрывает. — Знаешь пословицу? “Заочет осел плети — лезет в двери мечети”.

Гафур к Зухуру коня подводит. Зухур кое-как в седло взбирается. Шухи меня локтем толкает.

— Про тебя, Тыква, кривой говорил. Опасный ты, оказывается, человек.

Шакалы хохочут, насмеваются.

— Тыква — богатырь. Один-одинёшенек целую армию мух от горшка с кашей отгоняет.

— Э, над Тыквой не смейтесь. Рассердится — нас тоже, как мух, перебьет.

— Страшно с таким героем в горы идти. Может, свяжем его, здесь оставим?

— Дорогу кто показывать будет?

— Автомат у него отнять надо.

— Эй, Гург, прикажи Тыкве, чтоб автомат отдал.

Гург говорит:

— Баланду не трави. Потопали. Вперед, пацан.

Потом на меня смотрит и через плечо Шухи приказывает:

— Возьми у него автомат.

Шухи:

— Лучше пусть Тыква мой и свой автоматы несет, — говорит. — А я на нем, на Тыкве, верхом поеду.

— Пургу не гони, — Гург сердится. — Отдай ему ствол, пацан.

Автомат с плеча снимаю, Шухи отдаю.

— Тыква, вперед! Дорогу показывай.

Впереди иду, за мной Гург идет. За кишлак выхожу, оглядываюсь. Снизу из Талхака караван шакалов тянется. Впереди Занбур, за ним Зухур на коне тащится, следом Гафур шагает, за Гафуром наши мальчишки ослов гонят. Ослы коврами, корзинами, ящиками нагружены. За ослами шакалы идут: Гитлер, Шухи, Гург и другие. Семеро. Семь шакалов Зухура охраняют.

По тропе подниматься начинаю. Хорошо, что Зухур змею с собой не взял. Если перед охотой со змеей встретишься, удачи не будет. То же, если с кошкой или лисой. Наверное, поэтому тот, кто в Зухура возле речки Оби-Бузак стрелял, в цель не попал. Мор, Зухуров змей, его удачу нарушил...

Иду, к развилке Марги-шоир приближаюсь. К месту, где одна тропа прямо уходит, другая — налево ведет.

— Куда? — Гург сзади спрашивает.

— Прямо, — говорю. — Налево роцца, где люди дрова берут.

К развилке Марги-шоир поднимаюсь, ладонями по лицу провожу, “омин” произношу — покойного поминаю. Гург замечает, спрашивает:

— Что за место?

— Поэта Хирс-зода здесь убили, — объясняю.

Гург — мужик приметливый. Тошно мне с ним толковать, но и молчанием выдать себя не хочу.

— У Хирс-зода семьи не было, — говорю. — Детей не было, дрова сам собирал. В верхнюю роццу поднимался, осла перед собой гнал, Саид-ревком на лошади его настиг. Ничего не сказал, в Хирс-зода выстрелил, лошадь повернул, назад, вниз усакал.

— Почему убил?

— Из-за обиды, из мести убил.

Человека убивать запрещено. Если из мести — то только за пролитую кровь. Но Зухура убить — не грех. Это не убийство, охота.

Гург-волк стоит, караван поджидает, по окрестным горам взглядом шарит — нет ли где засады. Потом снизу караван приближается. Наверху на подъеме перед Марги-шоир стою, вниз смотрю, как Зухур на коне подъезжает. Не умеет верхом ездить. В седле, как цветок на лысине плешивого, сидит. Волнуется, в седле ёрзает, коня с шага сбивает. Конь оскальзывается, подковами по камню скребанув, напрягается, прыжком наверх выскакивает. Зухур едва из седла не вываливается.

Думаю: это деды-покойники вновь мне знак подали. Помогут.

Опять вперед ухожу. Гург-волк за мной идет.

До Дахани-куза — Кувшинного горла — дохожу. Это место и впрямь узкое горло большого кувшина напоминает. Тропа по узкой расщелине в скале проходит — сквозь горлышко протискиваться приходится. А дальше — широкое пространство открывается. Протиснешься и как бы внутрь кувшина попадаешь — на просторную поляну, обломками камня засыпанную. А с поляны

дальше вверх тропа широкая идет. В этом месте наши люди всегда противника уничтожали. Тех, кто сверху к кишлаку спулся, или кого в горы, в это место поднимаясь, заманивали.

Иду, думаю: место хорошее, но плохо, что оружия нет. Здесь бы Гург-волка убил, потом Зухура из засады застрелил. Гадаю: каким приемом Зухура брать? Охотничьему искусству меня усто Джоруб учил. Говорил: “У каждого зверя своя повадка. К каждому особый прием применять следует”.

На выдру, водяную собаку, осенью с кувшином охотятся. Около реки большой кувшин с узким горлом кладут. Кишку берут, один конец ко дну кувшина прикрепляют, другой — на берегу бросают. Водяная собака кишку находит, радуется. На кишку набрасывается, заглатывать начинает. Заглатывает, до кувшина добирается, голову в горло протискивает, назад вытащить не может. Так её берут.

На куницу с помощью камня охотятся. Каменную плиту находят, под ней землю роют, в ямку кусочек мяса кладут. Куница мясо находит, съедает. Так три-четыре раза повторяется, куница привыкает, ни о чем плохом не думает. Тогда охотник яму углубляет, мясо под самый край камня кладет, плиту палочкой подпирает. К палочке веревку привязывает, сам прячется, конец веревки держит. Куница мясо есть приходит, охотник веревку дергает, плита падает, куницу в яме придавливает.

На горных козлов охота разной бывает. В зависимости от года. Их в один год дэвы, а в другой - пари пасут. Так чередуются. Если дэвы присматривают, охота удачной бывает: дэвы — ленивые, о козах плохо заботятся. Когда пари пасут — год для охоты несчастливый. Пари охотника издали замечают, кричат козлам: “Мусульмане пришли”. Те убегают. Летом и осенью охотятся по-разному. Летом заранее высматривают: днем — где козел пасется, а вечером - где ночует. На следующий день козел пастись приходит, его подстерегают, убивают. Козу с козлятами убивать нельзя. Осенью козлы к козам приходят. Охотники знают дороги, по которым козлы своё стадо водят, в тех местах маленькие хижинки из камней строят, в них сидят-прячутся, оттуда козлов стреляют. Дед Мирбобо, отец усто Джоруба, в давние времена в хижине восемь суток просидел, трех козлов убил.

На сурка с водой охотятся. Нору водой заливают, сурок выбегает, его палкой бьют.

Медведя, в засаде сидя, из ружья бьют.

Как на Зухура охотиться? Мне его повадки самому определить надо. Самому решить, в каких местах его взять удастся.

Усто Джоруб, искусству меня учивши, говорил: «Охотник-стрелок осторожность соблюдать должен. Зверя трудно убить. Но трудно и свою жизнь сохранить. Охотник-стрелок о двух вещах помнить-заботиться должен – как зверя взять и как самому не пострадать, с гор без урона для себя спуститься, свою жизнь сохранить».

Думаю: как разом и Зухура взять, и невредимым уйти. Потом думаю: не время сейчас о том думать.

До Дед-камня, за которым наше пастбище начинается, дохожу. Проходя, до камня дотрагиваюсь, чтобы удачу дал. За камнем позади каменная хижина стоит, в которой летом пастухи живут. Рядом — очаг, из камня сложенный.

— Иди, Тыква, посмотри, не прячется ли кто в хибаре, — Гург приказывает.

В хижину захожу. Пусто. Голо. Как будто бесы хулиганили.

— Чё тут за свалка? — Гург входит, спрашивает. — Разве люди так живут?

— Вазиронцы, — говорю. — Они здесь жили. Когда прогнали их отсюда, второпях собирались.

— Тряпки, войлоки... Зачем? — Гург говорит.

Оглядел. На пол земляной сплюнул:

— Тут ночуете?

— Здесь, — говорю. — Дом это.

— Дом? Хата в крытке и то лучше, — Гург говорит. — Стены каменные, пердячим паром провоняли... Я бы снаружи спал. Холодно, да на свободе. Лежишь, звезды над тобой...

Вне дома спать нельзя. Неподалеку — Кухи-Мурдон, страшное место, опасное. Гора, на которой дэвы своих мертвецов хоронят.

Один человек — не наш, чужой, — из города приехал — тоже под открытым небом ночевать задумал. “Очень у вас душно. Я свежий воздух люблю”, — сказал. Отговаривали его, не послушал. Курпачу на траве расстелил, одеяло взял, лег. Ут-

ром люди проснулись — нет того человека. Пропал. Курпача-одеяло на месте лежат. Одежда вокруг разбросана... Искали, не нашли. Потом, время прошло, мальчишки ремень на склоне под пастбищем собирать пошли — тело того человека нашли. На камнях голый лежал, зверями-птицами обглоданный. Но все равно знающие люди на теле знаки различить сумели. Сказали: “Дэвы его умертвили”.

Но я того Гургу объяснять не желаю.

Потом караван приходит.

— Тыква, иди разгружай, — Гург приказывает.

Разгружаю. Из нашего кишлака мальчишки, которые ослов гнали, — помогают. Поклажу с ослов снимаем. Ковры снимаем, неподалеку расстилаем. Один для Зухуршо. Поодаль другой — для шакалов... Ящик с водкой к Зухурову ковру относим. Вьюки, мешки, канистры с водой, к пастушеской хижине переносим. Большой котел возле очага ставим.

Гург говорит:

— Тыква, за огнем будешь следить. Дрова рубить.

Потом Шухи подзывает, приказывает:

— На перешеек иди. Возле кучи камней садись, за тропой следи. Чтобы никто втихаря не подошел.

— Пусть Тыква туда идет, — Шухи говорит.

Гург железные зубы скалит:

— Шухи, пургу не гони. Иди!

Шухи говорит:

— Ладно. Если Тыкву на камнях посадить, разве что-нибудь хорошее вырастет?

Автомат берет, уходит.

Зухур на ковре, опершись на подушки, лежит. Шакалы на ковре кружком сидят. Я дрова-хворост рублю-ломаю. На Зухура незаметно поглядываю. Как его брать, прикидываю. Занбур-повар огонь разжигает. На очаге котел установить мне приказывает. Масло в котел льет, калить начинает.

— Руки вымыть не из чего, — говорит. — Тыква, я в хижине кувшин видел. Иди, принеси.

В хижину иду. Кувшин справа на полке на стене стоит. Беру кувшин, вдруг вижу: под полкой в углу лук-гулак стоит, в углу прислоненный. Когда я в первый раз сюда заходил, лука не за-

метил. Был он здесь или не был? Дедушку Абдукарима вспоминаю. “Держки лук покрепче, — дедушка говорил. — Вот так, Карим, молодец. Теперь тетиву натягивай...” Кувшин назад на полку ставлю, лук, как дедушка учил, в руки беру. Хороший лук, мощный. Думаю: “Зачем он мне? Из лука только птиц бьют. Может быть, знак это? Или, может, деды-духи мне лук как оружие дали? Если так, то они лучше знают... Или вазиронцы, когда их Зухур с нашего пастбища прогнал, в спешке вещи собирая, в хижине лук забыли? Возьму. Если знак — хорошо. Если пастухи лук оставили — тоже ничего плохого не будет”.

Тетиву снимаю, сворачиваю, в карман кладу. Лук без тетивы от простой палки ничем не отличается. Пусть думают: “Тыква-дурачок с кривой палкой ходит”. Кувшин беру, Занбуру отношу.

— Палку зачем притащил? Дров много, — Занбур говорит.

— А, палка, — говорю. — Палка, да...

— Дурак ты, Тыква, — Занбур говорит. — Полей на руки.

Руки моет, мясо режет...

Потом Шухи от харсанга приходит.

— Тыква возле плова на кухне, а я палец сосу? Несправедливо. Теперь пусть Тыква возле кучи сидит. А я тебе, Занбур, помогать буду. Ты не против?

— Мне бара-бир, без разницы, — Занбур говорит.

Говорю Шухи:

— Автомат дай.

— А кривая палка у тебя зачем? — Шухи говорит. — Увидишь врага, палку на него наставь и кричи: “Ту-ту-ту!”. Только смотри, всю обойму разом не выпусти. Короткими очередями бей...

— Ладно, — говорю.

— Неправильно сказал. Скажи: “Пост принял”.

— Пост принял, — говорю.

Шухи меня по лбу пальцами щелкает:

— На боевой пост шагом марш!

К харсангу иду, сажусь, тетиву к луку прилаживаю, лук разглядываю. Если деды послали, может, лук особенный. Разглядываю. Обычный лук-праца, из ветви иргая, кизильника, сработанный. Две тетивы из бараньих кишок рога лука стягивают. Посредине меж тетивами — перемычка: кусочек тряпки нашит.

Лук испытываю. Камешек малый — с перепелиное яйцо — беру, в тряпицу закладываю и тетиву на всю длину руки оттягиваю. Хороший лук, мощный. У нас в Талхаке и старые, и малые из камонгулаков стреляют, птиц бьют. Но этот лук натянуть, который мне деда-духи послали, ни у старика, ни у ребенка сил не хватит. Большой камешек — с куриной яйцо — нахожу, в лук-працу закладываю.

Влево смотрю, вправо смотрю. В той стороне, где тропа к пастбищу ходит, вижу: куропатка на камне сидит. Тридцать шагов до нее. “Вот цель”, — думаю. Потом думаю: “Зачем зря живую жизнь губить?”. В птицу не стреляю. Потом вижу, еж по тропе бежит. “Вот цель”, — думаю. Потом думаю: “Зачем зря живую жизнь губить?”. В ежа не стреляю.

Шаги слышу, сажусь, лук-працу рядом кладу. Спросят: “Зачем лук?” — “Перепелок настрелять, чтоб плов слаще был”, — скажу.

Из-за Дед-камня Зухур выходит. Спиной к Деду-камню встает, ремень на штанах, озирая окрестности, расстегивает... Меня замечает.

— Чего уставился?! Отвернись, скотина, — кричит.

Отворачиваюсь. В уме за один миг много мыслей проносятся. “Знаки не зря были... Зухур сам ко мне пришел... Сейчас не убью, возможность упущу... Будет ли другая?.. В голову или грудь бить?.. В грудь легче попасть... Если в голову — вернее убить... До Зухура — тридцать шагов... Уверен — точно попаду... Если не убью, только оглушу, подбегу, ножом дорежу... Если закричит, пусть кричит... Не смогу живым уйти — значит, так тому и быть... Пусть будет, что будет...”

Лицом к Деду-камню поворачиваюсь. Вижу: Зухур на корточках сидит, тужится. Теперь знаю, какой для охоты на Зухура способ есть... Его, когда он испражняется, бить следует.

Лук беру, тот же камень в тряпицу вкладываю. Во весь рост встаю. Говорю: “Не мои руки — пира святого Довуда, всех охотников покровителя, руки”. Лук до отказа натягиваю.

Страшная сила меня одолевает. Как в увеличительное стекло Зухуршо вижу. Бородавки, родинки и все прочее, как будто я свое лицо вплотную к нему приблизил и разглядываю... В середине затылка целюсь, камень выпускаю. Камень Зухуру в сере-

дину затылка бьет, Зухур падает.

Думаю: “Если ранил или оглушил, добить надо”. Быстро спускаюсь, к Деду-камню спешу, на бегу нож вынимаю. Подбегаю, Зухур лежит. Ногой Зухура потолкал — мертвый.

Рядом с тушей Зухура присаживаюсь. Однако осторожность соблюдаю. Может, еще оживет. Если бы медведя или козла убил, горло бы перерезал, тушу головой вниз по склону передвинул — чтобы вся кровь вышла.

Тушу Зухура на живот переворачиваю. Шея у него — толстая, жирная. Пальцами на шее позвонки нащупываю, между двумя позвонками острый конец ножа втыкаю. Удивляюсь — нож легко входит, хрустит. Голову отрезаю. Думал, струя ударит... Нет, кровь как из опрокинутой бутылки вытекает. Нож о рукав Зухура вытираю, в ножны кладу. Голову за шерсть беру: из нее кровь только капает немного, черная, тягучая... Кровь с шеи о траву вытираю, чтобы свою одежду не замарать.

Голову беру, к харсангу возвращаюсь. “Брать лук или не брать?” — думаю. Потом думаю: “Зачем он теперь?”. Как уходить буду? Три пути есть.

Слева от Дед-камня — на западе — ущелье, узкая расщелина, вверх по горе поднимается. По нему пролезть, на гору забраться — дальше пути нет, за горой ущелье, а за ущельем — гора Кухи-Мурдон. Там дорог нет, люди туда не ходят. Там человеческие владения заканчиваются, это дэвов владения. Туда из людей никто никогда не ходил. До границы человеческих владений дойду, остановлюсь, шакалы меня догонят, схватят.

Сзади от Дед-камня — на севере — тропа, что к Талхаку спускается. Если по тропе побегу — нигде спрятаться невозможно. Справа — голая круча, слева — обрыв к реке. Только возле Кувшинного горла в гору можно подняться, спрятаться. Но я туда добежать не успею — у шакалов лошадь есть. Тропа широкая, по ней лошадь быстрее меня поскачет. Шакалы догонят, схватят.

Справа от Дед-камня — на востоке — пастбище крутым откосом обрывается. Откос, камнями заваленный, далеко вниз к реке спускается. По откосу можно до дальнего края пастбища пробраться, где несколько троп начинается. Одна тропа к вази-

ронцам ведет, в верхнее селение. Другая — пологая, широкая — по которой овец осенью на зимнее пастбище гонят, а весной назад возвращают. Еще тропа есть, которая в рощу ведет, где люди дрова берут... Если до того края пастбища доберусь, от туда куда угодно уйти можно... “Туда пойду. На восток”, — решаю. Незаметно до верхнего края пастбища по низу доберусь — там решу, куда дальше идти...

К откосу под пастбищем прохожу, пробираться начинаю. С камня на камень перепрыгнуть собираюсь, вдруг вижу: на камне змея лежит, на солнце греется. Замираю. Что делать?..

Перед охотой со змеей встретишься, удачи не будет. Сейчас не за зверем иду, с удачной охоты возвращаюсь... Если просто так змея лежит — ничего страшного, беды не будет. Но что, если знак это? Может, деды-духи предупреждают: этим путем не иди... Как различить? Прошу мысленно: “Дедушка Абдукарим, разъясните, пожалуйста. Если это знак, то еще один, другой знак, пожалуйста, подайте”. Стою, жду... Потом говорю мысленно: “Дедушка, вы знака не подаёте, значит, змея просто так, сама по себе лежит...”. И тут внизу по склону куропатка откуда-то вспархивает и, в сторону метнувшись, опять в камни и траву падает. Дедушка знак подал! Нельзя этим путем идти. “Спасибо, дедушка, — говорю. — Тысячу раз спасибо”.

Назад к харсангу возвращаюсь, к щели, что в гору ведет, пробираюсь. По узкой щели-ущелью подниматься начинаю. Голову неудобно нести. Шерсть на Зухуровой голове короткая, из пальцев выскальзывает. Рот ему открываю, два пальца левой руки — указательный и средний — в пасть, под язык запускаю, изнутри нижнюю челюсть зацепляю, а большим пальцем снаружи, под подбородком прижимаю, придерживаю. “Мертвый, — думаю. — Не укусит”. Так нести лучше. По щели поднимаюсь, наружу, на гору вылезая, из-за камня выглядываю.

Отсюда, сверху, все далеко вижу. Шакалы уже возле Дедкамня, вокруг безголовой туши Зухура толпятся... Потом вижу: один — Гафур или Занбур, сверху не различить — на лошадь садится, мимо Дедкамня проезжает, по тропе скачет, за поворотом скрывается... Думают, я в сторону Талхака ушел.

Потом вижу: кто-то к краю пастбища бежит — на откосе меня высматривать собирается. Еще раз дедушку благодарю за

то, что тем путем не пошел. Потом нечаянно себя выдаю. Из-под ноги камень выскальзывает, скачет, прыгает, вниз на траву падает. Шакалы слышат, вверх смотрят.

— Вон он! — кричат.

— По горе лезет!

— Эй, Тыква, спускайся! Все равно догоним!

Вижу, вверх лезут, за мной в погоню идут. Дальше поднимаюсь, левый склон огибаю, в диком месте оказываюсь. Люди здесь не ходят. Никогда не ходили. Зачем здесь ходить? Куда идти, не знаю. Быстро гляжу, путь прокладываю. Наконец вылезаю. Передо мной — большая площадка. Шагов сто, наверное, в длину. Будто длинная узкая полка на каменной стене висит. Будто к каменной стене полка — длинная, узкая — приделана. Будто ступенька — длинная, узкая — справа резко вниз обрывается. Вижу: площадку в дальнем конце трещина пересекает.

Назад дороги нет. Вперед идти надо. На площадку вылезаю, к трещине бегу. Подбегаю, вижу: очень широкая трещина — шагов семь. Или, может быть, даже больше. Что делать? Думаю: “Очень опасно. На краю трещины — мелкие камешки, каменная крошка. Отталкиваться ногой буду, поскользнуться можно”. Быстро-наскоро ногой крошки-камешки сметаю в том месте, где отталкиваться буду.

Площадка покатая. От моей стороны к той стороне наклонена. От стены — влево, к обрыву наклонена. Голову на ту сторону бросаю — так, чтобы к самой стене упала. Голова летит, на той стороне падает... Влево — к обрыву катится... “Скатится, вниз упадет! — думаю. — Как тогда быть? Достать не смогу”. Голова на самом краю обрыва останавливается.

Назад для разбега — подальше, сколько есть места — отхожу. Бога призываю, “Бисмилло” произношу, бегу. На краю ногой с силой отталкиваюсь, через трещину лечу.

Очень сильно толкнулся. На ту сторону перелетаю, меня вперед тащит... На руки падаю, ладони о камень раздираю, колено ушибаю. Вскикиваю, голову беру. Осторожно, чтоб ненароком вниз не столкнуть — двумя руками поднимаю. Дальше бегу.

Площадка выступ скалы огибает. За выступ забегаю. Здесь площадка в осыпь упирается. Голову бросаю, сажусь, спиной к скале прислоняюсь. Здесь отдохнуть можно. Выступ меня от

шакалов заслоняет. Шакалы через трещину перескочить не смогут...

Сию, отдышаться не могу. Потом вдруг меня трясти начинает — будто на сито механического грохота бросает. Будто на мелкие кусочки разваливаюсь, как куча щебня на железной сетке трясусь и подскакиваю.

Чтобы дрожь унять, голову беру. Нож вынимаю... В каком ухе дырку делать? Если в левом — лицом вперед голову понесу, Зухур вперед смотреть будет... Если в правом — назад... Какое у Зухура ухо левое, а какое правое — никак разобрать не могу. Концом лезвия в одном ухе — в каком, не понимаю, — дырку прорезаю. От подола рубахи полосу отрываю, один конец трясущейся рукой скручиваю, в дырку продеваю, насквозь продегиваю... “Не оторвется ухо?” — почему-то думаю. Знаю, что не оторвется, но все равно сомневаюсь. Концы тряпицы кое-как связываю, разок-другой дергаю — ухо не отрывается. Теперь хорошо. Теперь голову удобно нести.

Все равно дрожу. Зубами стучу, слова непонятные бормочу... Потом дрожь утихает, и на меня будто лавина обрушивается. Внезапно Зарину вспоминаю. Рыдаю, по камню кулаками бью. Боли не чувю. Горе унять не могу. Прежде сила из меня рвалась, теперь горе распирает. Рвется наружу, разрывает, выйти не может. “Почему?! — кричу. — Почему?!”. О чем спрашиваю, сам не знаю. Как горе высказать тоже не знаю. Хочу горе высказать, а как — не знаю. Нет таких слов.

Голову Зухура за петлю хватаю, размахиваюсь, головой о скалу бью. Хрустнула голова, хряснула — так на мой вопрос отвечает. Головой Зухура о камень молочу. “Почему?! Почему ты так сделал?!” — кричу. Обеими руками голову хватаю, о стену бью...

Потом голову бросаю, ничком падаю. Плачу. Теперь плакать могу.

Передо мной гора Кухи-Мурдон. Гора, где дэвы своих мертвецов хоронят. Другого пути нет. Здесь никогда ни один человек не бывал. На гору смотрю. Будто гора тысячу лет стояла, от времени заржавела, ржавчиной покрылась. Вся насквозь проржавела. Только у самой вершины на круче из красной глины

черные камни поднимаются. Утёсы, временем выщербленные. Надмогильные камни, дэвами возведенные и по склону купами расставленные. Пять надгробий. Поодаль — три. Чуть выше — семь. Наверное, дэвы тоже, как люди, мертвецов хоронят — каждый каун своих покойников вместе кладет, от чужих отдельно.

Стороной никак не обойти. Через кладбище дэвов идти придется. Если живым пройти сумею и по другой стороне с Кухи-Мурдон вниз спуститься, то там, рассказывают, ущелье начинается, которое к Оби-Хингоу ведет. А оттуда можно к людям выйти. В Тавильдару или куда еще...

А здесь — либо от голода и жажды умрешь. Человек долго может без пищи жить. Без воды, говорят, можно только три дня прожить. Если здесь умереть не хочу, то придется через кладбище Кухи-Мурдон идти. Живые дэвы страшны, а их мертвецы еще опаснее.

Голову беру, по осыпи на дно ущелья спускаюсь.

Нечистое место, больное. Только вода, наверное, чистая — хотя, наверное, из нечистого источника вытекает. Потому что даже нечистая вода если быстро течет, то три оборота по течению сделав, чистой становится.

Голову на берегу на камни бросаю, к воде подхожу. Рубаху снимаю, от крови Зухура отмывать начинаю. Все время по сторонам оборачиваюсь. Слежу. Прислушиваюсь... Плохо будет, если дэвы меня врасплох застигнут. Никого не замечаю. Ничего не слышу — только ручей тихо журчит. Воздух неподвижно стоит. Рубаху сначала семь раз в воде стираю, потом один раз землей оттираю и еще один раз споласкиваю — так делать положено, если свиньи или собаки нечистота на одежду попадет.

Теперь рубаха чистой сделалась, мокрую на себя надеваю. Нельзя в горы, на кладбище дэвов голым, без рубахи, идти. Голову Зухура беру, через ручей перепрыгиваю...

Раньше на границе стоял, теперь во владения дэвов вломился. Думаю: «Может быть, голову Зухура им надо отдать? Не знаю, нужна им голова или не нужна, но свое к ним уважение покажу.»

К мертвым дэвам обращаюсь.

— Извините, — говорю, — обидеть вас не хочу. Не по своей воле ваш покой нарушаю.

Подниматься начинаю.

Никакой растительности — ни деревьев, ни кустов, и даже трава не растет. Только местами лишайники пятнами камни покрывают. Одни — черные, другие — такого цвета, какой на ладонях у девушек бывает, когда они их хной для красоты красят. Камни будто пятнами крови — свежей и давней, засохшей — вымазаны.

Потом чувствую, будто рядом кто-то идет. Шагов не слышно, никого не видно, но чувствую — что-то большое и невидимое рядом со мной присутствует.

Дедушка Абдукарим, когда живой был, меня учил. “Карим, — говорил, — на всякое дело умение нужно иметь. Если умение есть — не страшно, и с дэвом можно совладать. Опасно с дэвом встретиться. Но если знаешь, что делать, — то не страшно. Если умение есть, можно и с дэвом совладать, без вреда для себя уйти”.

Останавливаюсь, имя Аллаха произношу. “Во имя Бога, милостивого, милосердного”, — громко говорю. Дальше иду. Чувствую, невидимый не уходит. Рядом идет, Божьего имени не боится... “Может быть, ангел мне послан?” — думаю.

Потом слышу: где-то на востоке, далеко за горой, вертолет стучит. Тихо, едва различимо стучит...

Глава 24

Джоруб

Четвертые сутки пошли с того злосчастного дня, когда я отвез Зарину в логово Зухуршо, и все это время меня терзали и терзают, не отпуская ни на миг, страх за её судьбу и стыд за мое малодушие.

Отец молчит. Лежит в своей комнатке, не хочет ни с кем разговаривать. Я присаживаюсь рядом. Лоб у него горячий. Жар не спадает.

— Отец, поставьте градусник.

Не отвечает.

— Отец, поешьте, пожалуйста. Специально для вас атолу приготовили.

Дильбар сварила похлёбку из жареной муки со сливочным маслом — лёгкую и питательную, которой кормят детей, рожениц и ослабленных больных.

Молчит. Затем говорит тихо:

— Эх, Джоруб, Джоруб...

Изводит себя за то, что не смог защитить внуков и невестку, которым обещал защиту. Стыдится, что он — глава кауна, знаменитый охотник, фронтовик, герой войны — оказался слабым и беспомощным.

— Сынок, я ни разу в жизни не нарушил слова. Думал, уйду в могилу с почётом. Думал, люди будут вспоминать меня с уважением. А что теперь будут помнить моя русская сноха и ее дети, мои внуки? Все разрушилось. И твой брат Умар кончил жизнь без почёта...

Стараюсь утешительные доводы найти:

— Отец, люди вас с почётом вспоминать будут. Вы ни разу в жизни запретного не совершили. На обрезание, на свадьбы весь кишлак приглашали. Молитв не пропускали. Слова грубого, неразумного от вас никто не слышал. Люди скажут: “Достойный человек был”.

Он шепчет:

— Эх, Джоруб, Джоруб...

Словно помощи просит. Я понимаю, что его мучает. Одно дело — у людей почёт, другое — перед собой отчёт. Но разве человек должен винить себя за то, над чем не властен?

— Отец, вы не виноваты. Человек не в силах знать будущее. Вы правильно решили забрать внуков в Талхак, но Бог по-иному рассудил.

Я убеждаю скорее себя, чем отца, но мои аргументы слишком слабы, чтобы снять тяжесть с души. И Вера... Было бы, наверное, легче, если б Вера произнесла хоть слово упрёка, но она тоже молчит. Безмолвие поселилось в нашем доме, тишина, как перед грозой.

И вчера наконец грянул гром.

Возвращаясь от Мирзорахмата, у которого занемогла ко-

рова, я услышал рокот вертолета. Пока гадал, куда он направляется, вертолет косо снизился и завис над нашим домом. Я подоспел как раз вовремя — с оглушительным рёвом он опустился на маленькое поле за задним двором. Со всех сторон сбегались ребятишки.

Винт остановился. Дверь открылась, на землю спрыгнул Даврон, махнул мне рукой и крикнул:

— Подойди сюда.

Я подошел. Даврон заглянул в раскрытую дверь и сказал:

— Подавай.

Высунулся конец переносных брезентовых носилок, которые употребляют в “скорой помощи”. Даврон взялся за ручки и вытянул носилки почти до самого конца. Лежащий на них был закутан в цветное вышитое покрывало, лицо прикрыто чем-то вроде марли. Вероятно, мне привезли на лечение больного или раненого.

Я сказал:

— Вы ошиблись, я ветеринар, а не врач. Вам в нижнее селение, в Ворух надо лететь. Там есть медбрат. А лучше — в Калаи-Хумб...

— Берись за носилки, — приказал Даврон.

В дверях вертолета показался русский военный и, нагнувшись, выдвинул заднюю часть носилок на самый край порожка. Я перехватил у него ручки и удивился, сколь легким оказался мой неожиданный пациент.

— Понесли, — Даврон двинулся к калитке.

Топча посева, мы вошли на наш задний двор. Ребятишки стайкой следовали за нами, возбужденно перешептываясь.

— Говори, куда заносить, — приказал Даврон.

— В мехмонхону. Прямо через дом, потом...

— Знаю, — оборвал меня Даврон.

Мы прошли через дом, в переднем дворе свернули налево к мехмонхоне. Мухиддин, сынишка Бахшанды, забежал вперед и распахнул дверь. Мы, не снимая обуви, вошли в гостевую и поставили носилки посреди комнаты.

— Зови старуху. В темпе, — приказал Даврон.

Я не понял.

— В доме нет старых женщин.

— Да не в доме, — нетерпеливо сказал Даврон. — В кишлаке. Кто тут у вас знахарка? Знаменитая.

Я понял, о ком речь.

— Хатти-момо.

— Факт. Вот её и зови. Побыстрой.

Я сказал Мухиддину, сынишке Бахшанды, который стоял на пороге и сгорал от любопытства:

— Беги к старой Хатти-момо. Скажи, Джоруб просит прийти как можно скорей.

Мухиддин убежал, а я попросил Даврона:

— Скажите хотя бы, что с больным. От чего лечить?

Не глядя на меня, он бросил:

— Ожоги, — и пошел к выходу.

— Кто это? Кого вы привезли? — крикнул я вдогонку.

— Зарину, — ответил Даврон, не оборачиваясь. — Облила себя керосином и подожгла.

Не спрашивайте, что я почувствовал. Я образованный человек, я знаю, горе — это болезнь души. Но лучше сорваться в пропасть, кости переломать, лучше чумой заразиться, проказой, лучше от тифа умирать, чем страдать от этой болезни. Я, словно старик, дрожащую руку протянул, хотел марлевое покрывало с лица Зарины откинуть — силы не хватило. Стоял, от боли стонал...

Дильбар потихоньку вошла, остановилась рядом. Сказала негромко:

— Не убивайтесь, Бог захочет, всё обойдется. Сейчас Хатти-момо придет, посмотрит, скажет... Может быть, и не очень опасно, может, нетрудно вылечить.

Ответить не смог — спазм сдавил горло, дыхания не доставало. Не знаю, сколько времени прошло. Прибежала Вера с верхнего поля. Ворвалась в мехмонхону.

— Это не она! Какая-то ошибка... Не может быть, чтоб она!

Боязливо откинула марлю, увидела лицо, замерла. Бесильно опустилась у изголовья и окаменела. Я вышел, не смог вынести тяжести её скорби.

Во дворе толпились, перешептываясь, соседки. Наконец привели Хатти-момо. Две женщины поддерживали её под руки, двигалась она медленно и осторожно, но держалась очень пря-

мо. Белоснежное платье до пят и головной платок обветшали от бесчисленных стирок, были сшиты, казалось, из хирургической марли. Я, словно малый ребенок, на нее смотрел, с детской надеждой, почти верил, что спасет Зарину. Непонятную силу чувствовал в ветхой старушке, силу выветренного камня. Тысячелетиями разрушали его высокогорное солнце с ледяным ветром, одолели, вылутили все бренное и непрочное, с несокрушимой основой не совладали.

Старушку ввели в мехмонхону, я вошел следом. Хатти-момо присела в головах носилок по другую сторону от Веры, откинула широкий белый рукав, хрупкими темными пальчиками прикоснулась к лицу Зарины, сказала:

— Пусть все выйдут.

Я, преодолев оцепенение, сказал:

— Пойдем, Вера. Хатти-момо хочет, чтобы мы ушли.

Она проговорила глухо, безжизненно:

— Я мать. Я должна остаться.

Я перевел.

— Мать пусть тоже выйдет, — сказала Хатти-момо.

Я бережно обнял Веру за плечи, поднял и повел. Калека вел калеку, больной вел больную... Потянулось время, мы ждали во дворе, не отводя глаз от двери мехмонхоны. Соседки тихо переговаривались:

— Скажет: “Буду лечить”, тогда есть надежда. Молча уйдет — значит, помочь нельзя.

— Эх, сестра, один Бог знает. Говорят же: некто всю ночь у постели больного проплакал, наутро сам умер, больной жив остался...

Дверь наконец открылась. Вера словно очнулась, кинулась к Хатти-момо:

— Что?! Выживет она?!

— Буду лечить, — сказала знахарка.

Она подозвала помощницу, перечислила, какие из трав и снадобий следует принести, и вновь уединилась с Зариной. Соседки постепенно разошлись. Хатти-момо несколько раз выглядывала из мехмонхоны, ставшей больничной палатой, и требовала то горячей воды, то старый железный серп — непременно старый, сточенный почти до обушка, то свежего коровьего наво-

за... Поздно вечером она приказала не входить к Зарине, чтоб не тревожить, сказала, что придет утром, и удалилась, опираясь на помощницу.

Вера к этому времени нервно расхаживала по двору, беседуя сама с собой:

— Нет, я не понимаю, почему он сюда привез, почему не в город?! Ну хотя бы в Калаи-Хумб. Там все же врачи. Наверное, военный госпиталь есть. А эта старуха... Она же едва дышит. Её саму надо реанимировать, а туда же — лечить... И чем? О, господи, навозом!

Неожиданно Бахшанда сказала с непривычной мягкостью:

— Сердце понапрасну не надрывай, Вера-джон. Она хорошо лечит. К ней много людей даже из Калаи-Хумба, из Дангары, отовсюду приезжают. Тамошние врачи не могут, а Тутти-момо умеет. И Зарину вылечит...

Вера вдруг взорвалась.

— Не притворяйся, что за нее волнуешься! — крикнула она яростно. — Я знаю, ты Зарину терпеть не можешь. Ты её ненавидишь. И это ты, ты сломала ей жизнь. Все беды начались с твоей идиотской затее с замужеством...

Неукротимая Бахшанда против обыкновения промолчала. Должно быть, понимала, какими тягостными для близких путями изливается порой горе. Меня тоже переполняло желание проклинать Бога, судьбу и обвинять всех вокруг, но я укротил себя и терпеливо переносил страдание, ибо терпение — это тусклый факел, который освещает наши жизни.

Вера продолжала бушевать:

— Я не понимаю, не представляю, как можно жить так, как вы живете. Вы своих девушек замуж выдаете — точно коров на случку гоните... И ты тоже, — она с ненавистью обернулась ко мне, — и ты тоже... Ветеринар! — последнее слово она выкрикнула с презрением, как оскорбление.

Я принял укор с благодарностью — он был сродни тем жгучим лекарственным средствам, что оказывают, говоря языком медицины, отвлекающее воздействие и приглушают главную боль.

Вера прошагала к мехмонхоне, открыла дверь и скрылась внутри. Я войти не решился, хотя не видел разумного смысла в

запрете Хатти-момо. В кишлаке говорят, она лечит не столько зельями, сколько джоду, колдовством, магией. В магию я, разумеется, не верю, но все-таки не хотел рисковать...

Ночь промаялся, рано утром решил забыться в тяжелой работе. Взял кетмень, лопату, поднялся к верхнему полю, которое Вера с детьми полностью расчистили от камней. Остался только вросший в землю обломок величиной с откормленного барана. Одному человеку с таким не справиться, разумнее было оставить лежать посредине поля. Так обычно и делают. Я же взялся за бессмысленную работу — начал его окапывать. Через какое-то время пришла Дильбар. Остановилась и молча наблюдала за моими усилиями.

— Что? — спросил я, не оборачиваясь.

— Наши мужики вернулись с пастбища, — сказала Дильбар. — Сказали, что Зухуршо мертв. Они, наверное, его убили. Народ возле мечети собирается. Наверное, вам тоже нужно пойти...

Я продолжал копать. Она постояла немного и ушла. С удивительным равнодушием выслушал я известие о смерти Зухуршо, однако весть эта, подобно зерну, постепенно набухла в темных глубинах скорби, а затем внезапно проросла вспышкой мстительной радости. Одновременно пробудилось и любопытство. Меня охватило нетерпение, бросив лопату, я зашагал вниз.

Вошел на задний двор, чтобы смыть пот и грязь, и вдруг услышал тихий шепот:

— Джоруб, эй, Джоруб...

Ворота коровника были приоткрыты, я распахнул их и увидел Шириншо. От неожиданности я расхохотался. Слышал словно со стороны свой злой смех, звучащий как рыдания. Не в силах сдержаться, выплескивал боль, тревогу, напряжение. И не понимал, смеюсь или плачу.

Внезапно умолк. Холодная ярость захлестнула сердце. Шагнул к нему, занес кулак. Шириншо съезжился. Но рука не подчинилась, дрожала от напряжения, застыла, не ударила. Ненависть во мне кипела, тело не повиновалось.

— Друг, не бей, — пролепетал Шириншо. — Помоги...

Словно чары с меня снял этими словами. Рука опустилась, а разум одобрил, что не ударила слабого. Он увидел, что я разжал кулак, быстро заговорил:

— Ты, Джоруб, здешних людей знаешь. Горцы! Гордые, скупые, недобрые... Завидуют, злобствуют, что Зухуршо меня начальником над ними поставил. Теперь-то осмелеют. Зухуршо боялись, а на мне отыграются, свой подлый, жестокий нрав покажут...

Гнев мой внезапно сменился любопытством. Я не сомневался, что Шириншо уже ищут, спросил:

— Как же ты сюда-то сумел добраться?

Живет он на той стороне реки, путь оттуда — через все селение.

— Бог спас, — сказал Шириншо. — На вашей стороне, у вдовы Шашамо ночь провел. Когда про Зухуршо услышал, то задами, верхней тропой к тебе прибежал.

Он расправил узкие плечи.

— Я знаю тебя, Джоруб. Знаю, какой ты человек. Не выдешь, убеждения не позволят. Ты даже ударить не смог — воспитание, как наручниками, сковало. И сердце мягкое, твердости в тебе нет. Жалостливый ты. А потому прятать меня будешь, из кишлака выведешь...

Говорил он снисходительно, но его надменность меня не разгневала, а даже, наверное, позабавила. Я сказал:

— Плохой ты психолог. Спасать не стану, хотя и не выгодно. Сиди здесь, хоронись от людей. Только лучше тебе с толпой мужиков встретиться, чем с Бахшандой или, пуще того, с Верой.

Он усмехнулся:

— Как-нибудь совладаю.

Обычно я не находчив на слова, но сердце подсказало, как ответить:

— Твоя правда, против женщин ты герой. Однако наших не знаешь. Найдут они тебя — как стручок гороха вылуцат.

Вмиг слетели с Гороха надменность и снисходительность, он оскалил зубы, готовясь укусить издевкой, но я вышел из коровника, оставил его злобствовать в одиночестве.

Спускаясь к площади, я издали услышал гул голосов, а, подойдя к толпе, рассмотрел из-за голов стоящих впереди мужиков, что перед дверью мечети лежат на земле носилки, — скоро связанные из веток и двух тонких стволов. На носилках —

завернутое в старое одеяло тело. Я понял, что это труп Зухуршо, принесенный с пастбища. Рядом стояли, горделиво выпрямившись, Шер, совхозный шофер, и Табар, его товарищ. Одеты они были по-охотничьи в короткие, туго подпоясанные халаты, на ногах — обмотки, за спину закинута на ремне автоматы. Они-то, орлы, удальцы, должно быть, и одолели Зухуршо.

Я прислушался к разговорам в толпе. Шел начавшийся до моего прихода спор о том, как теперь жить. Одни кричали:

— Каждый пусть свою землю заберет.

— А совхозные земли? С ними как быть? — кричали другие.

— Да что земля?! Все посева Зухуршо погубил. А заново сеять нечем. Зерна не осталось, картошки нет, ничего нет...

В это время заговорил Шер, народ умолк.

— Покойный Зухуршо плохим человеком был, — сказал Шер, — но глупым не был. Народ угнетал, но свое дело правильно делал. Он хорошо сказал: “Если земли мало, надо золото сажать...” Почему бы нам к хорошим словам, хоть и плохим человеком сказанным, не прислушаться?

— Эй, Шер, про кукнор говоришь? — крикнул кто-то.

— Называй, как хочешь, — сказал Шер. — Я золотом называю. Может, даже платиной назову, потому что у нас земли теперь много будет. Пастбище у вазиронцев назад отберем, кукнором засеем. Вазиронцы против нас — что лягушка против слона. Наступим, раздавим. Мертвый Зухуршо на помощь им не придет, а у нас оружие есть, — он скинул с плеча автомат и потряс им над головой. — Скоро, когда завал разберем, двенадцать “калашей” молодежи раздадим...

Молодые парни, которые кучкой теснились на левом крыле толпы, засвистели, заикались. Взрослые мужики усмирили их суровыми окриками. Молодые слегка притихли, а вперед вышел престарелый Абдугафор и сказал:

— Мы, старики, разрешения на это не дадим. Пастбище нельзя распаивать, пастбище — не земля. Зухуршо хотел так сделать, но Зухуршо — он... Он был...

Не нашел слова и презрительно плюнул.

— Не разрешите?! — воскликнул Шер. — Мы не спросим. Как замыслили, так и сделаем. Ваша власть уже прошла. Рань-

ше, может быть, правильным было стариков слушаться. Теперь по-другому. Жизнь совсем другая, а вы думаете, что все по-прежнему осталось.

Присмирившая было молодежь вновь засвистела.

Мне впервые пришло в голову, что молодые, воспитанные в почтении к старшим, и в прежнее-то время втайне глядели свысока на стариковскую немощь, на медлительность, тугоумие и, главное, угасшую мужскую силу. За почитительностью всегда скрывалась снисходительность. Теперь же, когда интересы младости и старости столкнулись, тайное вырвалось на волю.

Молодежь засвистела, а Шер закричал:

— Эй, люди, на своих землях выращивайте для пропитания, кто что захочет. Но пастбище мы заберем. Совхозную землю тоже. Кто захочет, пусть к нам со своей землей присоединяется.

Вновь разразились крики и споры. Престарелый Абдугафор вновь поднял руку, требуя тишины:

— Совхозные земли из дедовских наследственных земель собраны. Однако, хоть время и прошло, но мы помним, кому в бытность каждое из полей принадлежало. Каким Ахмад владел, каким — Махмад. Эти земли надо прежним владельцам вернуть.

Шер усмехнулся:

— Вы сами сказали, почтенный: время прошло. А я скажу: в реку можно любые помои вылить, вода три оборота сделает и чистой становится. Время действует так же. С той поры, когда Ахмад с Махмадом землями владели, оно столько оборотов сделало, что совхозная земля давно от права собственности очистилась, ничейной стала.

Престарелый Абдугафор, его не слушая, продолжал:

— У Зухуршо запас был. Мука была, сахар был. Масло хлопковое обещал привезти. А у тебя что есть? Землю под кукурузу забрать хочешь, а подумал ли о том, что люди есть будут?

— Горох! — закричал простодушный Зирак. — Горох!

— Глупые шутки брось, — рассердился престарелый Абдугафор. — Гороху тоже земля нужна.

— Зачем земля? — крикнул Зирак. — Уже появился!

Он топтался на краю толпы и первым усмотрел удивитель-

ное явление, которое от прочих скрывал правый угол мечети. Вниз по улице, ведущей к площади, брел Шириншо, хромая и запинаясь, словно смертник к месту казни.

Мой зять Сангин, стоявший со мной рядом, засмеялся:

— Эха! Мыши горошину выронили, искали-искали, весной сама нашлась — проросла.

Я-то знал, где прятался Горох, но, как и прочие, изумился неожиданному появлению. Удивительным было то, что Шириншо конвоировала Вера, моя золовка. Она шла позади с дедовским мультуком и подгоняла пленника длинным стволом. Ребятишки, шнырявшие в толпе, с воплями бросились им навстречу.

Мужики заулюлюкали, засвистали, заготовали:

— Охо-хо, хо-хо-хо...

— А-ха-ха-ха...

— И-хи-хи-хи...

Вера дотолкала Шириншо до середины площади, огляделась слегка растерянно, увидела в толпе знакомое лицо и пошла ко мне.

— Вот, привела.

— Вера, как ты его добыла?!

Мужики обступили нас, раскрыв рты от любопытства. Веру била дрожь, она говорила быстро, почти захлебываясь:

— Ты знаешь, пришла старуха, выставила меня из комнаты... где Зарина... Я теперь готова выполнить все, что она требует. Понимаю, что глупо, но только на старуху надеюсь. Я ушла. Не знала, куда деваться, места себе не находила. Вышла на задний двор. И вдруг услышала, в коровнике шаги, будто там кто-то ходит. Я почему-то подумала, что это ты вернулся. Заглянула и увидела его. Он стоял у стены, где все эти сельскохозяйственные железки, и трогал серп. По-видимому, собирался снять с гвоздя. Услышал скрип ворот, повернулся и посмотрел. Знаешь, он усмехнулся... Злобный, страшный. И еще серп... Я убежала... Ты не думай, я не испугалась, я стала думать, что делать. В доме ни души, только твой отец больной, даже дети убежали... А этот?! Зачем он пришел и прячется? Что задумал? От него всего можно ожидать. Как его прогнать? Ты же сам видел, он с этим сильным мужчиной... как его... Сельсоветом справился. Нужно какое-нибудь оружие. Не ухват, не сковородка... Я

побежала в каморку, где у вас ружья хранятся. А там пусто — только вот эта древность.

— Вера, мультук не заряжен...

— Подожди, подожди... Я знала, что не заряжен. Я не собиралась стрелять. Я только прикидывала: как бить? Ружье длинное, тяжелое. Если с размаха, прикладом — слишком медленно. Он или увернется, или схватит и вырвет из рук. Решила: ткну стволом в живот. Вошла, он засмеялся и сказал: “Дура баба”. Если бы не презирал, не думал, что глупая и слабая, то, вероятно, сумел бы увернуться. А тут я как ударю! Влепила ему прямо в брюхо. Он согнулся, а я — стволом по спине, по горбу. Получилось очень неловко, тогда я перехватила ружье и ударила прикладом. Он упал и лежал на боку, согнувшись. Я зашла сзади, чтоб он как-нибудь не отнял ружье, и стала думать, как быть дальше. Выставлю со двора, а он незаметно вернется и Бог знает что сотворит. Я решила, что отведу к мужчинам, пусть разбираются. Насколько знаю, с ним многие желают свести счеты. Сказала ему: “Вставай, пойдешь к людям, на площадь”. Он меня обругал, а я сказала: “Не встанешь, я тебе голову разможжу”.

Знаешь, потом, когда мы шли, я сама себе удивлялась. Будто это не я, а кто-то другой. Будто я страшное кино смотрела и одновременно говорила и действовала. Убить я, конечно, не убила бы. Не смогла бы... Хотя, не знаю. Зарина там, в комнате, лежит, а он... Он-то думал, что обманет по дороге. Насколько раз пытался заговорить мне зубы, но как только открывал рот или начинал поворачиваться, я легонько толкала в спину стволом. Я ему сказала: “Побежишь или дернешься, ударю в позвоночник, сломаю”. Он, кажется, поверил...

— А ты бы ударила?

— Не знаю... Я в то время об этом не думала. Наверное, у меня был такой голос, что он поверил... Может быть, и ударила бы. Ты не представляешь, какая во мне злость кипела... Да, я бы ударила! Никогда не прощу ему, ведь это он виноват в том, что случилось с Зариной... — она замаялась на миг, затем произнесла твердо: — Тоже виноват...

В сотый, должно быть, раз я подивился этой женщине.

— Ай, Вера-джон, молодец! — закричали мужики.

Она оглянувшись с недоумением, язбко повела плечами и

двинулась через толпу по направлению к нашей улице. Я позвал ее:

— Вера.

Словно и не слышала. Вновь замкнулась в безмолвном скорбном одиночестве.

Шириншо тем временем ждал своей участи. Понурая поза говорила, что он приготовился к худшему. Нахохлился, скрючился, перекосясь сильнее обычного. “Жалость вызывает, хитрец”, — догадался я, заметив зоркие косые взгляды, которыми Горох то и дело озирает односельчан. А мужикам было не до расправы. Насмехались вяло, без особой злобы:

— Эй, асакол, тебя женщина командовать привела. Почему не командуешь?

— Нас в тупик завел, объясни, как выходить...

И Шириншо завел старые песни.

— Меня вините, насмехаетесь... — проговорил он с притворной горечью. — А бедный Шириншо в чем виноват? Я когда про смерть Зухуршо узнал, к народу пошел. По дороге эта женщина меня встретила... Зачем ружье взяла, зачем угрожала — не знаю. Я-то спешил, думал: как народу помочь? Я всегда о народе душой болел...

— Неправду говоришь! — крикнул Сельсовет. — О том только заботился, чтоб Зухуршо угодить.

— Эх, Гулом, Гулом, сначала свой воротник понюхай, а потом у других недостатки ищи, — грустно укорил его Шириншо. — Ты разве в советское время приказы начальников не выполнял? Разве не угождал? Если бы тебя Зухуршо старостой назначил, ты и Зухуршо бы подчинился. Хочешь не хочешь, а власти покоряться приходится.

Народ загудел, потому что толика правды в ответе Гороха имелась. Однако у лжеца и правдивое слово — ложь.

Шириншо, между тем, приободрился, голос окреп:

— Если что дурное происходило, то не по моей воле. Я добра людям желал. Зухуршо обещал: “Пороги будут из золота”. Я о том же мечтал. Знать не знал, как далеко разорение пойдет. Это он, Зухуршо, виноват. Его вините.

— Ты наши поля разорять помогал, — крикнули из толпы.

— Что мог поделать? — сокрушенно вымолвил Шириншо.

— Распоряжения получал. Но вы, люди Талхака, тоже приказы Зухуршо выполняли. Себя почему не вините? Я ни одной грядки, ни одного ростка не сгубил. К мотыге даже не прикасался. Вы сами, собственными руками свои поля опустошили. Лопатами и мотыгами посева перекапывали. И что же? Сначала меня, потом лопаты и мотыги судить начнете?..

Мужики негодующе заворчали, всех сильнее возмутился простодушный Зирак:

— А кто нас выдавал?! Ты боевиков Зухура повсюду водил, ты им земли показывал. Каждый клочок в горах, каждый малый огородик. Без тебя не отыскали бы. Хайвон, предатель!.. — захлебнулся от гнева и, не найдя, как еще выразить негодование, нагнулся, подобрал камешек и швырнул в Гороха.

Правда, не попал — сил не хватило добросить. Молодежь радостно завопила:

— Незачёт!

— Дед, вторую попытку бери!

Из левого края толпы, где сгрудились юнцы, вылетел камень величиной с яйцо, ударил Шириншо в грудь.

— Учись, дед Зирак. Вот как надо в цель бить...

Горох вскрикнул, отшатнулся. Женщины ахнули.

Вылетел новый камень и угодил несчастному Шириншо в ногу. Молодые заржали:

— Э, опозорился, Бако, в команду стариков переходи.

Сам на себя накликнул беду Горох. Увлёкся оправданиями, неудачное выбрал время перекапывать вину на народ. Вряд ли все без исключения мужики одобряли бесчинство, но юнцов ни один не одернул. И молодые распоясались, чего не посмели бы еще месяц назад. Порча, которую занес к нам Зухуршо, заразила и старших, и младших. Несколько парней уже шарили по земле, искали подходящий для метания камень. Миг, и станет Шириншо мишенью для разгулявшихся йигитов.

И тут словно щепка с крыши упала. Неожиданно раздался пронзительный свисток, из толпы выскочил Милиса, наш деревенский дурачок, подбежал и заслонил собой Гороха. Высоко подняв полосатую палку, он сурово уставился на народ... Да, печальны времена, когда одно только безумие противостоит неразумию.

— Эй, девона, отойди! — закричал Дахмарда, здоровенный детина, готовясь к броску.

К тому моменту мудрость уже опомнилась. Престарелый Абдугафор крикнул Дахмарде гневно:

— Э, пёс! Камень положи. Кто бить позволил?

Парень не посмел ослушаться, неохотно опустил руку, а престарелый Абдугафор обратился к народу:

— Прежде, чем этого человека наказывать, мы разобраться должны, виноват он или не виноват. Если виноват, то следует решить, в чем виноват и какое наказание за эту его вину назначить. Если не виноват, обижать его — грех.

— Правильно! — выкрикнул Горох из-за спины дурачка.

Я-то понимал, что Абдугафор не столько к справедливости взывал, сколько утверждал свое пошатнувшееся главенство. Наверное, все это понимали.

— Выходит, если козел огород потравил, надо повестку ему вручить, в народный суд отвести. А палкой поучить грешно. Так что ли? — спросил Сельсовет.

— Не нужно суда! — прокричал простодушный Зирак. — И без того знаем: виноват Горох!

Мужики загудели. Заговорил Шер, который до той поры молчал:

— Уважаемый Зирак верно сказал. Общее мнение выразил. Виновен. А еще уважаемый Зирак правильное наказание предлагал...

— Это какое же? — спросил Зирак.

— Камнями побить, — ответил Шер. — Так вы, уважаемый, давеча предложили.

Никогда прежде простеца уважаемым не именовали. Зирак гордо огляделся и подтвердил:

— Да, я так предложил. Камнями.

— Самосуд! Беззаконие! — вскричал престарелый Абдугафор.

Роковым для Шириншо стало его заступничество. Не вмешайся он, самое худшее — поколотили бы злосчастливого Гороха и прогнали бы из кишлака. Теперь же Шер пошел наперекор Абдугафору. Оба они, как на козлодрании, рвали Шириншо друг у друга из рук — боролись не за жизнь его или смерть, а за первенство.

— Самосуд? — переспросил Шер. — Нет, мы судить не станем. Пусть шахид его судит, — и он указал на тело, лежащее на грубых носилках.

Я был ошеломлен. В наших местах шахидами — кроме тех, кто погиб за веру, — почитают также убитых молнией, погибших при несчастном случае или умерщвленных насильственной смертью. Но у кого повернется язык назвать шахидом Зухуршо? Я тронул плечо Сангина, моего зятя:

— О ком говорит Шер? Кто этот покойник?

— Карим, сын Махмадали, — ответил Сангин. — При жизни Тыквой прозывали. Э, шурин, да ты как из пещеры вышел...

Со вчерашнего дня я вправду блуждал по темным подземельям печали, ничего не слышал вокруг, ничем не интересовался. На время забылся, но слова Сангина вернули меня к скорбным мыслям, и чтобы их отогнать, я продолжил распросы:

— А Зухуршо? Он-то где?

— Голова его в том мешке, — Сангин указал на небольшой куль, валяющийся у Шера под ногами.

Его слова прозвучали странной загадкой, разгадку которой мне довелось узнать позднее, после похорон шахида, когда мой друг Зоир поведал рассказ о том, что произошло накануне. Собралось множество слушателей, и Зоир начал, как обычно, издалека:

— Вы знаете, что вчера к нам Зухуршо явился. Вы сами видели, как мешки и ящики на ослов погрузили, как Зухуршо на лошадь сел, со своими боевиками на наше пастбище отправился. Я тоже на площади был, смотрел, примечал. Палатки, кольца с собой везут — следовательно, ночевать собираются. Может быть, день-другой на пастбище проведут. “Подготовиться успешно”, — подумал.

Шера подозвал. Молодой, смелый, в армии служил.

Он спросил: “Что задумали, ако?”

Я сказал: “Назад пойдут, мы их встретим”.

Он сказал: “Ако, у нас оружия нет. Если что-нибудь и спрятанно, то разве, пожалуй, старый дробовик... А у них десяток автоматов. Пусть даже нам повезет — Зухуршо застрелить удастся, боевики потом весь кишлак перебьют”.

Я сказал: “У нас посильнее автоматов оружие имеется.

Дедовское оружие. Времени терять не станем, сейчас и тронемся. Еще одного человека возьмем. Трех достаточно”.

“Табара позовем, — Шер предложил. — Он парень сильный”.

Собрались в путь — каждый платком с завернутой в него лепёшкой перепоясался, обмотками ноги туго перетянули, мех с водой, топоры, веревку взяли и пошли Зухуршо воевать.

До могилы поэта Хирс-зода поднялись, заметить успели, как далеко впереди хвост каравана мелькнул и за поворотом тропы скрылся.

Затем до Дахани-куза — Кувшинного горла — дошли, с тропы свернули, по узкой расщелине пролезли. В том месте оказались, где скала как отвесная стена возвышается. Разулись, обувь и мех с водой на спину забросили, топоры за пояс заткнули, свернутую веревку через плечо перекинули и вверх по скале карабкаться начали. За выступы в камне, за трещины руками и ногами цеплялись, как ящерицы, по стене ползли. Тяжело было лезть, опасно, однако иным путем туда, куда мы направлялись, никак не доберешься...

Спасибо Богу, живыми и невредимыми до самого верха добрались. Передохнули немного, затем по гребню Хазрати-Хусейн дошли до Джои-Сангборон. Среди скал на краю гребня — небольшая площадочка. А размер... В старину про такой говорили: как раз, чтоб одной тюбетейкой ячменя засеять...

В этом месте рассказ Зоир перебил Лутак, педантичный старик, который разбирался в старинных мерах лучше, чем кто-либо из слушателей, и тем не менее потребовал:

— Ты по-нынешнему размер назови.

— По-современному, — сказал Зоир, — сотка приблизительно. Будь путь ближе и легче, здесь бы непременно кто-нибудь махонькое поле распахал, не беда, что площадочка к обрыву кренится.

Вышли мы на нее, я сказал: “Пришли”.

Шер и Табар огляделись, спросили: “Где же оружие?”

Я сказал: “Вы на край станьте, взгляните”.

Они подошли, заглянули. Склон круто вниз спускается. В глубине, у подножия, по узкому обрывистому берегу Оби-Талх тропа бежит. И до противоположного склона рукой подать —

хребты-близнецы совсем близко сходятся, ущелье в узкий проход сжимают.

Я сказал: “Вот это оружие и есть”, — и с молодыми политбеседу провел.

Предки наши с давних времен врагов в ущелья заманивали, засады на них устраивали. Наверху — в таких, как это, местах — большую кучу камней складывали, из бревна преграду сооружали. Когда бревно убирали, камни лавиной вниз сходили, врагов убивали, рассеивали. Поэтому так называли — сангборон, каменный дождь. Против сангборона даже Александр Македонский бессилён был. Не выдержали его отряды, бежали с Дарваза.

На восточном краю поляны одинокое дерево стояло — хубак, ясень. Такой высокий, что, казалось, до неба достаёт. Откуда в диком месте ясень появился? Наверное, наши древние предки специально несколько саженцев посадили, потому что бревно туда не затащишь. Ясень триста лет живёт, и никто не знает, сколько деревьев за прошедшие столетия на сангборон извезено. Ныне один только этот хубак остался.

Мы ясень срубили, ствол от веток освободили, на край обрыва положили, кольями закрепили. К одному концу бревна веревку привязали. Камни начали собирать, позади бревна в кучу складывать. Дело тоже непростое. Умеючи надо класть, чтобы груда до времени держалась, не рассыпалась, а в нужный момент разом вниз рухнула. Чтобы на бревно давила, но с места не сталкивала. Нам искусство это не передали. Однако разобрались, начали носить, укладывать.

Трудились долго, устали. “Может, отдохнем?”, — молодые предложили.

Я сказал: “Нельзя отдыхать. До вечера надо закончить. Что, если Зухуршо передумает, сегодня обратно поедет?”

Сбылись те слова. Когда солнце к хребту Хазрати-Хасан приблизилось, мы ещё камни таскали, а вдали на тропе караван показался. Богу спасибо, Табар случайно заметил, сказал: “Идут”. Куча уже большая была.

Я сказал: “Ладно, сколько успели, столько положили. Иншалло, хватит”.

Табар сказал: “Дядюшка Зоир, они наших мальчишек, тро-

их ребят, с собой повели ослов погонять. Как быть? Как мальчикам вреда не причинить?”

Я ответил: “О них не беспокойтесь. Я предусмотрел”.

На край лег, стал вниз смотреть, чтобы нужный момент рассчитать. Прикинул, на какую ширину лавина раскатится, какой отрезок тропы накроет. Бог или природа устроили на склоне скат, похожий на желоб, — наверху узкий, а книзу расширенный, и потому каменный поток вначале струей хлынет, а затем веером распустится, большую зону поражения охватит. Я ориентиры наметил — где голова и хвост каравана находиться должны в ту секунду, когда мы сангборон запустим.

Вскоре караван в поле зрения во всю длину растянулся. Я убедился, что он полностью в зоне поражения поместится. Наших ребятшек в нем не было. Однако к недоумению моему Зухуршо я тоже не увидел, сколько ни высматривал. Пересчитал боевиков: двенадцать ушли, двенадцать возвращаются. Неужели Зухуршо один на пастбище остался? Другое объяснение в голову не пришло. Вынужден был по ситуации решение принимать. Решил: Зухуршо — как мышь в мышеловке, уйти некуда. Мимо нас не проскочит. Покончим с боевиками, потом с ним без труда разберемся.

Сигнал подал. Шер и Табар за веревку схватились, к бревну привязанную.

Меж тем первый в цепочке боевик к переднему ориентиру подходил — кусту облепили, что на краю тропы рос. А хвост каравана уже большой камень миновал — задний ориентир. Я рукой махнул, “Огонь!” — скомандовал.

Шер и Табар силы напрягли, Бога призвали, веревку рванули. Бревно как соломинку подкинуло, вниз за каменным потоком утащило. Страшный грохот ущелье заполнил. Видел я, как враги внизу метались. Кричали, наверное, но крики гром лавины заглушал. Затем тишина наступила, только отдельные камни еще стучали, шуршали, по склону сползая, скатываясь...

Шер сказал: “Спустимся вниз, соберём оружие”.

Мы к опасной скале вернулись, по которой на гребень поднимались, веревку привязали, спустились и вышли туда, где недавно тропа проходила, под каменными обломками теперь скрытая...

В этом месте рассказа наш мулло спросил:

— Скажи, Зоир, всех ли боевиков побил камнями?

Зоир помедлил несколько мгновений, словно задумавшись, затем ответил уклончиво:

— Когда мы уходили, живых не осталось.

Тогда мулло задал другой вопрос:

— А Тыква? Вы ведь знали, что Карим с ними идет?

Зоир сказал:

— Бог видит... Что делать было?

Провел руками по лицу и продолжил:

— Там люди по-разному лежали. Кого полностью завалило, кого камнем-другим придавило. Одного — того, что впереди шел и, должно быть, убежать пытался, — мы в стороне от завала приметили, железные зубы скалил...

Мы принялись Карима искать, нашли, удивились, что он веревкой связан. Руки Кариму развязали, кровь с его лица оттерли. Сказали: “Похоронить сегодня не успеем — солнце заходит. Переночуем на пастбище, а утром отнесем тело в кишлак. Греха в том не будет, закон разрешает: если человек умер в пути, то временное захоронение позволено”.

В этом месте Зоира вновь перервал педантичный Лутак:

— А как же боевики? Их ведь тоже надо по обряду похоронить, заупокойную молитву прочитать, чтоб непогребенные мертвецы людям зла не чинили.

— Не наша то была забота. Народ потом соберется, похоронит, — сказал Зоир и продолжил рассказ: — Шахида в стороне от тропы уложили, сверху камнями прикрыли, чтобы до тела дикие звери не добрались. Затем взяли автомат покойного человека с железными зубами, собрали оружие, какое найти удалось, к пастбищу Сарбораи-пушти-санг поднялись.

На пастбище трое мальчишек в летовке прятались. Вначале испугались, нас узнали — обрадовались. Из них старший, Мумин, стал рассказывать:

“Сначала Карим Тыква Зухуршо убил. Потом Даврон на вертолете прилетел. У мужика с железными зубами спросил: “Где Зухуршо?” Мужик к Дед-камню повел, показал.

Даврон спросил: “Кто убил?”

Мужик сказал: “Мы не виноваты. Сучонок этот, Тыква, он

его уделал. До сих пор голову ломаем, докумекать не можем, как справился”.

Даврон спросил: “Где Тыква?”

Мужик с железными зубами сказал: “Убежал”. В какую сторону убежал, рукой показал.

Даврон спросил: “Остальные где?”

Мужик сказал: “Тыкву ловить ушли”.

Даврон в вертолет сел, улетел. Потом другие вернулись, которые уходили Тыкву ловить. Сели на ковер, водку открыли, стали пить. Услышали, вертолет назад летит, бутылки спрятали, на ноги вскочили.

Вертолет опустился, дверь открылась, на порог Тыква вышел. В руке что-то круглое держал. Круглое на землю сбросил. Посмотрели, это голова. Потом Тыква на землю прыгнул. Тот, что с железными зубами, подошел, замахнулся.

Даврон из вертолета крикнул: “Отставить! Не трогать! Отведите в Ворух. А если хоть волос с его головы упадет, ты, Гург, лично ответишь”.

Дверь начал закрывать, тот мужик с железными зубами крикнул: “Эй, командир, а Зухура не возьмешь?”

Даврон сказал: “Я в золотари не записывался. Вертушка — не говновоз”.

Дверь захлопнул, улетел. Мужик с железными зубами приказ отдал: “Эй, пацаны, тащите сюда трупешник”.

Мы пошли, а как нести? От плеч до пояса — в крови, от пояса до ног — в дерьме. Вернулись назад. Он спросил: “Почему не принесли?”

“Завернуть бы...”

Разрешил: “Заворачивайте”.

В летовку вошли, в углу одеяла навалены. Самое старое выбрали. Около очага дрова лежали, Усмон три палки взял. Одеяло расстелили, палками на него кое-как с трудом закатали.

Усмон сказал: “Тяжелый. Как понесем?”

Я сказал: “Волоком потащим”.

Потащили. Долго тащили, притащили. Мужик с железными зубами рассердился: “Воняет. Почему не завернули? Тот маленький ковер возьмите, в него заверните”.

Они опять сели водку пить. А мы когда из Талхака уходи-

ли, нам дядюшка Зоир потихоньку сказал: “Назад с ними не идите. Спрячьтесь где-нибудь. Тыкву тоже обязательно предупредите. Они уйдут, в летовке переночуйте, потом с Каримом домой вернетесь”

Мы убежали, спрятались. Они искать не стали. Водку выпили, на лошадь ковер с телом навьючили, голову тоже забрали и ушли. Тыкву с собой на веревке повели”.

Так из рассказа Мумина мы узнали о том, что произошло, и еще сильнее горевали о смерти Карима. На пастбище ночь провели, утром спустились к месту, где его тело оставили, носилки соорудили, шахида на них уложили, в одеяло, какое было, завернули, сожалея, что достойного савана не нашлось, и на плечах вниз понесли. На осле не хотели его везти...

— А Зухуршо? — строго спросил педантичный Лутак. — Про его тело почему не рассказываешь?

— Когда лавина падала, лошадь, на которой труп везли, испугалась, наверное, в сторону скакнула, с берега сорвалась, в Оби-Талх свалилась. Река, наверное, унесла.

— Голову как нашли? — спросил Лутак.

— Шер нашел, — ответил Зоир.

Ответ объяснял, отчего Шер носил с собой мешок с головой как личный трофей. Правда, в то время, когда около мечети решалась участь Гороха, я, разумеется, этого объяснения еще не слышал и не понимал, что приватизированная голова — одно из средств, какими Шер присваивал славу Карима, убийцы Зухуршо. Народ на площади не ведал, что произошло в горах. Люди, подобно мне, были убеждены: владелец Зухуровой головы и есть герой, избавивший Талхак от тирана.

Злую шутку сыграло с нами тщеславие Зоира. Готовясь к эффектному рассказу, он до самого вечера не поддавался на расспросы, не промолвил ни слова о событиях в ущелье и на пастбище. Желал поразить слушателей неожиданностью. Не хочу думать, что мой друг поддался малодушию, побоялся Шера. Вероятно, попросту не предвидел последствий своей скрытности. Как бы то ни было, Зоир промолчал даже тогда, когда Шер возгласил:

— Шахид будет судить Гороха.

А когда возразили: “Мертвые немь”, — ответил:

— Я за него скажу.

Гомон разом стих, все приготовились слушать. Не заметили подмены или признали право Шера выдавать свою волю за волю шахида.

Шер сказал:

— Не будь мертвые немые, шахид спросил бы: “Эй, люди Талхака, скажите, за какую вину следует казнить Гороха? По какой причине он заслужил смерть?”

Мужики удивились простоте вопроса, затем принялись перебирать причины, поводы и мотивы, сами собой разумеющиеся:

— Поля разорял...

— Самовольно в старосты пролез...

— Зухуршо помогал...

Одним словом, мысли покатались по старой колее. Шер опроверг все предположения:

— Неверно.

Общество притихло, призадумалось. Наконец простодушный Зирак спросил:

— За что же его казнить?

— Вам, не мне, задан был вопрос, — ответил Шер. — Вы и найдите причину, потом мне сообщите.

Однако очевидные варианты были исчерпаны, зазвучали раздраженные голоса: “Все сказали, нет больше ничего”, “Пусть теперь дед Абдугафор что-нибудь измыслит”, но тот угрюмо молчал.

И тогда взял слово наш раис, которого борьба между Шером и престарелым Абдугафором отодвинула в тень. Теперь он решил, что настал момент показать, кто есть настоящий руководитель, и произнес важно:

— Я думаю, надо казнить по той причине, что это правильно. Собрание разочаровано зароптало.

— Очень уж хитроумно.

— Слишком просто.

— Небось, какой-то другой ответ имеется...

Тем временем несколько стариков и уважаемых людей окружили престарелого Абдугафора, спешно совещались. Шер же подозвал одного из подростков, шнырявших в толпе, и что-то

негромко сказал. Через несколько минут орава мальчишек уже таскала отовсюду небольшие камни и складывала в кучку около угла мечети.

— Гороха надо спросить! — догадался вдруг Кафтар. — Горох знает. Столько мороки с ним получилось, пусть за это помощь народу окажет.

Все повернулись к Гороху, который томился посреди площади, на время забытый. Милиса по-прежнему стоял рядом с корявой палкой. Охранял.

— Нет, не скажет. Зловредный он, — засомневался кто-то. — Назло нам утаит.

— Скажу! Обязательно скажу! — крикнул Горох. — Знаю ответ.

Он даже на месте запрыгал от нетерпения, припадая на ушибленную ногу.

— Говори, — приказал Кафтар. — Только не обманывай...

— Причина эта — кровь, — сказал Горох. — Шеру кровь нужна, чтоб всех вас кровью повязать.

— Э, глупости, — разочарованно возразил Кафтар. — Кровь не веревка.

— Зато крепче веревки вяжет, — сказал Шириншо. — Вы ведь меня убивать не хотите, каждый про себя думает: “Бог запрещает мусульман жизни лишать”. Но если человека заставить через этот запрет переступить, то его потом к чему угодно принудить несложно...

Никогда прежде не говорил он столь серьезно, без намека на шутовство и, наверное, убедил бы народ, но не устоял — заступил за черту, пересекающую которую в его положении было неразумно.

— Эх, люди, люди, — проговорил со вздохом, — вечно вас вокруг пальца обводят, пастухи палками, как овец, погоняют.

Эти справедливые, но обидные слова отвратили от него сердца. Верно говорится: язык способен погубить голову. Даже те, кто сознавали, в какую пропасть толкает нас Шер, возжелали обидчику смерти, ибо худшее из преступлений — оскорбление. В сторону Гороха полетели тяжелые негодующие взгляды. Богу спасибо, до большего дело не дошло, взоры все-таки — не бульжники.

Надо же было случиться, что именно в это время старики и уважаемые люди закончили совещаться. Престарелый Абдугафор раздвинул народ, прошел к углу мечети, чтобы оказаться на виду, и поднял руку, требуя внимания. Так он еще раз и помимо воли оказал Гороху роковую услугу.

— О-ха! — воскликнул Шер. — Почтенный Абдугафор первым бросить камень желает!

Старик гневно нахмурился, топнул ногой, но Шера перекричать не сумел, тот уже продолжал насмешливо:

— Оказывается, нет! Почтенный боится, что силы не хватит. Опасается, что камешек поднять не сможет. Надо кого-то помоложе, посильнее. Ако Сельсовет, может, вы начнете?

Сельсовет молча потупился.

— Дядя Занджир, — позвал Шер.

— Дядя Каландар...

Не добившись толку от старшего поколения, он обратился к младшему:

— А ты, Дахмарда?

Глуповатый удалец, который недавно забавы ради целился в Гороха как в мишень, пробормотал:

— Лицо надо бы закрыть...

— Платок накинуть или что-нибудь... — подхватили мужики.

— У меня, вроде, подходящее имеется, — сказал Джав, пастух.

Все повернулись к Джаву, а он извлек мешок, который был у него аккуратно сложен и заткнут сзади за поясной платок.

— Приготовил у соседа пшена займы попросить.

— Ты и накинй, — приказал Шер.

Джав пошел к Гороху. На ходу он разворачивал мешок, — судя по иностранной надписи, один из тех, в которых Зухуршо привез в Талхак муку. Шириншо невысок, но и Джав не велик ростом. Потоптался возле Гороха, примеряясь так и сяк, решил, что обратять стоящего во весь рост — несподручно, и попросил:

— Опустись на колени, друг.

Шириншо, изжелта бледный, заматал головой. Говорить, по-видимому, был не в силах. Джав зашел сзади — духа не хва-

тило надевать мешок на человека, глядя ему в лицо. По-крестьянски ладными, скупыми движениями расправил пошире горловину, чтоб плечи уместились, накинул, потащил за края и малопомалу натянул мешок на Шириншо.

Дурачок строго следил за его действиями. Когда Джав отошел, не поглядев на результат, Милиса одернул мешок, старательно выровнял перекошенные края и вернулся на свой пост в двух шагах от Гороха.

Страшной казалась фигура, застывшая посреди площади под покровом из мешковины. Еще страшнее — ожидание того, что вскоре произойдет. Хотелось бежать с места казни со всех ног, но я пересилил страх. Недостойно оставлять Шириншо умирать в одиночестве. Пусть в момент смерти рядом окажется хоть одна сочувствующая душа. Ум негодовал на Гороха, сердце сострадало.

Должно быть, мужиков тоже устрасил вид смертника. В гробовой тишине переминались, оглядывались на Шера, словно ожидали приказа. Шер молчал.

Внезапно из-под мешка послышался хриплый голос:

— Чего ждете? Бейте!

Словно какой-то порыв ветра пролетел над толпой, как над сухой травой. Мужики на миг дрогнули и вновь застыли. И тогда Махмадали, отец покойного Карима, тяжелым шагом прошествовал к углу мечети, порылся в куче, выбрал, широко размахнулся и швырнул со столь скорбным и ожесточенным лицом, словно бросал не камень, а упрек односельчанам. Камень ударил в мешок с глухим стуком. Шириншо взвизгнул. Вскрикнули в отдалении женщины. Дурачок Милиса зарыдал и бросился прочь, издавая пронзительные свистки.

Вновь наступило тяжелое молчание. Наконец отважился простодушный Зирак. Подскочил к куче, схватил камень, отчаянно вскрикнул:

— Изх! — неловко замахнулся и бросил.

И опять не добросил. Даже молодые не засмеялись.

Затем в толпе поднялся ропот:

— Э, проклятый Горох! Людей измучил.

— Даже умирать исхитрился по-особому.

Я чувствовал, как копилось, нарастало, усиливалось му-

чительное напряжение. Достаточно кому-нибудь одному сорваться, и мои односельчане не выдержат — бросятся всем скопом казнить несчастного.

В это время откуда-то из глубины толпы возник Маддох — парень нервный, слабый, болезненный — и как сомнамбула двинулся к кучке камней. Мужики следили за ним с угрюмой сосредоточенностью, а он почти уже доплелся до угла мечети, когда я крикнул что было сил:

— Маддох!

Он замер на месте, будто только того и ждал, чтобы его остановили. Мужики повернулись и с тем же хмурым вниманием уставились на меня.

— Нельзя Гороха жизни лишать! — выкрикнул я и умолк.

Я не знал, как удержать односельчан от ужасного деяния, в котором они будут горько раскаиваться. Что сказать? Чем их убедить? А Шер? С отчаянием я сознавал, что и его гордое сердце глухо к доводам разума.

Народ мрачно ждал продолжения, затем недобро заворчал.

— Почему это нельзя? — зло спросил Кафтар. — Тоже потребуешь самим причину искать?

И в этот миг внезапно пришли слова. Я заговорил громко, уверенно, словно по чьей-то подсказке. Не к мужикам обратился — к Шеру:

— Эй, Шер, вот ты выращивать кукнор собрался. Подумал ли, как продавать? Знаешь ли нужных людей? Известны ли тебе цены? Умеешь ли торговаться? Мы, горцы, — не торговые люди. Торговли у нас испокон веков не бывало, нам, деревенским простакам, в коммерческие дела соваться — что под зубья пилы попасть...

— Ако Джоруб, не время сейчас... — прервал меня Шер.

— Время, — сказал я. — Потом поздно будет. Собираемся убить единственного среди нас волка, который под дождем побывал. В тюрьме сидел, среди разного народа потерся. Знакомцев наверняка завел, которые темными делами занимаются...

Словно сам Иблис мне нашептывал. Я образованный человек, в Сатану не верю, но трудно представить, чтобы кто иной мог внушить эти сатанинские аргументы. И я видел, что Шеру

они пришлось по душе. Скрестив руки на груди, он не отводил с меня взгляда — к доводам корысти его гордое сердце прислушивалось с большой охотой.

— И ум имеет хитрый, изворотливый, — продолжал я расхваливать Гороха. — Случайно ли Зухуршо его старостой поставил? Такой советчик и тебе, Шер, пригодится...

— Уверены, ако, что у него знакомцы нужные есть? — спросил Шер.

— Пусть он и скажет.

В один миг я очутился около Шириншо, сдернул мешок. Тюбетейка слетела, редкая щетина на черепе Гороха была припорошена мучной пылью, отчего могло показаться, что он посидел за минувшие несколько минут. Я сказал:

— Слышал разговор? Теперь адвокатствуй за себя сам.

Горох поковылял к Шеру. Они долго и негромко беседовали, Шер внимательно слушал Шириншо, покачивая ногой сверток с головой бывшего властителя Санг-дары как футбольный мяч.

Народ растерянно гудел. Простодушный Зирак протолкался к Табару, товарищу Шера, герою, обрушившему сангборон на боевиков Зухура:

— Сынок, стало быть, прощаем Гороха? Как же так? Шахид сказал...

Табар поправил ремень автомата:

— Шахид сказал: “Найдите причину”. Нашли?

Зирак смутился и промямлил:

— Пока не придумали.

— Коли нет причины, то и убивать нет нужды, — сказал Табар.

Мужики, что слушали разговор, переглянулись. Джав, пастух, заключил:

— Мешок, стало быть, больше не нужен, — и пошел забирать свое добро.

Скомканный мешок валялся посреди площади, напоминая огромный змеиный выползень. Я подумал: “Каким явится нам Горох, сменив кожу, выскользнув из смертельной оболочки?”

Да, я уберег односельчан от коллективного убийства, однако кто знает, сколько несчастий принесет в будущем мое вмешательство. В этом мире, создавая что-либо одно, всегда раз-

рушаешь нечто другое. Чтобы испечь хлеб, надо извести дерево на дрова. Чтобы получить муку для хлеба, надо разрушить зерно. Чтобы получить зерно, надо срезать колос...

Понимание жестокой диалектики мало меня утешало. Так или иначе, я принял участие в разрушении нашей прежней жизни. Хоть и малым, но помог Шеру, не только спас Гороха, хуже того — вернул ему власть. Я мог бы сказать в свою защиту, что развал давно начался без меня, исподволь, незаметно, когда распалась большая община — Советский Союз. Тогда-то бесшумно поползли первые трещины в нашей сельской общине, хотя мы не замечали, не слышали, как надламываются основы. Жалкое оправдание... Как теперь жить?

Что всех нас ждет? Я молил Бога, в которого не верю, чтобы он оставил жизнь Зарине. Молил, чтобы он спас Андрея — наш бедный мальчик словно в воду канул. Ни слуху о нем, ни духу. Только паршивец Теша, сын немого Малаха, пришел недавно и сказал, что Андрей был послан вместе с другими в Верхнее селение усмирять мужиков. Вернулся ли оттуда? Может, ранен? Жив ли? Что станется с Верой, если она лишится детей?..

Мой зять Сангин словно подслушал мои горестные мысли. Обнял за плечи:

— Да, брат, печальный нынче день. Шахида похороним, потом Додали хоронить придется... Э-э-э, шурин, да ты и этого не знал?! Сегодня утром Додали умер. Тот, что по ту сторону реки жил. Одна беда за другой...

Не ответив Сангину, я пошел прочь. Дома свои беды ждут-дождаются.

Солнце уже пересекло зенит. На ярко освещенной земле лежали резкие черные тени, отчего мне казалось, что не солнце, а луна заливает все вокруг холодным мертвенным светом. С разбитым сердцем я брел вверх по крутой улице и слышал, как высоко над селением, где-то на горе, пронзительно свистит дуррачок, а с той стороны реки доносится сквозь шум воды погребальный вдовий плач:

Дом мой, дом мой, разрушенный дом...

ПОЭЗИЯ

Михаил РУДОВ

ПО СЛЕДАМ БАСНИ

Зеркало и Обезьяна

*Мартышка, в зеркале увидев образ свой,**
Пустилась в пляс от радости такой.
А надобно сказать в развитие сюжета,
В зеркальном зале дело было это,
И в зеркалах в бесчисленном исчисленьи
Мартышкино плясало отраженье.
— Нас миллион! Ура! Теперь мы сила, —
Под перепляс Мартышка возгласила,
И невдомек ей было, что она
В тех зеркалах — одна.

* * *

Дружище, не кичись! Свое значенье
Не умножай в зеркальном отраженье.

*Из басни И.А.Крылова.

Ворона и Лисица

SMS – басня

Лисица:

– Ты где?

Ворона:

– В гнезде!

Осел в телячьей шкуре

Осел, чтоб скрыть натуру,
Надел телячью шкуру
И стал похож издалика
На годовалого телка,
Но маскировка не спасла –
Два уха выдали Осла.

* * *

Состроил ловкий казнокрад
Личину честного чинуши.
Но приглядишь: торчат! Торчат
Из-под личины уши!

Умный Осел

Козел назвал Осла Бараном.
Тот пригрозил Козлу судом.
Но суд не счёл название бранным,
Тогда, блеснув своим умом,
Осёл Судью назвал Козлом.
Судья его без промедленья
Оштрафовал за оскорбленье.
А что Осёл? А он везде
Твердит, что правды нет в суде
И что с Козлом он счёт сведёт,

Путь перекроет в огород,
Рогатой тварью назовёт.

Умён Осёл! Ух, как умён!
Глядишь, министром станет он.

Пятно

Ахмат испачкал пиджачок.
Пятно очистить – пустячок,
Всего-то надобно по списку
В рекламе отыскать химчистку,
Но у Ахмата свой расчёт:
Химчистка дорого берет.
И с бережливую отвагой
Стал выводить пятно, бедняга.
Тер солью, мазал скипидаром,
Макал в стиральный порошок,
Держал пиджак над жарким паром
И дырку утюгом прожег.
И где случайное одно
В глаза бросалось всем пятно,
Теперь сплошные пятна.
Зато бесплатно!

* * *

Наверно, каждому понятно,
Что эта басня не про пятна,
Не басня даже, а всего лишь
Текстовка под рекламный ролик.

Осел и Львы

*Слыхали ль вы за рощей глас** Оsla?
Слыхали Львы.

* Из стихотворения А.С. Пушкина «Певец»

Видали ль вы ревущего Осла?
Видали Львы.
Догнали ль вы бегущего Осла?
Догнали Львы!

Вопрос

Твердит чиновник важный, что не берет «откаты».
А на коттедж шикарный откуда баксы взяты?

Писатель и Читатель

Писатель написал рассказ
Без запятых и точек
Сплошным набором разных фраз
И нецензурных строчек.
Читатель прочитал рассказ,
Хвалил его безмерно,
Назвал примеры выкрутас
Шедевром постмодерна.

– Так кто же этот Имярек?
Так что же это, кстати ль?
– Один и тот же человек
Писатель и читатель.

Светлана СУСЛОВА

ОТЧИЙ ДОМ

Новые стихи

ДОРОГА В АЛМА-АТУ

Здесь за мгновенье дарит вечность
Красу – с излишком, через край;
Здесь осень так же быстротечна,
Как этот путь через Курдай,
Где не в десятый раз, а в сотый
Лечу в пути, что так знаком,
Где жду за каждым поворотом
Себя – но в возрасте ином:
Что осенен любовью, страстью,
И рыжей чёлкою взлет...
Была дорога – взлётом к счастью,
И не один, пожалуй, год.

Кусты взлохмачены и рыжи.
Кокомереном день пропах.
Лучей браслеты ветер нижет
На каждой ветки смутный взмах;
Вот-вот, сейчас, за поворотом
Увижу прежнюю себя! –
Вон там бежит навстречу кто-то...

Не повторишься, не любя.
Зато теперь открылся внешний
Прекрасный мир, и можно мне
Посмаковать красу без спешки
Как льдинку талую в вине...

В УЩЕЛЬЕ АЛА-АРЧА

Душа живёт *минувшим*. Кто сочтёт
Как много *происшедшего* в грядущем?
Кто виноват, что жизнь всегда течёт
И сор несёт с собою вездесущий?..
В ущелье золотом Ала-Арча
Я очень часто думаю об этом.
Внизу река бежит – всегда ничья
(Как, в общем, надо в жизни быть поэту):
Бурлит, клокочет, вдаль всегда спеша –
Который век? – не смертным счесть, пожалуй ...
Уже седа, но быть умеет шалой –
Безжалостно-невинная душа...
Здесь, над обрывом, двадцать лет назад
Я вопрошала: сколько мне осталось?
Река смеялась – мол, такую малость,
Считая, оброню я невпопад...
Родители и многие друзья
За эти годы в мир ушли незримый.
А ты, река, бежишь всё так же мимо,
Извилиста, как гибкая лоза,
Юна, как брага с пеною хмельной,
Чиста, как слёзы первые младенца...
В весну ли, в осень ей к лицу одеться –
Лишь быть прибрежной роскоши виной...
Беги, река! Я рада, что с тобой
Пережила так много зим и вёсен,
Вобрав в глаза и жар, и блеск, и просинь,
А в душу – лёд, не тающий и в зной:
Ты научила быть меня собой,
Всегда вперёд стремиться сквозь утраты,

Поить собой родимые пенаты
И рисковать безудержно судьбой...

СОВЕТ

Я соберу на свой совет
Своих друзей давнишних лет:
Деревья сумрачного парка,
Росинку в чашечке цветка,
Шмеля в его кафтане ярком,
Пыльцой припудренном слегка;
Ещё и птиц покличу стаю –
На наше вече приглашу,
За тучей вглубь небес слетаю
И к нижней ветке привяжу.

И всем скажу, что я виновна:
Носила целый мир в душе,
И вот прошу другого – словно
Всё порастратила уже...
Душа дырявая? Как соты?
Другими выпита за жизнь?
И как теперь просить кого-то
Вернуть былые миражи?..

Ввысь упорхнула птичья стая,
Роняя перья на лету,
И абрис облака растаял,
И шмель смолчал, ушёл в еду...
И только тихие деревья
Прошелестели мне листвою:

«Твой мир – он полон ...недоверья,
Тягучей тяжестью земной;
Ведь только сбросив опыт жизни,
Наполнишь чудом каждый миг...
Наш род вот так – от тризны к тризне –
Жить молодым всегда привык...»

ТАНЦУЮЩИЙ ИРИС

Пьяный ветер с танцующим ирисом –
Чем не парочка в смуте весны?..

Так, на смене эпох, и повыросли
Мы – кто верит по-прежнему в сны,
Мы – живущие в разных реальностях,
Наступая друг другу на хвост;
Мы – пришельцы неведомой дальности,
На вопросы земные – вопрос;
Мы – клинком восходящие к бытности,
Но – с нежнейшею чашей души,
Мы – волшебные вечные ирисы,
Нас, живущий, в себе поищи –
Там, в сердечных наитиях, домыслах,
Там, где вера живёт в чудеса,
Где, как в колбе ожившего глобуса,
Колобродят моря и леса,
Там, где бродят в таинственных сумерках
Юный Гессе и пьяный Ван Гог,
(Не узнав, что они уже умерли,
В каждом сердце рождаются в срок);
Там – в стечении вер и предательства,
И любви... Да, любви, – наконец!..
Настоящее, Наше Сиятельство –
Вот он, нашего духа венец!
Из-за этого мига – пропащего:
Хоть чуть-чуть отвернёшься, и нет, –
Мы столпились у врат Настоящего,
Где цветение взлёта – билет...
Сколько проб и ошибок мы вынесли
В вожделении мига-блесны!?..

Пьяный ветер с танцующим ирисом –
Чем не парочка в смуте весны?..

МАКИ

Упасть в цветущий луг предгорья,
Уйти мечтой бездумной ввысь...
Холмы бегут, как волны моря,
Как год за годом – наша жизнь,
Где всё уже размыто, зыбко,
Где слиты радость и печаль,
И неба вечная улыбка
Легка, как сношенная шаль.
И мнится – всё сбылось, что нужно,
Такой простор в душе, покой...
Вот разве мак за нежным ушком
Пощекотать босой ногой?

ПРИЗВАНИЕ

Забросив кисть на долгих сорок лет,
Я вновь нашла в шкафу ее случайно.
И вспыхнул в сердце тот далекий свет,
Что в юности манил – разгадкой тайны,
Мгновеньем счастья, что, казалось, влёт
Смогу поймать, запечатлеть навеки...
А чем теперь душа моя живёт,
Вся закоснев в привычнейшем разбеге?

Надеждой? – тенью облака в траве...
Разлукой? – горстью пепла вместо сердца...
Нам никуда от памяти не деться.
Не запретишь безумной голове
Листать страницы жизни, как внове...

Спасибо, кисть, что вновь в моей руке
Ты ожила, затрепетала хищно,
Что ищешь холст, – прицельно и привычно
Мазок к мазку роняя налегке;
Что прорастает образ сквозь года
Тревог и тщаний, ставших беспросветом:

Найти себя художником, поэтом –
Любовью стать бессмертной навсегда...

ДИКАЯ ВИШНЯ

Куст дикой вишни одинок.
Но расцветает непременно!
Какой-то свой вишнёвый бог
Ему велел цвести, наверно,
Чтоб здесь, в бору, где все равны –
Лета, и осени, и зимы, –
Хоть отражённый блик весны
Среди стволов седых скользил бы...

Пусть осторожный зверь лесной
Да, может быть, ночная птица
Мелькнут так редко здесь порой,
Чтоб дальше, в чаще, спрятаться,
И пусть давно не скачут здесь
Ни белка легкая, ни сойка,
Нести весны шальную весть
Взялась лесная вишня стойко,
Хоть не оценит красоты
Никто – ни пристально, ни всуе...

...Прошу, не спрашивай и ты:
Зачем пишу, зачем рисую...

ГОРНОЛЫЖНОЕ

Живём над пропастью, в снегу, –
Уж так решил за нас Всевышний;
Ещё догнать тебя могу,
Себя не ощущая лишней;
Здесь, на вершине наших бед,
Перечеркнув их следом лыжным,
За все один держу ответ,

И только будущее вижу.
Поскольку прошлого и нет...

Живём над пропастью в снегу,
Но лучше, чем в чужом Париже –
Ведь не иголкой в стогу,
Не воробьём под чьей-то крышей...
Творим и любим – на бегу,
Нас мчат надежд шальные лыжи.
И жизнь острее, и вечность ближе,
И недосуг справлять тоску!

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

Мы с этим деревом рассорены.
К его корявому стволу
Я припадала – в гневе, в горе ли, –
И узнавала по теплу –
Рукой, щекой – его участие
В моих запутанных делах...
На берег озера так часто я
Могла прийти – в жару, впотьмах,
В туман ли, в дождь, что богом шествует
По водам с посохом своим...
Весною дерево невестою
Вдруг притворялось молодым;
А в зной, бывало, листья сбросив все,
Корягой, бабою Ягой
Вплывало в лето вестью осени
Нудисткой старою, нагой...
Мы не поэтому рассорились.
А просто: счастье – забытьё...
В июльский зной пропахшей солью, мне
Явилось праздником моё
Житьё-бытьё с любовью ветреной,
Что закружила, унесла...
Мне показалось – жизнь так медленно
Доселе, грустная, текла;

И, посчитав её напраслиной,
Сомнений я стряхнула прах...

...А вы, когда бывали счастливы,
Вы вспоминали о стволах –
Корявых, добрых, всепрощающих,
В наплывах радужной смолы?..

...Мы с этим деревом – товарищи.
И вот – друг другу не милы.
Кто в этой ссоре виноватее,
Мне слишком больно узнавать...
Как тяжело моим объятиям
Без нашей дружбы пустовать!

...Проходит всё. Очеловечены
И, значит, кратки чувства все.
И лишь деревья – стражи вечности
На пограничной полосе
Живого – с мёртвым (я о чувствах лишь),
Любимцы, первенцы Земли:
Их не обманешь, не запутаешь
Как мы себя не раз смогли...

ДЖЕТЫ-ОГУЗ

Миндально-горек воздух вешний.
Вздыхает озеро вдали.
Уже отцвел в горах подснежник,
Тюльпаны, маки отцвели.
Лишь чий встает кострами, гибкий, –
Чьи стрелы к августу прямы.
И пирамидами Египта пылают рыжие холмы...
Природа соткана из счастья
И современна в век любой.
А мы, её являясь частью,
Всегда ли помним про любовь?
Здесь, в Джеты-Огузе родимом

(Что в переводе – Семь Быков),
Я столько раз промчалась мимо
Судьбой назначенных даров!..
Я, в Год Быка родившись сдуру,
Упрямей всех, вреднее всех,
Не сберегла ни стать, ни шкуру, –
Увы! – польстившись на успех:
Друзей теряла и любимых,
Меня встречу на строку,
Реальность чтила чаще мнимой
(А блажь и ныне берегу),
Детей растила как стихи я
(Что народилось, то и есть!),
Им помогая – как стихия –
Самим свершиться и расцвести...
А жизнь меня как чий ломала,
Плела циновки – в грош ценой...
Но в рост я вновь и вновь вставала –
Как чий в горах встаёт стеной;
Никто меня не стронет с места:
Живу восьмой среди холмов
Неубывающею вестью,
Что мир нас всех любить готов
(Непостижимый, вредный, вечный!..),
Не замечая нас – на взгляд, –
Он нами лишь очеловечен
И дышит только с нами в лад...
Не зря, наверно, край мой чудный
Меня с младенчества взрастил:
Кто вырос здесь – тот верит в чудо,
Пусть из последних даже сил!

НАД РЕКОЙ ЧУ

Из тесных скал Боома, притчей длинной
Змеясь почти над самой бездной зла, –
Какое счастье! – в Чуйскую долину
Дорога наша в августе стекла:

Здесь ширь небес распахнута невинно,
Здесь речка Чу полна голубизны,
И аромат садов, плывущих мимо,
Ласкают ноздри духом новизны,
Хоть сотни раз, в восторге замирая
Здесь, на обрыве, над родной рекой,
Мы говорили: край наш – лучше рая,
Как будто в чём-то спорили с собой...

СЕРАЯ ШЕЙКА

Разлетелись друзья и родня,
Эту глушь, эту пущу кляня,
Позабыв пережитое всё –
Кто в Москву, кто в Нью-Йорк, кто в Тромсё...
Только Серая Шейка одна,
Перепутав в душе времена,
Отчего-то той пуще верна,
Где и осень цветёт как весна:
Ей не верится, глупой, увы,
Что одной не сносить головы
Здесь, в отчизне, где рыщет лиса,
Где порой облетают леса...
Не печальтесь, друзья, сыновья!
В старой сказке так много вранья.
Пусть у вас получается всё
В Подмоскovie, в Нью-Йорке, в Тромсё...

РАДУГА

Дождем умытая долина.
Здесь можно воздух есть как мёд.
И словно песня – путь недлинный,
Что к дому странников ведёт.
Да, к дому, – все пути простые
Порой неявно, но всегда –
В горах, в долинах ли, в пустыне
(Хоть там не сыщешь ни следа), –

Ведут домой, поверьте слепо!
А если рухнул дом земной,
Укажет радугою небо
Дорогу в вечный Дом родной...

В ТУМАНЕ

Словно в коконе мягком – в тумане,
Засыпая, шевелится день...
Всё живущее в сети заманит
Ночи крадущаяся тень:
Тишиной поглощаются звуки,
Звёзды, всполохи, птицы, листва,
Размыкаются губы и руки,
Забываются клятвы, слова...
Незаметно пройдёшь мимо дома,
Не заметишь, что стал одинок,
Что бредёшь ты в стране незнакомой,
Куда сердцем вписаться не смог;
Что живёшь как во сне ты в тумане
На границе прозренья и лжи,
Что грядущее больше не манит,
За спиной же – одни миражи...
Но куда-то же надо стремиться?
Вот и бродишь – покладист и тих,
По прыжкам обезглавленной птицы
Сам себя узнавая в других,
Задевая то ветки, то плечи,
То и локти идущих вперёд...
... Словно в коконе род человечесий
В непонятнейшем мире живёт.

ОТЧИЙ ДОМ

Дом родимый нетрудно
Вспомнить с болью привычной
(У кого-то в Трёхпрудном,
У кого-то в Кирпичном):

Он, заброшенный, болен
Глухотой, слепотою,
Он вернуться не волен
В нашу память мечтою;
Много раз перестроен
Равнодушным расчётом,
Он тот самый – не воин
В наших планах о чём-то...
Жизнь проходит. И вещи.
И привычки. И чувства.
Долго таинством вещим
Помнить детство – искусство;
Помнить родину – даже
Пусть чужбиной согреты...
Впрочем, это неважно.
Я совсем не об этом.
Нам и нынче нетрудно
Дом припомнить родимый
(Здесь, в Кирпичном, в Трёхпрудном), –
Эка невидаль, диво:
Развалюха, сарайчик,
Не дворец и не вилла...
... Детства солнечный зайчик
В душу входит навывлет.

Лето 2013 г.

Александр БЕРЕЖНОЙ

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...

* * *

Откинув мифов всех вуаль
Святою верой обнаженной,
Ты бьёшь реальности хрусталь
На мириады звёзд вселенной.

Один среди осколков лжи,
Свою иллюзию взлелея,
Чужой аскезы миражи
Ты рушишь с жадностью плембя.

Затёртой истины зерно
Не принесёт успокоенья.
Пока жужжит веретено,
Творец любится твореньем.

ЗА ЗДРАВЬЕ!

Шагами я отмерил четверть века
И за спиною стёжки замело.
Отец и мать родили человека,
Но быть им — непростое ремесло.

И дай мне Бог — ни много и ни мало —
Свой путь пройти, оставив светлый след,
И повторить всё с самого начала, —
Быть человеком — слаще боли нет.

Милее нет, чем жить одной судьбою
С родными и любимыми людьми.
Собою стать и умереть собою,
Собою возродиться, чёрт возьми!

НА ГРАНИ

В строении столпов я не участвовал
И понадкусанных женой плодов не ел;
Когда Всевышний надо мной единовластвовал,
За нашу сборную, увы, он не болел.

Я засыпал. И были мне кошмарные,
Сумбурные виденья — сумеречный бред.
Я просыпался. Безымянные товарные
Чужие мысли проносились снам вослед.

И было что-то сделано, написано
И кто-то нежный так хотел быть соблазнён.
Была она хорошая актриса, но
Порыв ответный тут же был казнён.

И было что-то в этих сновидениях —
Такое тоненькое лёгкое тепло.
Я ж пропадал, терялся в заведениях,
Как звук, не проходящий сквозь стекло.

Столпы сотворены и вновь разрушены,
И фрукты съедены, и выпито вино,
И снова пьяными завладевает душами
Пилы сомнений злое полотно.

Я не участвовал. Не привлекался. Не замечен.
И, да простит ветхозаветный Бог, —
Он хоть и спит, но всё же безупречен, —
Я преступлю невидимый порог

И выйду в дождь. Похмельные угарные
Все уличные псы залают вслед,
И «скорые», милиция, пожарные —
Для них я трезв и потерял приоритет.

Я выйду в ночь, и в дождь, в грозу, в затмение
И надкушу, и столп построю, а потом,
Когда я буду жечь свои творения,
Заплачут и Гоморра и Содом.

Но утро вновь забрезжило мне алое,
В окно рассвет и вновь шумит шоссе.
И сновидение забуду я усталое
И заверчусь, как белка в колесе.

НАКАНУНЕ РАССТАВАНИЯ

В последний раз спою тебе я песенку,
В последний раз станцуем при свечах,
И, распрощавшись, выйду в ночь по лесенке,
Слезой миражной, отразившийся в очах.

О, эти очи! Век останусь пленником;
Воспоминая бережно хранить,
Как питерским дождливым понедельником
Для них хотелось все поездки отменить,

Остаться рядом, выключить мобильные,
И позабыть собаки в адресах,
И наблюдать, как чёртики умильные
В твоих зелёных прыгают глазах.

Не плачь, не лей ты слёзоньки горячие, —
Не время им. Ты лучше мне подпой, —
Я не хочу уйти в таком беззвучии,
На вечный словно отправляясь покой, —

И подтанцуй — нам незачем печалиться,
Don't worry, honey. And show must go on.
И пусть добро стократно возвращается,
А я со злом сегодня ночью выйду вон.

Давай станцуем в сумрачном мерцании
И пропоём коротенький мотив,
Забудемся в священнейшем камлании,
Роман курортный будто закрутив.

И встреча наша будто не случайная, —
И время мы смогли остановить, —
Неспешная, как церемонья чайная —
Все звуки-запахи должны мы уловить.

Устав, приляжем, ты задремлешь кошечкой,
Едва прикрыв зелёные глаза,
Трамвай пройдёт, задрезбезджит окошечко,
Плечо мне обожжёт твоя слеза.

И я уйду, спустившись вниз по лесенке,
На поезд... Растворившись в москвичах,
Я буду ждать, когда споём мы песенку,
Когда ещё станцуем при свечах.

ОХОТА НА ВЕДЬМ

Нельзя рисовать на стене пентаграммы,
На теле — носить перевернутый крест,
И джигу не спляшешь на паперти храма,
Ведь в тюрьмах полно комфортабельных мест.
Нельзя называть эр-пэ-цэ упырями,

Над набожной сволочью тешиться всласть.
Лишь слово скажите — придут и за вами, —
Охота на ведьм началась.

Все маги, астрологи и экстрасенсы,
Ведуньи, вещуньи и травники все,
Царю не угодны, согните коленца
И дружно ползите в Сибирь по шоссе.
Язычник, шаман, атеист, сатанюга,
Вы больше не люди — прошла ваша масть.
Крестовым походом ударим друг в друга!
Охота на ведьм началась.

Вы верите в Будду, в Иисуса, в Аллаха,
В Единую Рашу — велкам к шалашу.
А если не веришь — пожалуй на плаху,
Раздавят тебя, словно мерзкую вшу.
Послать иудея, не к ночи помянут,
Нельзя, ведь Израиля кровь в нас течёт.
Мы все — жидоморды, кривить я не стану,
Раз слово «свобода» нас так уж гнетёт.
Рабы патриархов, раввинов халдеи,
Манкурты имамов и прочая грязь,
Вставайте за веру, за власть, за идею —
Охота на ведьм началась.

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ИВАНОВ

ДЯДЕНЬКА, СЫГРАЙ НА САКСОФОНЕ

– Дим, ты спишь, что ли? Столько раз звонил, звонил...

– В футбол играю. Извини, гол забивал, шестой подряд. Самая пора – два часа ночи.

– Все шутишь, а у нас типография сгорела. – Спросонья не разобрать, что таит в себе голос Виктора – истинную или наигранную тревогу. Вырванный из сна Дима начинает потихоньку заводиться.

– Слушай, оставь свои приколы на день. Трудящемуся человеку нужен отдых. Ясно я выражаюсь?

– Какие к черту приколы! Мне отец сообщил. Он пытался сам потушить, потом пожарных вызвал. Когда они приехали, спасти было нечего. Помещение-то деревянное.

– А машины, оборудование? С ними что? – Отец Виктора в ту ночь оставался в типографии. Дима знал об этом, и потому, наконец, поверил: да, случилась беда!

– Обгорелые силуэты, металлические гробы – вот все, по словам отца, чем мы теперь располагаем.

Дима помолчал, сглатывая внезапно подступивший к горлу ком. Помещение для типографии они арендовали, а вот оборудование было их собственное, купленное на скопленные за многие годы деньги.

– Ничего, Витя. Жаль, конечно, классные были станки. Наша надежда и опора. Но у нас, слава Богу, есть еще головы. Давай так. Обговорим все в офисе. В семь утра. А пока попытаемся поспать.

– Если получится, – с сомнением обронил Виктор.

Такую картину ночного диалога я представил себе из разрозненных разговоров, когда в тот же день узнал о происшедшем. Дизайнерская фирма «Ягур» находится рядом с редакцией «ЛК», наши кабинеты смотрят друг на друга через полутораметровый коридор.

Могучего телосложения и добродушного нрава, крутолобый и улыбчивый Дмитрий Семенов и высокий, сухощавый, пружинистый, с пристальным взглядом Виктор Филиппов – руководители этой фирмы, ее создатели и учредители. Семенов, являясь генеральным директором «Ягура», патронирует одну сферу деятельности фирмы, Виктор – другую. Хотя четкой «демаркационной», раз и навсегда прочерченной линии между обязанностями у них не существует. Возникает необходимость – и они свободно подменяют, дополняют друг друга.

С утра Семенов и Филиппов закрылись в своей средних размеров «командирской» комнате, обсуждают не столько само положение, в котором оказались по воле рока, сколько варианты выхода из него.

Слух, как язычок пламени по биффордову шнуру, крадется от одного сотрудника фирмы к другому, порождая панические настроения. Когда привыкаешь к приличной зарплате, увлекательной работе и хоть какой-то защищенности от всякого рода свойственных Кыргызстану потрясений, грозящее вдруг банкротство фирмы, которое замаячило на горизонте, воспринимается словно удар под дых. Ведь ясно, как божий день, что полученные и уже щедро авансированные заказы клиентов теперь, без своей типографии, принесут «Ягуру» сплошные убытки. И весьма солидные.

Случившийся ночью пожар, если с умом поработают юристы, позволяет фирме объявить себя банкротом. Тогда, как говорится, с нее все взятки гладки. При таком раскладе сотрудников неминуемо ждет увольнение. Куда им податься? В «Ягуре» сплошь молодежь. Но немало семейных. Клубятся по коридору, выходят покурить на крыльцо, переговариваются меж собой вполголоса. Что решат Дмитрий с Виктором? Как все обернется? Обзванивать знакомых в поисках работы или повременить? Насыщенная доброжелательностью атмосфера в коллективе сбли-

жает людей. Жалко расставаться друг с другом. В воздухе пахнет сумятицей, горечью. словно на предстоящих похоронах близкого человека.

Первым из кабинета появляется Дмитрий Семенов. Глава фирмы. Он и постарше Филиппова, и опыта у него поболее. На широком гладком лице утвердилась всегдашняя спокойная улыбка. Виктор не столь благодушен и невозмутим, но старается держаться в унисон с Димой. У них разная комплекция, различны характеры, но одна, общая, игра. Слова тут излишни. И ягуровцы, точно вынырнувшая из грозы птичья стая, рассаживаются у своих компьютеров. Дима размашисто направляется к бежевой «ТОУОТЕ», Виктор – к белому «BMW». Резко развернувшись, они уносятся в противоположные стороны.

– Нам предстояло быстро разместить заказы в других типографиях, чтобы не подвести своих клиентов, – рассказывает мне Дмитрий. – В договорах четко прописаны сроки. Никого не касается, какие на нас навалились проблемы. Потому что у всех свой жесткий счет и расчет. Свои обязательства перед кем-то. Да, нам могут по-дружески посочувствовать, но и только. Как говорится, хоть сальто крути, а сроки, качество должен соблюдать. А уж если кто-то, сильно нас жалеючи, и согласится подождать, то в следующий раз, глядишь, поостережется размещать у нас заказы. Поэтому мы сразу решили: пойдем на любые убытки, лишь бы сохранить клиентов. Восемьдесят процентов из них предпочитают постоянно работать с нами. Не хило, правда?

– А в типографиях, куда вы обратились в экстренном порядке? – спрашиваю я. – Там же ваши конкуренты. Еще по советским учебникам известно, что конкуренты при капитализме, словно акулы, со всеми потрохами пожирают ослабевших соперников. Вот уж они, наверное, втайне порадовались, узнав о пожаре, поизгилялись, заламывая цены?

– Как сказать... – Дима пожевал губами, возвел глаза к потолку. Такая у него манера, когда надо продемонстрировать неоднозначность тех или иных обстоятельств. – Все-таки мы пришли к рынку через социализм, и это во многом до сих пор смягчает отношения между людьми. Накладывает отпечаток и на конкурентную борьбу. Да, и у нас существует жесткий прессинг, но, я считаю, в пределах разумного.

– Если, правда, в игру не вступают чиновники, власть поддерживающие, – с коротким смешком добавляет сидящий напротив него Виктор. – Тогда кости хрустят только так. На всю республику слышно. То, смотришь, хозяева крупной полиграфбазы в одночасье сменились, то госзаказ на многие миллионы внезапно уплыл совсем в другую сторону. Бывало, мы выигрываем тендер, выигрываем с приличным отрывом, однако договор заключают вовсе не с нами. Спорить, доказывать? Себе дороже. Ну, а в общем... Сфера нашей деятельности весьма трудоемкая, у кого большие аппетиты, тот здесь не разгуляется. Свой же брат, полиграфист, редко клыки показывает.

– Можно подумать, вас после пожара конкуренты в типографиях встретили с распростертыми объятиями, заказы удалось разместить сразу и на льготных, как для погорельцев, условиях, – пытаюсь я иронизировать.

– Ну, не совсем, – говорит Дима. – К тому же в данном контексте слово «конкурент» мне кажется неуместным. Здесь как в боксе: схватываешься с противником на ринге, а вне ринга остаешься в приятельских отношениях. Помнится, в юности, когда всерьез занимался боксом, соперника в нокаут пошлешь, а встретишься потом на улице – обнимешь, по плечу похлопаешь. К чему эта аналогия? Мы с Витей не к конкурентам, к партнерам приехали, вот они и отнеслись к нам соответствующе, по-человечески. Скидки не делали, но и шкуру не драли. А кое-кто даже предложил подождать с оплатой.

– Такой поворот дела нас очень устраивал, – Виктор налил нам с Димой по чашечке кофе, а сам продолжал развивать мысль товарища. – В ауте мы оказались нежданно-негаданно. Нам надо было не просто безупречно выполнить уже имеющиеся заказы, но и продолжать получать новые. А дальше что? С этими заказами снова бежать в чужие типографии, оставлять там деньги, которые должны были принадлежать нам? То есть опять работать себе в убыток на чужого дядю? Работать, наращивая при этом долги? Прямо заколдованный круг. Но как из этого адского круга вырваться? Для нас было ясно: нужно срочно закупать полиграфическое оборудование, устанавливать его, чтобы любые производственные процессы вновь заворачивать на своей базе. Все элементарно упиралось в средства. Нашли ключ к банку. Дали нам приличный, очень приличный кредит под щадя-

щие проценты. Ну, и друзья, конечно, помогли. В течение месяца удалось завезти из Китая станки, машины, причем куда более совершенные, чем были у нас прежде. Пока я этим занимался, Дима взял у одного из заводов в аренду подвальное помещение из монолитного бетона. Стены, потолок такие, что вполне подошли бы под бомбоубежище. Проверили – система пожарной безопасности в полном порядке. Чего еще надо? Смонтировали оборудование и – вперед.

– Послушаешь вас, прямо как в сказке...

– Почему бы и нет? – вопрошает Семенов, поводя мощным плечом. – «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», – тихим баском выводит он слова некогда популярной песни. Только без патетики. С веселым драйвом.

Меня во всей этой истории, в которой наверняка было куда больше сложностей, перипетий, чем поведали мне Дима с Виктором, поражало, удивляло то, что я никогда не видел их удрученными, хмурыми, придавленными свалившейся на них бедой. Улыбаются, шутят, будто это была для них не большая потеря, а так, пустячок. Позой, маскарадом тут и не пахнет. Время легко срывает одежды со всего наигранного, наносного, и мне, хоть стороннему, но близкому наблюдателю, несложно было бы все разглядеть. Тогда в чем причина их столь безоблачной настроенности – в свойственной им беспечности, бесшабашности, или в фатальной вере, что все образуется, обойдется, и они снова оседлают сноровистую госпожу удачу? Понятно, кислой физиономией заказчика не заманишь. И все-таки...

Оказывается, у Семенова на сей счет своя философия, которую с удовольствием принимает и Виктор. В чем она заключается? Что бы ни случилось, какой бы кирпич ни свалился тебе на голову, никогда не считай себя жертвой. Едва ты отождествил себя с жертвой – обстоятельств или чьего-либо злого умысла – как тут же невольно притягиваешь к себе вязкую полосу негатива, и теперь будешь барахтаться в нем, как в болоте. Виня всех и вся в своих хронических неудачах, в сплошной невезухе, жертва, увы, даже не прилагает собственных усилий, чтобы изменить свое положение. Как та лягушка из притчи: попав в банку со сметаной, она медленно погружается на дно, хотя могла бы взбить лапками сметану до состояния масла и выбраться наружу.

Что касается моих героев, то им, как видно, присущ – самими же и воспитанный – настрой активных жизнелюбов, эдакий победительный настрой, позволяющий не только преодолевать любые напасти, но и извлекать из них необходимые уроки. Сгорело деревянное помещение вместе с их полиграфическим оборудованием? Все, больше никакой дешевой аренды; те помещения (и типографские, и офисные), что берутся в аренду, проверяются ими по всем параметрам, чтобы избежать всяких неприятных эксцессов.

Кстати, был у них еще такой криминального характера случай, о котором я узнал лишь 2-3 года спустя, когда буквально стал пытаться, где, на каком бизнес-фронте они тоже понесли ощутимые потери. Во время очередного государственного переворота власть над ночным Бишкеком по обыкновению захватили мародеры. Зная склонность этой категории граждан к «лакомым кусочкам», что находятся в центре столицы и слабо охраняются, Семенов и Филлипов, вооружившись игрушечными пистолетами, забаррикадировались в офисе. Вокруг действительно бродили пьяные толпы, но обошлось без штурма здания. Зато утром они узнали: подвергся полному разграблению Торговый центр «Дордой Плаза», где им принадлежал отдел с дорогими, для респектабельных покупателей, товарами. У мародеров тоже оказалась губа не дура. Все унесли подчистую, все стало их добычей. А ведь торговый центр охранялся бригадой крепких ребят в камуфляжной форме с отнюдь не игрушечным оружием.

Какой вывод сделали Дмитрий и Виктор?

– Не допускать больше государственных переворотов, а если это не удастся, заблаговременно вывозить все ценное в неизвестном направлении.

Вот так. Ничего себе, замах! Только пляшущие бесенята в глазах выдают их отношение к сказанному.

Любимая фраза ребят, когда речь заходит о разных каверзах бытия, фраза, произносимая с перчиком, огоньком: «Нас бьют, а мы крепчаем!» И никакой в ней бравады, бодрячества. Стремление, желание добиться успеха у моих героев всегда сильнее опасений неудачи. Они идут на риск, будучи уверены, что это единственный шанс выиграть. За десять лет своей ра-

боты фирма «Ягур» прочно установилась в первом ряду дизайнерских фирм республики. На стенах кабинета масса дипломов, грамот, свидетельствующих об уровне их работы.

Начинали они с рекламной продукции, шелкографии, нанесения любых рисунков и знаков на любые товары – от спортивных маек до авторучек. Затем занялись еще выпуском фирменных календарей, книг и журналов.

Среди их постоянных клиентов – посольства иностранных государств, крупные предприятия и компании, издательства и спортивные общества. Всех привлекает обязательность, творческий дух ягуровцев и то качество, с которым они выполняют заказы.

– Любопытный момент, – замечает Виктор, – если еще недавно от нас требовали продукции попроще и подешевле, то нынче большинство готово заплатить за сложный, изящный дизайн. О чем это говорит? Совершенствуется вкус потребителей, выше становится сам уровень жизни. Чаша весов от низкой цены качнулась в сторону креативности.

При этом Виктор умалчивает о том, что они сами подвигают клиентов к более высокой планке творческого сотрудничества, предлагая такие заманчивые варианты исполнения заказов, что те с удовольствием соглашаются. Или он боится упрека в семейственности? Напрасно. Тем более, когда это идет на общую пользу. В «Ягуре» создано креативное Бюро, возглавляемое его женой Вероникой Филлиповой, которое успешно занимается поиском оригинальных дизайнерских идей и решений. Предлагаемые заказчикам «изюминки» нередко вызывают у них восторг. Тем самым фирма набирает очки.

Мне интересно, как здесь используются внешние факторы, способные подпитать «Ягур», подготовить его к очередному рывку. Спрашиваю моих собеседников:

– Государство постоянно озабочено поиском иностранных инвесторов. Я понимаю, ваша фирма для них не столь крупна и привлекательна. Ну, а свои, родные, инвесторы? Или они тоже обходят вас стороной?

– А мы их и не зовем. Более того, стучатся к нам, но получают деликатный отказ.

– Почему? Гордость мешает? Разве для ускоренного раз-

вития фирма не нуждается в дополнительном притоке капитала?

– Во-первых, мы предпочитаем развиваться динамично, без скачков, по мере наращивания собственных мускулов, – говорит Дмитрий. – Притока финансов, зарабатываемого нами, для этого вполне хватает. Если исключить, конечно, чрезвычайные обстоятельства. У нас постоянно обновляется и расширяется технический парк, увеличивается штат работников, растут объемы заказов. Стараемся, чтобы все это происходило в гармонии, без перехлестов, чтобы подъем ощущался во всем. У нас это получается. Во-вторых, каждый инвестор приходит со своими амбициями, с желанием заработать как можно скорее и как можно больше дивидендов. И это естественно. Но зачем таким образом нарушать то течение дел в фирме, которое нас вполне устраивает?

– Во всем? Такого не бывает.

– Согласен. Бизнес – это движение не по равнинной глади, а по пересеченной местности. Всегда есть возможность споткнуться. Даже если все, вроде, просчитано. Вот сейчас у нас опять будет нехватка менеджеров. Полтора года назад взяли дополнительно двух девушек. Сразу договорились: они работают без всяких декретных отпусков минимум три-четыре года. Ведь половина из этого срока уходит на их обучение. И вдруг теперь, когда они только-только заработали, наконец, в полную силу, сначала одна, потом вторая объявляют, что беременны... Увы, общую демографическую проблему решаем, а сами в прогаре... – Дима сокрушенно разводит руками.

– Для «Ягура» сие весьма характерно, – соболезнующим тоном говорю я. – Давно замечал, как только приходит к вам симпатичная девушка, хоть в менеджеры, хоть в бухгалтерию, так непременно вскоре окажется в интересном положении. Странно все это, даже как-то подозрительно. А не пробовали вы приглашать на вакансии дурнушек?

– Это нонсенс. Внешний вид сотрудниц в дизайнерской фирме играет важную роль, – убежден Дмитрий. – Наряду с общительностью, компетентностью. Мы же имеем дело с людьми, теми же заказчиками, для которых эстетика отнюдь не абстрактный предмет. Привлечь их, заинтересовать, сделать нашими союзниками – вот задача менеджеров.

– Ну, а парни? Они что, не годятся для такой работы?

– Пробовали, приглашали парней, и не раз, но результат почти нулевой. Как правило, они инфантильны, работают без азарта, без искринки, чуть ли не из-под палки. А если у кого-то и начнет проклевываться интерес, глядишь, появляется апломб, завышенные требования по оплате...

Виктор молча сидит за столом, иногда подливает нам и себе крепкий кофе, в диалог этот не вмешивается, но по выражению удлинённого, четкой лепки лица, скошенных в Димину сторону задумчивых глаз видно, что он полностью разделяет мнение товарища. И все-таки складывается впечатление, будто он караулит мой следующий вопрос, и, догадываясь о его содержании, хочет высказаться на особо волнующую многих из нас тему.

– Каждому видно, как мелеет река русских людей в Кыргызстане, – говорю я. – Отъезд наших родных, друзей, знакомых, просто соплеменников стал в последние два десятилетия обвальным и обыденным явлением. А вы, судя по всему, никуда не собираетесь, укрепляете свои позиции в бизнесе, обустриваете здесь свой быт, да и детишек, птенцов своих, приучаете любить этот край, его историю и культуру. Или мои наблюдения на сей счет поверхностные, грешат заблуждениями?

– Отнюдь. В целом все так. Прежде мы с Димой частенько тревожили себя такими беседами, – отвечает Виктор. – А потом поняли: от суетности, неустойчивости взглядов все это. Человек должен жить там, где ему нравится, где он может сегодня реализовать свои жизненные планы, свои возможности. Филипповы и Семеновы – кыргызстанцы уже далеко не в первом поколении. Для нас нет ближе, понятней ни этой природы, ни этого народа. Зачем метаться, искать в других краях чего-то иного, если здесь все или почти все устраивает? Я в середине девяностых заканчивал Кыргызско-Российский Славянский университет, Советский Союз уже развалился, масса людей срывалась с насиженных мест в поисках лучшей доли. Мне тогда предлагалась работа в международной организации с перспективой получить местожительство в любой стране мира. Подумал я, поговорил со своей невестой, а ныне женой, матерью двоих моих сыновей Вероникой, и отказался. Жалел ли я об этом когда-нибудь? Если честно, то

было. Но лишь коротко, мимолетно. В целом же я чувствую себя здесь как дома...

—...хотя не забываю, что я в гостях, — чуть не срывается у меня следом концовка известной поговорки, но я вовремя прикусываю язык, чтобы не переводить беседу в несколько иную плоскость. Ведь во многом от самого человека зависит, кем он себя определит на месте своего обитания, с кем вровень себя поставит. — Вот смотрите. После того, как СССР исчез, канул в небытие, страна нашего давнего проживания стала совсем другой. У нее совершенно иная мировоззренческая установка, иное отношение коренной нации ко всему, с чем она сталкивается, что ее окружает. А тут еще капитализм... Русский язык, который многие десятилетия здесь доминировал, по сути утратил свою объединительную силу и постепенно теряется в песках забвения. На улицах столицы, о периферии вообще молчу, его уже редко услышишь. Вас это не пугает? Если из страны уходит русский язык, надо ли вослед ему, или, опережая этот процесс, уезжать его носителям? Хотя, понятно, дело не только в языке. Все гораздо серьезней.

— Весь мир стремительно меняется, — это уже Дмитрий. — Я объездил множество стран, а в Германии мне даже довелось два года служить. Везде люди стараются адаптироваться к тому, что происходит. Если не получается — привет горячий, ищут что-то более подходящее. Кочевнический дух витает повсюду. На земле много соблазнительных мест. Где только я ни встречал наших соотечественников. Порой они проживают в странах, чувствуя себя вполне комфортно, а там русских по пальцам можно пересчитать. Лично для меня Кыргызстан самый привлекательный. Именно здесь мне, как полагаю, удалось состояться, именно здесь я продолжаю жить так, как хочу и могу. Во всяком случае, пока. Зарекаться не буду. Что же касается языковой проблемы... При необходимости любой язык, в данном случае кыргызский, гораздо легче выучить, чем сменить страну проживания. Мы в своей фирме уже делаем к этому первые шаги. Да что говорить... С недавних пор на просторах России живет гораздо больше киргизов, чем русских в Кыргызстане. И они приспосабливаются к совершенно новым для себя условиям, не ропщут. А мы в советскую пору, честно говоря, избаловались, кругом русский язык, киргизы нас за старших братьев считали... Отвы-

каем от одного, привыкаем к другому – соответственно сегодняшним реалиям. Диктат необходимости всех заставляет шевелиться. Важно поменьше драматизировать и накручивать.

– При Советах маятник находился для нас в плюсе, после девяностых ушел в минус, – продолжает рассуждать Виктор, отличный математик, знаток точных наук. – Вполне вероятно, что с набором силы, мощи Россией этот маятник через какое-то время качнется назад и надолго застрянет, скажем, посередине.

Что ж, блажен, кто верует... Умеющим держать удар, а Дима с Виктором в их ряду, легче переносить любые превратности судьбы.

Вскоре после этого разговора неотложные дела по выпуску очередного номера «ЛК» побудили меня прийти на работу часа на два раньше обычного.

Переступив порог длинного коридора, по обе стороны которого располагались кабинеты «Ягура» и редакции, я приостановился, замер, услышав совершенно странные для этого помещения звуки. То раскатисто басовитые, то обрывистые, с хрипотцой, подвыванием, они явно носили следы ученичества. Исполнялась какая-то джазовая композиция. Я подумал, что репетирует кто-то из детей ягуровцев, опоздавший на урок в музшколу. Хотя для юного создания звук был слишком силен, насыщен, многомерен.

Дверь в кабинет была приоткрыта, и я увидел, что музицирует не кто иной, как Дмитрий Семенов. Он слегка смутился, но быстро пришел в себя. Его колоритная мощная фигура и отдающий медным блеском саксофон, который он держал бережно, как ребенка, были словно созданы друг для друга. Правда, пока только внешне. Всего полгода как нашелся педагог, с откровенным сомнением взявшийся обучать его игре на этом инструменте. Возраст для новичка у Семенова, прямо скажем, с перебором. Близится к пятидесяти. Но постепенно педагог успокоился: по настойчивости, упорству, а, главное, по желанию овладеть этим инструментом никто из его учеников не мог сравниться с Дмитрием.

Оказывается, еще в детстве у Димы обнаружили прекраснейший слух и тяга к музыке. С особым упоением он внимал

мелодиям, которые исполнялись на саксофоне или скрипке. Както, узнав на улице музыканта из городского оркестра, он попросил: «Дяденька, сыграй на саксофоне!» В ответ тот только помахал рукой.

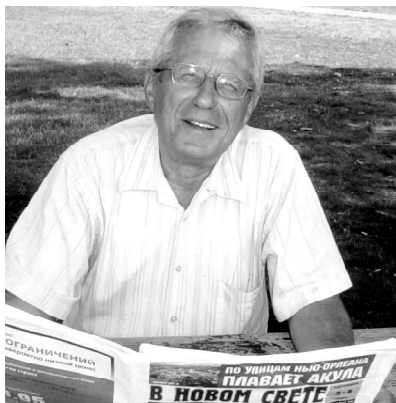
Обстоятельства не позволяли Диме заниматься музыкой. В семь лет он лишился отца. Они с матерью бедствовали. Единственно, чему удалось научиться у дворовых ребят, так это сносной игре на гитаре. Потом, когда он, окончив престижный ленинградский институт, стал на ноги, долго и тяжело болела мама. Потом создавал свою семью, стараясь, чтобы жена Ира и дочь Алиса ни в чем не нуждались. И лишь теперь перед его мечтой детства, как перед томившейся в заточении царевной, распахнулись двери, она получила, наконец, возможность сбыться. Хотя, понятно, в иных пределах... Дмитрий не рассчитывает играть по вечерам в столичном джазовом оркестре, а вот солировать на саксофоне для собравшихся в ресторане или на даче друзей – пожалуй.

У Виктора пора юности была куда привольней, щедрей, и его желания, как правило, сбывались вовремя. Но это не пригасило в нем бьющую через край напористость, состязательность, уверенность в своих силах. Особые симпатии, помимо дизайнерского бизнеса, у него к спорту. Он играет в волейбол, гоняет на сноуборде по головокружительным трассам Каракола, Кашка-Су и Орловки, запросто переплывает любые заливы Иссык-Куля...

– Ребята, – спрашиваю я, – десять лет вы вместе рулите в своей фирме «Ягур». Различий между вами куда больше, чем сходства. И все-таки: что вас объединяет, не дает разойтись, разбежаться в разные стороны? Ну, самое главное...

– Умение влезть в шкуру друг друга, найти взаимопонимание.

Вот так. Предельно просто. Хотя, если подумать, на этом принципе, в общем-то, все в мире только и держится.

Валерий САНДЛЕР

РОДНОЙ ЯЗЫК, СТРАНА ЧУЖАЯ

Алексей Климов, коренной житель ливанского города Триполи (не путать с его ливийским «тезкой»). Как вы уже, верно, догадываетесь, говорили мы с ним, используя чудо-Skype.

- Алексей Николаевич, какие ветры вас, человека русско-го, занесли в исконно арабский Ливан?

- Не ветры занесли, а мои родители, они первые сюда попали. Отец мой родом из Одессы, он был морской капитан. Окончил мореходную школу и ходил на грузовом судне, которое возило из Румынии и Турции дерево для ливанских мебельных фабрик: сосну, дуб...

- Возить в Ливан дерево – все равно что ехать в Тулу со своим самоваром. Чем был плох знаменитый ливанский кедр?

- Знаете, сколько этих кедров осталось? Всего несколько тысяч деревьев. Их давно запрещено трогать. Но ливанцы всегда любили хорошую мебель из хорошего дерева, в европейском стиле. Отец во время рейсов регулярно бывал в Бейруте, там они с мамой познакомились, поженились, там и я родился в сорок шестом году.

- Представляю, как тяжело переживали разлуку с Россией ваши родители, дедушки и бабушки...

- Бабушек и дедушек своих я не застал. Но сами подумайте: потерять свой дом и место, где родился, - от этого радости мало. Куда бы человек потом ни попал, - для новых мест он останется чужим человеком, иностранцем.

- Но вы-то не иностранец, коль здесь родились.

- Ошибаетесь. И я, и все остальные не-ливанцы, сколько бы здесь ни прожили, - мы иностранцы, *эжнаби*, несмотря на то, что свободно говорим по-арабски. Когда я знакомлюсь с кем-то и называю свое имя: Алексей Климов - уже ясно, что я иностранец. Меня иногда принимают за восточного человека, думают, что я или китаец, или японец...

- Все же это желтая раса. А глядя на вашу фотографию, где вы загорелый почти до черноты, можно принять вас за араба.

- Потому что меня сфотографировали после того, как я провёл целый день на море. Вот и загорел. А позвольте узнать: сами вы откуда - из России?

- Родился в Украине, много лет жил в Киргизии, теперь живу в Америке. Почему это вас интересует?

- Хочу знать, как вам сейчас живется. Иностранцем себя не чувствуете?

- Немного чувствую, да. Но живется мне свободно, хорошо.

- Вот видите. Так что это чувство у всех, кто по какой-либо причине уехал из своей страны и оказался в чужих местах. Оба мои дедушки были моряками. Как уже было сказано, я их не знал, но мне говорили отец и мать, что старики тосковали, надеялись когда-нибудь вернуться на родину. Дед со стороны матери раньше жил в Херсоне, у него было свое трехмачтовое парусное судно, на котором он совершал рейсы по Черному морю, перевозил различные грузы. Однажды он случайно застрял в турецком порту Трабзон, турки его арестовали, отняли судно, придрались к тому, что оно ходило под старым российским флагом, а не под новым советским, а Турция незадолго до того официально признала Советский Союз. Тогда дед забрал свою семью и убежал в Болгарию. Оттуда моя мать уехала в Ливан, учиться на сестру милосердия.

- Итак, морские традиции семьи от обоих дедов перешли к вашему отцу. Правда, на нем же и завершились...

- После Второй мировой войны отец потерял работу. На его удачу ливанец из семьи местных богачей Арида купил паровую яхту, которая раньше принадлежала Гитлеру, и поставил моего

отца капитаном. Яхта старая, подолгу стояла в порту, потому что очень трудно было на ней запускать двигатели. В конце концов хозяин ее продал, кажется, в Аргентину. Отец оставался без работы, пока его не наняла капитаном танкера компания British Petroleum, которая покупала нефть у Сирии. Наша семья переехала в Сирию, в город Дамаск, здесь прошло мое детство, здесь я посещал Французский лицей, College International de Beyrouth. Через семнадцать лет мы вернулись в Ливан, обосновались в Триполи, постепенно наша семья восстановила связь с другими русскими семьями, по воскресеньям мы встречались в церкви, потом обедали вместе. Сейчас почти все уже уехали, осталось пять-шесть семей...

- *Пять-шесть на весь Триполи?*

- На весь Ливан. Я не беру в расчет русских женщин, которые замужем за ливанцами, их-то как раз много. А таких русских, как я или бейрутский архитектор Григорий Серов, у которого недавно вы брали интервью, - нас всего несколько. Кстати, у меня дома на стене висят три картины, которые он нарисовал. Григорий, конечно, не такой известный художник, как его прадед Валентин Серов, сам себя он называет серьезным любителем, но мне его акварельные работы нравятся.

- *Легко ли вам чувствовать себя русским в арабской стране?*

- А куда мне деваться? Думаете, если я поеду в Россию, то не буду там чувствовать себя иностранцем?

- *А разве будете?*

- Ну конечно!

Никто меня там не знает, и я никого не знаю. Мне было бы очень трудно, даже невозможно. Язык родной, но другие обычаи, другая культура отношений с друзьями и соседями, с сослуживцами. А наш Ливан хоть и маленькая страна, но такая

разнообразная! Вся ее богатая история перед вами. Основные религии мира – христианство, иудаизм, ислам – связаны с Ливаном, Палестиной и Сирией. Здесь очень хорошо поставлено обучение в школе. Дети, кроме родного арабского, обязательно учат два иностранных языка: французский и английский. Когда станут взрослыми - смогут на них говорить.

- Нам в советской школе тоже преподавали языки – английский, немецкий, французский. Мы зубрили какие-то дурацкие правила, которые никогда не пригождались. Разговорной речью, за редкими исключениями, никто из нас не владел.

- Значит, на вас было зря потрачено время. Человек, выйдя на дорогу жизни, встречается с людьми, которые говорят на разных языках. Чувствуете, как это важно? Он может слушать радиопередачи и смотреть телепрограммы любой страны, общаться в Интернете со всем миром...

- Но вам это удастся не в любое время суток, верно? Вы мне сами сказали, что можете выйти в Интернет только после шести часов вечера, когда дадут электричество. Я, правда, не понял, что это значит...

- А вам известно, что в Ливане была гражданская война? С семьдесят пятого года вплоть до девяностого. В это время электростанции никакого ремонта, никакого технического обслуживания не имели! Война кончилась, станции стали чинить, но из отпущенных средств больше было украдено, чем потрачено с пользой. Из-за этого нам дают электричество не двадцать четыре часа в сутки, а лишь примерно по шестнадцать часов. Остальное мы получаем знаете как? Кто-нибудь в квартале имеет большой генератор и нам продает ток. В это время компьютер работает еле-еле, и я не люблю его включать. Эта проблема по всей стране. Не такая сильная она в Бейруте: все же столица, там только на три часа в день прекращают подачу электроэнергии. А есть районы, где люди по полдня сидят без Интернета и телевидения. Нам обещают, что в 2015 году все приведут в порядок. Если еще будет существовать Ливан...

- Неужели кто-нибудь в этом сомневается?

- Положение, в котором находится страна, невеселое. И все из-за войны в Сирии. Ливан почти четыре века оставался под турецким управлением, являлся частью Большой Сирии.

Потом была Первая мировая война, она закончилась, Османская империя распалась, территория Ливана перешла к Франции в составе сирийского мандата. Французы очень странно проводили границы: есть села, где пограничная полоса проходит по самой середине: справа Ливан, слева Сирия. Какая там сейчас ситуация, вам, надеюсь, известно. Неприятно было бы поехать туда сегодня. Но человек ко всему привыкает, как-то устраивается, приспосабливается. У него нет другого выхода.

- Нет выхода, но есть выезд. Стоило вам только захотеть...

- Сыновья моего крестного отца живут в Канаде. Когда началась война в Ливане, они мне предложили сделать sponsorship, чтобы я мог уехать в Канаду и там жить. Но я думал, что война через месяц кончится, и отказался куда-либо уезжать. И потерял из-за этой войны пятнадцать лет своей жизни. Очень много было разрушено в Бейруте, центр города особенно. Город был поделен пополам: с одной стороны мусульмане, с другой христиане, у тех и других – пушки, артиллерия. Они стояли в центре города и стреляли друг в друга. Много чего было уничтожено. В войне мусульман с христианами погибли 150 тысяч человек. Для страны с населением четыре миллиона это очень много. Но как только кончилась война в Ливане, началась война в Югославии. Американцы и европейцы сказали ливанцам: «Довольно, хватит воевать!» - и тут же начали бомбить Белград.

- И что же, все пятнадцать лет русские люди только наблюдали за чужой войной, но никто не делал попытки от нее убежать?

- Очень давно, еще в 1958 году, Толстовский фонд США предлагал помощь русским ливанцам, которые бы хотели эмигрировать в Америку. Очень многие тогда уехали. Мы тоже собрались, но в последний момент мой отец получил предложение на работу, которое его очень устраивало, и мы остались.

- Пытаюсь представить, как бы я себя повел на вашем месте, - и не могу...

- Со мной все обошлось. Бывало, я куда-нибудь еду, меня останавливают вооруженные люди, христиане или мусульмане, спросят, проверят документы – и отпустят.

- *Вся ваша жизнь проходит в арабоязычной стране. По-русски вы говорите свободно, хотя есть акцент...*

- Русский язык у меня благодаря матери. Ежедневно я был обязан читать русскую книгу. Прежде чем идти на море или рыбу ловить, - один час на русский язык. А еще - хочешь не хочешь - переписать одну страницу русского текста.

- *И вы, конечно же, хотели. Или не очень?*

- Ох! Покажите мне мальчишку, который добровольно станет читать и писать, если его позвали рыбу ловить? Но что мне было делать? Пришлось подчиняться. Сейчас я маме своей благодарен за это. Моя старшая сестра Наталья живет в Бейруте, муж у нее ливанец, бывший пилот ливанской авиакомпании, у них три сына, один пилот, второй - *account manager* в Дубае, третий - метрдотель одного из ресторанов в Бейруте, у всех троих - *сломанный русский язык*. Сестра очень хорошо говорит по-русски, и моя жена-болгарка, и наши дети – все хорошо знают русский, болгарский, английский и французский языки. С арабским – пять языков. Оба наши сына - во Франции. Младший, его зовут Георгий, - инженер-механик, живет в Лионе, старший, Николай, на Корсике, заканчивает учебу в колледже, он будущий электронщик. Нам уже шесть лет не удается собраться вместе, так что фотографию, на которой с нами оба сына, я вам послать не смогу, только те, на которых мы сняты порознь.

- *Почему сыновья не захотели остаться в Ливане?*

- Отвечу вам издалека. В нашем здании проживают тринадцать семей, в каждой было по двое детей. Они выросли, получили образование – и уехали из страны. Потому что работы для них здесь не нашлось. К счастью, перед ними открыт весь арабский мир: Дубай, Абу-Даби, Саудовская Аравия. У кого есть возможность - эмигрируют в Австралию. У нас большая безработица среди молодых, кому 25-30 лет: среди них - больше 30 процентов безработных. А кто работу все же нашел, у того жалование очень маленькое. Инженер с дипломом университета начнет примерно с 800 долларов в месяц. И это в Бейруте! А в нашем Триполи вообще нет никакой надежды найти работу. При этом за небольшой апартамент площадью 100 - 120 квадратных метров нужно выложить 400 - 600 долларов в месяц!..

- *Разве у вас все расчеты в долларах?*

- Нет, в ливанских лирах. Но если вы приедете в Ливан,

вам не нужно волноваться, что у вас в кошельке лиры или фунты – обращайтесь с долларами в любой магазин, на любую автозаправку, где хотите, - у вас их примут без проблем.

- И опять-таки: безработица в стране, высокие цены... Что вас там держит?

- Да поймите вы: мне все здесь нравится! Ливан – очень интересная страна. Русские люди, которые прибывают сюда на неделю, они в восторге от того, что видят. А ведь их в России перед поездкой предупреждали: «Будьте осторожны, там рядом идет война, чуть ли не на каждом углу стоит бандит с кинжалом в зубах». Ничего этого нет, люди у нас любезные, открытые. Ну, а то, что взорвалось, - значит, взорвалось, говорить и сожалеть об этом поздно, надо жить дальше.

- Что вам мешало уехать в ту же Францию? На первых порах с устройством дети бы помогли, наверное...

- Дети пускай сами устраивают свою жизнь. Я их родил и воспитал не для того, чтобы они мне сейчас помогали. Это во-первых. Во-вторых, я уже не юноша, мне возраст не позволяет менять место и образ жизни. Да и зачем? Еще раз повторяю: Ливан – страна, в которой очень хорошо можно жить. Все, что человеку нужно, он здесь находит: прекрасный климат, богатая природа, море. Мне всегда работалось легко, радостно. Если бы не эта чертова война...

- Это ваша жена мне отвечала по телефону? Такой приятный голос! Когда она говорит по-русски, заметно, что это не ее родной язык. Вы ее научили?

- Нет, не я. Она же из Болгарии, там в школе у них были уроки русского языка. С тех пор его помнит. Дома тоже говорим по-русски.

- Вы с ней даже внешне похожи.

- После многих лет совместной жизни это бывает. Что-то от меня передалось ей, что-то перешло от нее ко мне.

- Как ее зовут и кто она по профессии?

- Аделина. Врач-отоларинголог. Работает в поликлинике. Профессия врача в Ливане считается очень престижной. Три доктора на тысячу жителей. Высокий процент. Теперь вы поняли, какая у нас страна.

- Зачем так много врачей? При такой конкуренции у них, думаю, низкие заработки.

- А это у кого как. В арабском мире большую роль играют семейные связи. Раньше в семье бывало по пять-шесть детей. Сейчас меньше: двое, максимум трое. Четверо – это уже много. И вот, представьте, в ливанской семье сын выучился на врача. Он от кого будет иметь поддержку прежде всего? От родственников! Они все придут к нему на прием, он будет их всех лечить. Если он хороший врач, родственники расскажут о нем своим друзьям, те – другим друзьям, и так у него набирается большая клиентура. Доктор, если у него никаких родственников нет, такой репутации иметь не будет, и заработки у него будут небольшие.

- *Ливанский врач придет на дом к пациенту?*

- Конечно, придет. Почему вы спрашиваете?

- *Потому что в Америке такое не принято.*

- Как это можно?! А если у больного высокая температура или у него сердечный приступ – он что, должен бежать к доктору?

- *Побежит как миленький. С сердцем – вызывает службу етегерсусу, с ней вместе придут полиция и пожарники, хотя арестовывать некого и нигде ничего не горит.*

- У нас врача можно вызвать на дом. Он к вам придет, осмотрит, поставит диагноз, лекарство выпишет. Поговорит, пошутит, поинтересуется делами в семье...

- *Не спросил вас сразу – спрошу сейчас: чем вы занимались всю жизнь, какая у вас профессия?*

- Окончил школу Business Administration. Работал на фирме, которая занималась статистикой в области торговли, мы там изучали – какой процент жителей пьет кока-колу, сколько и чего курит, и все такое прочее. Это мне дало возможность поехать по миру. Потом я решил переехать в Триполи. Устроился в компанию, которая торгует деревом, вывезенным из Румынии. Проработал три года, пока не появилась компания Total – вам знакомо это название?

- *Да откуда!..*

- Французская нефтегазовая компания, как Esso или British Petroleum. Им нужен был человек, который бы представлял интересы фирмы здесь, на севере Ливана. И я у них проработал тридцать лет...

- *...пока не вышли на пенсию?*

- Здесь у нас нету пенсии. Есть то, что в Штатах называет-

ся Social Security. Так что я еще немножко подрабатываю: выезжаю с туристами по Ливану. Есть которые прибывают из России, есть англичане, французы. Мне с ними легко, потому что я свободно говорю на их языках.

- *А для себя какой язык считаете родным?*

- Конечно, домашний, русский. Почему вы не спросите, на каком языке я думаю?

- *Так и быть, спрашиваю: на каком?*

- Смотря о чем думаю. Если о том, где легче объяснить и понять, то по-русски, если есть проблема по работе – по-французски или по-английски; когда происходит что-то из ряда вон выходящее – могу об этом думать по-арабски. Не могу ответить коротко на ваш вопрос, ведь у меня смесь из четырех языков.

- *С туристами, значит, вы работаете, и вам нравится. А как насчет того, чтобы самому побыть туристом, посмотреть интересные города – к примеру, Одессу или Херсон, откуда родом ваши родители?*

- Не хочется. Херсон, насколько я слышан, не очень интересный город. Съездил бы в любой другой, но не в Херсон. Одесса? Может быть. Три или четыре раза был в России, кстати, тоже туристом: Москва, Золотое кольцо, Санкт-Петербург, Псков – вот все места, где я бывал. Мне понравилось. Но это было очень давно. А чтобы насовсем туда уехать, бросить свою страну? Нет, на такое я никогда не пойду.

- *То есть ваша страна – это...*

- ...это Ливан, моя родина.

КУЛЬТУРА

АТТИЛА – ГЕРОЙ КИРГИЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В культурной жизни страны произошло неординарное событие – вышел в свет двухтомный роман киргизского писателя-билингва Аммиана фон Бека «Аттила – хан гуннов».

В истории человечества имя Аттилы стоит в одном ряду с именами Александра Македонского и Юлия Цезаря; Аттилу называют Чингисханом Европы. Имена гуннов и их великого вождя связывают со многими историческими событиями: Великим переселением народов, крушением рабовладельческой Римской империи, могуществом Гуннской Орды, распад которой положил начало образованию новых народностей в разных частях огромного евразийского пространства.

В современной исторической науке Аттила возведён в ранг предка киргизов. В генетической памяти киргизского народа имя Аттилы сохранилось в произведениях фольклорного творчества («Сказание о мудром хане Аттиле и его храбром полководце Таймасе», музыкальные мелодии «Шундугут», «Аттилахан» и др.). Чингиз Айтматов, рассуждая о ренессансе национального исторического самосознания, ставил перед киргизскими учёными и писателями конкретную задачу: «... Надо, чтобы в реальной истории Аттила занял достойное место, чтобы в литературе была правдиво описана его жизнь, и народ заново узнал его имя и дела».

И первым, кто внял обращению Ч. Айтматова, оказался писатель Аммиан фон Бек. За этим литературным псевдони-

мом скрывается известный учёный-германист, доктор филологических наук, профессор Амангельды Абдыжапарович Бекбалаев. Происхождение псевдонима он объясняет так: Аммиан – имя готского (древнегерманского) историка; фон – частица, присоединяемая к немецкой фамилии, а Бек – сокращение от фамилии Бекбалаев. Следует отметить, что под своим именем А.А. Бекбалаев издал ещё одну книгу об Аттиле – «Аттила – предок кыргызов» на русском и киргизском языках.

РОМАН «АТТИЛА – ХАН ГУННОВ» (в дальнейшем – «Аттила») является заключительной частью трилогии А. фон Бека «Гунны» (первая часть – «Баламбер – хан гуннов», вторая – «Ульдин – хан гуннов»). В свою очередь, «Аттила» состоит из двух томов: «Двое» и «Один». Первый том – это повествование о ханах-соправителях Беледе и Аттиле (434 – 445 гг.), второй том – о единоличном правлении хана Аттилы (445 – 453 гг.). Кстати, Аттила – это имя-оберег, что по-гуннски означает сын (ила), принадлежащий отцу (атти), но не матери.

Повествование ведётся в хронологической последовательности – по годам: одна глава – один год. Всего в романе двадцать глав; в каждой главе – строго по семь озаглавленных параграфов; итого сто сорок эпизодов из жизни Аттилы.

Роман густо населён. Он открывается, подобно драматургическому произведению, списком действующих лиц, в котором ни много ни мало 90 персонажей с примечанием: «А также другие вельможи, военачальники, дипломаты, мастеровые, купцы, воины и простые гунны-харахуны, эпизодически появляющиеся в повествовании».

Сверхзадача А. фон Бека – создание художественного образа главного героя на основе принятого писателем творческого метода – *этнографического реализма*, спецификой которого является исторически-конкретное изображение действительности в многообразии материальной и духовной культуры этноса. Аттила – вождь гуннов древнего мира, поэтому его образ-характер типичен для данной эпохи и нации.

Воссоздавая образ Аттилы, А. фон Бек столкнулся с определёнными творческими трудностями. Во-первых, Аттила – не только историческая личность, но и легендарный герой, о кото-

ром сложено множество преданий, сказаний, мифов. Во-вторых, оценочные суждения историков о деятельности Аттилы неоднозначны, даже разнополярны. В-третьих, в жизни и деяниях Аттилы много загадочного и таинственного (борьба за трон верховного хана, отказ от продолжения и наверняка победоносного завершения Каталаунской битвы, смерть Аттилы и т. д.).

«Так всё-таки в чём же магическая сила притяжения имён гуннов и их вождя Аттилы? – вопрошает сам автор и отвечает: – Думается, не только в том, что они необходимым образом появились в нужное время и в нужном месте, при соответствующих исторических обстоятельствах. Нет, думается, дело в другом: любому человеку <...> свойственно на уровне подсознания и сознания домысливать факты действительности, а реальные исторические факты в особенности».

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОССОЗДАНИЕ исторической личности базируется на её *историософской концепции*, т. е. истолковании с определённых мировоззренческих позиций. А. фон Бек изначально не принимает преобладающее в западной историографии мнение о том, что Аттила и возглавляемые им гунны были разрушителями Европы. Это мнение изложено первыми летописцами – древними римлянами и греками, которые пренебрежительно отзывались о варварах-гуннах и об их варваре-предводителе Аттиле. Более того, они утверждали, что Аттила и гунны насланы на праведных христиан самим Богом и являются инструментом кары в Божьих руках (Бич Божий). В романе рупорами авторских идей по этому вопросу выступают главный шаман Айбарс и сам Аттила.

«... Наши гунны не свирепей и не ужасней других воюющих племён, – рассуждает Айбарс. – Если сказать больше, то мы даже милосерднее их. Пленных стараемся не убивать, ведь их можно продать как рабов или же получить за них откупные деньги. Стариков и старух мы также не берём никогда в плен, а оставляем их жить там, где они обитают. Что же касается умелых мастеровых, молодых женщин и девушек, подростков и детей, то мы их забираем; да, сначала как кулов и малаев. И обычно всех детей мы усыновляем и удочеряем, и они вырастают гуннами, а женщин и девушек берём в жёны, и они рожают нам

детей. <...> А когда румийцы завоёвывают город, то они камня на камне не оставляют, а всех людей до одного продают в рабство, если только не убивают. И столетиями они не считают покорённых людей себе равными и своими гражданами...».

Аттила был грамотным, образованным, культурным человеком своего времени, знал несколько языков, в том числе и латинский. А. фон Бек на протяжении всего повествования возвращается к одному, очень важному периоду в жизни Аттилы – пятилетнему пребыванию молодого тайчи (царевича) на румийских землях. Эти годы оставили в памяти Аттилы яркий след, потому что приобщили гуннского юношу к античной цивилизации.

Аттила попал в великий город Рум в 18-летнем возрасте в качестве аманата (заложника). Здесь он записался в Большой педагогicum на Целиевом холме, где слушал лекции ритора Андрокла по философии, логике, софистике, в которых излагались научные постулаты Аристофана, Демокрита, Софокла, а также познавал основы географии, благодаря чему освоил все 17 томов бессмертного труда Страбона «География». Затем Аттила служил в 136-м конно-штурмовом легионе в Северной Галии, где изучал строительное дело (постройка крепостных стен, дорог и мостов), а также устройство и работу катапульты – военной машины для метания камней. Его непосредственным начальником был патриций Флавий Аэций, который стал известным полководцем и с которым судьба сводила Аттилу то как союзника, то как противника. Впоследствии Аттила в полной мере использовал теоретические знания и практические навыки, полученные им у румийцев, для развития гуннской культуры.

ОЧЕНЬ ТРУДНАЯ И ОТВЕТСТВЕННАЯ творческая работа для писателя – *создание портрета героя*. В основу портретной характеристики Аттилы А. фон Бек, как и многие другие писатели, художники, скульпторы, положил записки римского дипломата Приска Панийского. В 448 г. он впервые побывал в Гуннской Орде, встречался с Аттилой и оставил потомкам его словесный портрет: «Кто видел его, тот сразу скажет, что это настоящий азиат. Большая голова, среднего роста, крепкого телосложения. Глаза раскосые, взгляд пронзительный, словно

пронизывающий то место, куда смотрит. Походка уверенная, быстрая. Голос звенит, словно серебро, и очень хорошо воспринимается».

А вот как дан портрет Аттилы при первой его встрече с читателем романа: «Задумчиво сидит на саврасом иноходце молодой сенгир Аттила. Широкогрудый, с непокрытой головой, темноватые волосы ниспадают ему на крутые плечи, чуть подкрученные чёрные, как смоль, усы при отсутствии бороды придают его лицу совсем юношеский вид, хотя ему уже пошла тридцать вторая зима. Загорелый цвет его лица, при ближайшем рассмотрении, переходит в воинственную решимость, подчёркиваемую чуть с горбинкой, загибающимся книзу носом, и выделяемую розоватыми шрамами от сабельных ударов на подбородке и лбу».

Это – *статический портрет*, а через несколько страниц А. фон Бек даёт *динамический портрет* Аттилы. «Туменбаши Аттила встряхнул своими каштановыми волосами, рассыпавшись при непокрытой голове по плечам, встал во весь рост на стременах, взмахнул камчой, издал боевой румийский клич «Бара!», к которому привык в годы службы в конном подразделении 136-го румийского галльского легиона, и ударил нагайкой-камчой по крупу своего норовистого коня».

В дальнейшем портретная характеристика Аттилы будет обогащаться, а некоторые её детали перейдут в разряд постоянных («широкие плечи», «чёрные усы», «пронзительные глаза», «красные шрамы», «орлиный нос»).

А. фон Бек как представитель этнографического реализма уделяет повышенное внимание одежде и вооружению Аттилы, подчёркивая их простоту и неброскость. Вернёмся к начальному портрету Аттилы и продолжим цитирование текста. «На нём надет простой синий шерстяной кафтан с высоким, наглухо застёгнутым воротом, на ногах чёрные кожаные штаны, заправленные в мягкие серые полусапожки без задников; на бёдрах кожаный лакированный, покрытый железными пластинками боевой пояс, на котором висит простой гуннский стальной кинжал в кожаных ножнах с рукояткой из рога горного карпатского архара».

А вот Аттила принимает византийское посольство в самой большой зале дворца с деревянным креслом-троном чудной ра-

боты самых лучших бургундских мастеров. «На этом троне сидел великий каган Аттила в самых простых одеяниях, в которые обычно облачаются рядовые тарханы. На нём были неброские серые полотняные штаны, зелёная холщовая рубаха, на ногах чёрные мягкие маасы без задников, на голове колпак, опушенный густым мехом горностая. Опясан он был обыкновенным красным кушаком, на котором висел в ножнах короткий охотничий нож с костяной ручкой. Больше на нём ни другого одеяния, ни какого-либо оружия не было».

СОВРЕМЕННОК АТТИЛЫ Приск Панийский очень точно обозначил «великие свойства» великих предводителей. Именно они: простота, правосудие, милосердие – являются *нравственными доминантами* Аттилы в романе А. фон Бека. В качестве характерного примера приведём эпизод из повествования о взятии гуннами румийского города Могунтиака (ныне г. Майнц в Германии).

Верхоконный Аттила в окружении своих военачальников становится свидетелем того, как одна из лодок с беженцами перевернулась и женщина-германка в окружении трёх детей стала звать на помощь. В мгновение ока Аттила срывается с места в карьер и бросается вместе с конём в воду спасать тонущих. А когда они были спасены и женщина стала горячо благодарить спасителя, тот сказал по-готски: «Я правитель гуннов Аттила. Ты, я вижу, бургундка. У меня есть жена-бургундка, звать Гудрун. Пока будешь здесь, в кочевом обозе, варить мне еду, дети пусть будут при тебе, а когда вернёмся назад (если ты не найдёшь своего мужа), то ты будешь жить и трудиться при моей бургундской гатин»¹.

Женщина, потрясённая всем происшедшим, только кивала головой. «Она была счастлива оттого, что эти свирепые, по рассказам людей, гунны и их якобы лютый конунг Аттила не сразу съели заживо её саму и её детей и не выпили их кровь, а, напротив, спасли их от верной гибели и даже заботятся о её детях. Счастье её в этот момент состояло именно в том, что дети остались при ней. Такой арман* конунг был этот Аттила!».

¹ *Gattyn* – по-готски: жена; ср. гуннск.: хатун, гатын, гатин. (*Примеч. автора*).

* *Arman* – по-готски: милосердный; ср. гуннск.: арман – жалеть, сожалеться. (*Примеч. автора*).

Сам Аттила немало размышляет о том, каким должен быть он, вождь гуннов и покорённых им племён. В одном из эпизодов он вспоминает о том, что говорили ему наставники-риторы Румийского педагогикума о знаменитых полководцах-завоевателях – Александре Великом (Македонском), Юлии Цезаре, Октавиане Августе. «Насколько уяснил тогда себе учащийся педагогикума гунн Аттила, все эти три благословенных воителя были любимы небесными богами, которые им покровительствовали во всех их воинских начинаниях. И эти великие воины-багатуры не были болезненно тщеславными и эгоистичными, хотя и отличались некоторым здоровым честолюбием и человеколюбием».

Однако честолюбие Аттилы было безграничным. Об этом говорит, например, элтуменбаши (начальник главного военного штаба) Орест, он же румийский святой отец Корнелий Непота. «Любовь к власти навела его (Аттилу. – Г.Х.) на мысль завоевать весь мир, – писал он в тайном донесении папе Румийскому Льву. – Рассказывают, что однажды пришёл к нему пастух и поднёс заржавленный меч, который он нашёл в степи. Цезарь взял меч в руки и сказал: “Долго этот меч был скрыт в земле, а теперь небо дарует его мне для покорения всех народов!”. Идею мирового господства не скрывал и сам Аттила: «Нам, гуннам, осталось совсем мало для покорения всех известных стран, народов и земель. Мы, гунны, будем владетелями и хозяевами всего мира!».

АТТИЛА – талантливый военный стратег и тактик. Он вошёл в число ста великих полководцев мира, а Каталаунское сражение, данное им объединённым силам римлян, галлороманов, сарматов, франков, вошло в число ста великих битв человечества. Поэтому изображению *Аттилы-полководца* А. фон Бек уделяет особое внимание. Кажется, в романе нет ни одного рода, вида деятельности военачальника, которым не занимался бы главнокомандующий гуннского войска.

... Аттила осматривает экипировку, вооружение и снаряжение верхоконных воинов перед дальним походом. У каждого нукера должны быть три лошади: подседельная, заводная – с уложенным на ней боевым остроотточенным оружием и грузовая – с необходимой зимней одеждой, припасом питания на один месяц

для воина и неприкосновенным запасом зернового фуража для трёх лошадей.

... Аттила обстоятельно беседует с каждым минбаши, ибо командир тысячи – это основной военачальник в походе и в бою. Интересуется боевым настроением воинов, шутит, находит ободряющие и похвальные слова, и минбаши остаются довольными таким доброжелательным и участливым отношением к ним, простым тарханам.

... Аттила ставит боевую задачу военачальникам:

«Сабиры моего шумена и роксоланы минбаши Каракончара пойдут справа. Акациры минбаши Маната, кангары минбаши Парласа и анты туменбаши Радомира будут заходить слева. В засаде, южнее отсюда на один конский переход, в круглой долине останутся кутургуры минбаши Берики, утургуры минбаши Борулы и аламаны с остготами минбаши Лаудариха. Вспомогательные части будут пребывать в резерве, под рукой наготове. Начало выдвижения – первые лучи солнца. Метать огненные стрелы, рубить их сонных и отходить по равнине на юг. С нами наши боги, над нами высокое небо. Если предначертано умереть, то умирают и за обеденным дастарханом, подавившись костью! Я всё сказал».

... Аттила руководит Каталаунским сражением, в котором сошлись две империи – Гуннская и Западноримская. На ограниченном пространстве площадью 25 квадратных километров изготовились к смертному бою около 500 тысяч человек. Аттила совершает объезд своих войск. Обращается с вдохновляющими словами к разноязычным туменам на трёх языках: гуннском, готском и славянском. Даёт сигнал к началу битвы. Внимательно наблюдает за ходом сражения. С удовлетворением отмечает, что чаша весов склоняется в его сторону. Но что это? Вражеская конница разворачивается и наносит фланговый удар по центру его войск. «Ах, минбаши Аэций, – мысленно обращается Аттила к главнокомандующему противостоящих войск, бывшему гуннскому военачальнику, – хороший ты ученик гуннов и превосходно постиг ты наш охватный приём». И с криком «Вперёд за мной!» Аттила бросает в контратаку две резервные тысячи. «Звон клинков, треск ломающихся копий и пробиваемых щитов, хrap и ржание искалеченных лошадей, крики, вопли, ругань,

проклятия и стоны умирающих и раненых – всё это смешалось в оглушающем грохоте».

Исход Каталаунской битвы трактуется историками по-разному. А. фон Бек склоняется к ничейному исходу, обосновывая свою точку зрения во внутреннем монологе Аттилы. Этим самым писатель сохраняет высокий авторитет Аттилы как непобедимого полководца.

АТТИЛА – не только талантливый полководец, но и *мудрый правитель*. Мудрость сопутствует ему и в государственных делах, и в дипломатической деятельности, и в отношениях со своим окружением, и в предпринимаемых действиях.

Запоминается, например, история несостоявшегося сватовства Аттилы к сестре императора Валентиниана III Гонории.

Гонория Юста Грата отличалась редкой красотой и упорным характером. Заполучив титул августы – наследницы престола, она поднялась столь высоко, что потеряла право выйти замуж. Вместе с тем у неё не было никаких шансов приобрести реальную власть в империи. Более того, 32-летняя Гонория, высланная из Равенны в Константинополь за предосудительную связь с молодым аристократом, вела жизнь монахини под неусыпным надзором трёх сестёр императора Восточного Рума Феодосия II. Именно от неё Аттила получил золотое кольцо с бриллиантом и сердечное послание следующего содержания:

«Дорогой император Аттила! Пишет тебе румийская августы Гонория, дочь императора Констанция III и августы Галлы Плацидии, сестра императора Валентиниана III. В здравом уме и твёрдой памяти я сообщаю тебе: я люблю тебя за твои могучие деяния и хочу быть твоей женой. В качестве приданого я могу предложить принадлежащую мне по праву Галлию. Забери меня из Константинополя. Августа Гонория, весна 449 года от рождества Христова».

Решение Аттилы было по-мужски великодушным и по-государственному мудрым. «Я имею желание свататься к этой молодой и красивой женщине, – заявил он западнорумийским дипломатам, – так как хочу породниться с обоими румийскими императорами. Представляете, мы все трое родичей: я, каган Аттила, император Западного Рума Валентиниан и император

Восточного Рума Феодосий – заключаем родственный союз. Никто в этом поднебесном мире не устоит тогда против нас! Ни сассанидский Иран, ни огромный Силь, ни великий Хань, ни богате́йшая Индия – никто!».

А в пергаментном послании Валентиниану III Атила предлагает своему «собрату-императору» перейти к решительным действиям: «Давай воспользуемся шансом, предоставленным нам высокими небесами. Присылай послов, обговорим условия бракосочетания, и я также пошлю в ответ послов-сватов. Обдума́й выгоду такого родственного союза, а также и последствия твоего несогласия. Император степи, гор и лесов Атила».

Сложная политическая ситуация не дала Атилле возможности обрести желанную румийскую хатун, получить в качестве приданого Галлию и породниться с обоими римскими императорами. Но сам Атила, император Гуннской Орды, долго сожалел о своём неудачном сватовстве к августе Гонории, бережно хранил её признательное любовное письмо и дорожил подаренным ею золотым кольцом с бриллиантом.

Запоминается также эпизод посещения Атилой христианского храма в румийском городе Вероне, который, кстати, был сдан гуннам без штурма благодаря мудрому предложению Атилы пощадить его жителей в случае их покорности. Для язычника Атилы все веры были одинаковы, но его постоянно терзала одна мысль: «Разве может всесильный и бессмертный бог умирать, как простой смертный харахун, будучи распятым на кресте? А если он умирает, тогда он не бог. А если он бог, тогда он не должен ни разу умереть, пусть даже он потом обязательно воскреснет».

В веронском храме внимание Атилы привлекла картина, изображающая распятого богочеловека Иисуса Христа, с барельефами его двенадцати учеников. Среди них был и предатель по имени Иуда. «Да, интересные люди эти христиане, – размышляет Атила, – даже увековечили память предателя, за тридцать три денария продавшего своего наставника-учителя». А в финале эпизода мудрые размышления Атилы трансформируются в мудрое решение. «Румиец Орест, – обращается он к своему элтуменбаши, – давай восстановим справедливость. Ты вызови завтра умелого мастера-художника, пусть он уберёт со

стены лик этого изменника, недостойного того, чтобы находиться рядом с изображением преданного им учителя Иссы, – и, немало подумав, добавляет хриплым голосом: – А вместо него пусть изобразит моё лицо... поскольку я ещё никогда никого не предавал».

АТТИЛА-ЧЕЛОВЕК – это та сторона образа-характера главного героя, которая выражает его индивидуально-типичное начало. А. фон Бек целенаправленно стремится к тому, чтобы представить Аттилу как живого человека, человеческую личность.

У Аттилы есть личные пристрастия, душевные привязанности, устойчивые привычки. Он имеет семью, воспитывает детей, заботится об их будущем.

Аттила нежно, по-сыновьи любит мать – вдовую ханышу (жену хана) Чури. «Не зря ведь говорят гунны: пока жива старая мать, ты будешь всегда ребёнком», – думает Аттила – её первенец и единственный мальчик из детей.

У Аттилы три законные жены, взятые из разных племён. Старшая жена (байбиче), как и положено, коренная гуннка – битогурка Эрихан; две другие германки: средняя – остготка Сванхильда, младшая (токал) – бургундка Гудрун. Более всего Аттила любит Гудрун: дарит ей дорогие украшения, нарядную парчу, мягкий шёлк, блестящие металлические зеркала.

Аттила не чаёт души в своей единственной дочери Батахыс – от младшей жены Гудрун. Из сыновей больше всех любит младшего Денгизика – от старшей жены Эрихан, так как прорицатель Аттилы предсказал, что его род сначала погибнет, но потом заново возродится в этом сыне.

Аттила – образцовый воин-храбрец, отмеченный знаками личной доблести: шрамами на лице и ранами на теле. На наших глазах Аттила не раз проявляет воинскую отвагу и мастерство: избегает явной смерти при покушении на него, применив военную хитрость; выходит победителем в смертельном поединке с ханом Беледой; в Каталаунской битве самолично сражает на смерть около десяти конных и пеших противников.

СМЕРТЬ АТТИЛЫ, последовавшая на пятидесятом году жизни, породила множество суждений и домыслов. Достоверен

только один факт: после четвёртой женитьбы Аттилы на двадцатилетней германке Идильхе утром его нашли в спальне бездыханным. А. фон Бек придерживается версии, согласно которой Аттила был отравлен, но кем и как, неизвестно.

Великий каган был похоронен так же загадочно, как и умер. Его тело в дорогих одеяниях и с золотым оружием, украшенным драгоценными камнями, уложили в золотой гроб, который поместили в серебряный, а тот, в свою очередь, в железный гроб. Прощальное похоронное сапари во главе с шаманом Айбарсом тронулось в последний путь в составе двадцати одного верхового гунна из племени хуннагуров, каждый из которых вёл за собой по три пленных раба-кула на лошадях.

Три дня и три ночи скакали они по паннонийской пуште, по карпатским горам, перевалам и ущельям. На третий день к вечеру величайшего из земных воинов похоронили в середине горной поляны между тремя арчовыми деревьями, а место захоронения заровняли, придав ему первоначальный вид.

К вечеру первого дня обратного пути около небольшого горного озера зарубили рабов, копавших могилу. На второй вечер шаман Айбарс сварил на костре ядовитое зелье и дал напиток каждому воину, который сразу же после первого глотка падал замертво. К вечеру третьего дня шаман Айбарс, въехав на срединную площадку орду, сошёл с коня и громко возвестил:

« – Гунны, я прибыл назад с вестью: великий каган нашёл своё земное пристанище-увар. Я ухожу вслед за ним, – и упал на траву бездыханный».

Таким образом, место захоронения величайшего воина степных народов осталось тайной на все времена.

Художественной находкой А. фон Бека является *великая песнь скорби* по Аттиле, звучащая в финале романа. Она имеет любопытную творческую историю, о которой поведал нам А.А. Бекбалаев в очерке «Аттила – предок кыргызов». Основой песни является траурный плач, записанный в древнеисландской «Песне об Атти», а также в латинских летописях X – XI вв., и переведённый на современный немецкий язык. А.А. Бекбалаев попытался передать плач на гуннском языке на основе метода реконструкции с использованием «Словаря тюркских наречий» Махмуда аль-Кашгари» (XI в.). Иными словами, это не формаль-

ный перевод немецкого текста, а его смысловое содержание с учётом всех нюансов тюркского, древнетюркского и гунно-киргизского менталитетов. В авторском переводе на русский язык он звучит следующим образом:

Великий гунн Аттила-каган,
Мунздука сын,
Крепкого народа хан,
Первым ты был.
Сарматские земли, германские земли,
Римские земли войной покрыл.
Древние города ногою топтал.
Великие степи копыто гуннского коня топтало.
Ты ушёл к Тенгири-ате,
Ты ушёл к Умай-ане.
Гуннский народ пойдёт на войну,
Гуннские джигиты ринутся в бой –
Тебя не будет во главе.
Кто пойдёт впереди рубить врага?
Кто пойдёт впереди убивать врага?

Получилось оригинальное словесно-художественное произведение в жанре кошока (плача) или эпитафии (надгробной надписи), завершающего(ей) роман.

ОБРАЗ-ХАРАКТЕР АТТИЛЫ, созданный А. фон Беком, не только художественно полнокровен, но и художественно многогранен, так как вбирает в себя оценочные суждения других персонажей романа – сподвижников, союзников и противников Аттилы.

В среде своих недругов Аттила получает, как правило, *негативные характеристики*, низводящие героя на уровень антигероя. Так, восточнорумийский магистр милиции (генерал) Адабурий, проигравший гуннам решающую битву, в личном письме консулу Хрисафору характеризует Аттилу нелестными эпитетами «коварный», «вероломный», «злой», называет его «выкорыщем» западных римлян под началом военачальника Аэция.

Среди гуннских вождей у Аттилы тоже были недруги. Один

из них – утургурский бек Борула, который оказался предателем, сбежав к византийцам, подобно хану Атакаму и шаману Маме. Борула был схвачен, доставлен в ставку Аттилы и допрошен им. Однако пленник оказался сильным духом и отказался говорить с верховным каганом. «Я тебя, хан Аттила, ненавижу, – решительно заявил Борула. – Ты приносишь только зло! Ты убийца настоящего и законного хана Беледы! Ты ещё принесёшь гуннам много зла! Ненавижу! Можешь казнить меня! <...>

Этой же ночью минбаши утургуров бек Борула был взят на аркан прямо на городских улицах. Труп его был сброшен в холодные дунайские воды».

* * *

Итак, после выхода в свет книги Аммиана фон Бека «Аттила – хан гуннов» в киргизской литературе появился новый герой. Он пришёл к нам из далёкого исторического прошлого, в котором жили предки современных киргизов. Областью художественного бытования литературного героя стала историческая проза (романистика), а творческим методом воссоздания образа – этнографический реализм. Аммиану фон Беку безусловно удалось создать типичный характер в типических обстоятельствах в книге, которая имеет и познавательное, и историческое, и эстетическое значение.

Роман «Аттила – хан гуннов» ждёт своего читателя. Он издан приличным для нашего времени тиражом – 5 тысяч экземпляров, достаточным для того, чтобы удовлетворить читательские запросы.

Андрей РЯБЧЕНКО

ПАРАДОКС ЖАНРА

В Кыргызстане вышла в свет книга «Переворачиваю мир», о которой можно смело сказать, что она не имеет себе равных во всём своде русской литературы. Её автор – Александр Никитенко – включил в сборник более 40 палиндромных, или перевёртных поэм, добившись, таким образом, абсолютного рекорда словесности.

Первое, что испытывает читатель при знакомстве с палиндромонами, – оторопь. Хочется воскликнуть в сердцах: да что это за чушь несусветная, не наделённая смыслом... Потом постепенно приходит удивление от формы, от осознания внутренней гармонии и возможностей русского языка... И тут же внутренний протест: а смысла-то ноль! И наконец, если читатель хоть немного готов приложить усилия, он открывает для себя, пусть и труднопонижаемые, метафоры, образы, и ту идею – сверхзадачу, что вложил автор в произведение.

Небольшой и во многом отрезанный от метрополии тюркским языковым морем островок русской литературы Кыргызстана вновь удивляет широкую читательскую публику своим достижением. Один из виртуозов поэтического слова республики Александр Иванович Никитенко, автор 18 стихотворных сборников, опубликовал книгу палиндромонов, включив в неё не только «рачы» поэмы, но и словарь перевёртных строк на каждую

букву алфавита, включая даже такие редкие как «ц», «ч» и «щ». По признанию самого автора, он начал работу над созданием и собиранием перевертней ещё в далёком 1966 году. В течение 47 лет отбирал словесные перлы, иногда случайно увидев в тексте, уловив на слух или специально прорабатывая лексический массив русского языка в поисках наоборотных жемчужин, чтобы сейчас издать их сборник.

Поэзия в древности часто использовалась в магических и ритуальных обрядах. На Руси обрядовая поэзия занимала отнюдь не последнее место в системе фольклора. И в этом свете стихотворные строки, что могли читаться и так и эдак, вызывали гораздо больший трепет, нежели традиционные вирши. На Руси палиндромы активно использовались в ярмарочной кутерьме скоморохами, некоторые заговоры и заклятья против хворей читались одинаково в обе стороны. Первые же *carmen caprinum*, или, с латинского, «рачьи» стихи, были письменно зафиксированы на сосудах ещё в римскую эпоху. Зачастую авторство подобных перевертней приписывалось самому дьяволу.

В Бишкеке же творил отнюдь не искуситель людских душ, а русский поэт, которого можно смело назвать входящим в число лучших современных в республике. Его традиционная поэзия отличается немалой красочностью, разнообразной палитрой речевых средств и, зачастую, смелыми экспериментами с визуальным стихосложением. Искущённость автора, выраженная большим числом стихотворных сборников, несомненно, повлияла на А. Никитенко в его поэтической деятельности и во многом предопределила его отход от традиционализма в сторону экспериментаторских палиндромов.

Новая книга Александра Никитенко представлена 44 стихотворениями, сам автор их обозначает как поэмы, многие из которых составлены из 100 строк и более. Есть среди них и сонет, посвящённый активному члену МСПС Евгению Колесникову, киргизстанцу, ныне живущему и работающему в Москве. Сплавив жанр сонета, жёсткий по форме, с техникой палиндромона, искусной, но искусственной, автор расширил горизонты стиховой эквилибристики.

Бесспорно, что многие произведения кажутся заумью, ко-

тору так любили авангардисты и благодаря которой прославился один из самых известных из них Велимир Хлебников. Читателю, тем более не подготовленному, современному, что так привык получать разжеванный и смонтированный смысл информации с блюдечка экрана телевизора или компьютера, чрезвычайно сложно пробираться сквозь нарушения падежных соединений, изгородь кратких словоформ, отрывистость фраз и предложений палиндромонных строк. Особенность эту можно обозначить никитенковской же строкой-перевертнем «*форт строф*», который, говоря в том же ключе, нужно брать приступом, имея в авангарде цель понять и, главное, принять данный вид литературы. Также неоспоримо, что эти поэмы, специфически требующие только чтения с листа, не станут цитировать любители поэзии, их не будут перечитывать раз от разу, это скорее словесный изыск, деликатес в редкую минуту филологического наслаждения.

В русской литературе немало примеров палиндромонного творчества. Самый известный рачий стих принадлежит Афанасию Фету – «А роза упала на лапу Азора», получивший известность после того, как был использован в мультипликационном фильме «Приключения Буратино». А. Фет, Г. Державин, В. Брюсов отдали в свою очередь честь данному жанру. В. Хлебников был первым, написавшим полное стихотворение-перевертень (он же и придумал это русское название палиндромона). Интересно, что некоторые литературоведы указывают на наоборотность названия рассказа Н. Гоголя «Нос», сюжет которого действительно напоминает своей фантазмагоричностью сон.

Сармен сансринум в советское время появляются в творчестве многих поэтов, среди которых Н. Ладыгин, В. Гершуни, Е. Кацюба, Д. Авалиани. Наиболее известным становится рачий стих Семёна Кирсанова «Лесной перевертень». Палиндромоны настолько завоёвывают популярность у мастеров стиха, что уже далеко не все из них признаются актом Поэзии, а лишь рядовым виршеплётством.

Наоборотный мир Александра Никитенко богат и словесно, и тематически. Есть у него и поэмы о современном Киргизстане «*С тети не реву – суверенитет-с*», о политике стран СНГ (как, например, афористично и точно: «*Туркмения. Я и нем, крут*»).).

есть строки и о России: «*Воин Иов / на Кавказе заквакан. / Кремль мерк: / нет суда, ад у стен!*». Находкой иголки в стогу сена можно назвать каждую написанную рачью строку, а поэта – Золушкой, что перебирает смешавшееся зерно. Никитенко-«Золушка» весьма недюжинно справляется с этой словесной задачей. Хотя, бесспорно, что некоторые из стихотворений рождены, в первую очередь, не смыслом как доминантой, а лексемой и удачные строки палиндромонов увлекают за собой весь стих.

Многие строки поэта чрезвычайно актуальны и бьют, что называется не в бровь, а в глаз. В поэме «Мордодром» есть такие строки:

Анна, Вася, саванна.
Тит – пока коптит.
И мы во Руси суровыми.
Русь сур.
И сурово во Руси.

В поэме «Машу душам» лирический герой – поэт («*Я как я. / ТЭО: поэт. / Я юн. Нью я. / Я мер бремя. / Я учу, чуя...*»), который пережил многое и на мир смотрит с точки зрения уже бывшего человека, понимает его двуличность и лицемерие («*Нам Бог – обман. / И нам Бог: «Обмани!» / И ври, и рви?*»). Он призывает людей оглянуться на двойные стандарты современности:

И щит ищи,
упор в Европу.
А порвёт Европа.
Или дула залудили?
Но ООН?
Луг, гул
моторов за разворотом.
О, танк НАТО!
Да, вот вам авто в ад.
Да, грешно, мон шер, гад!

Очевидно, что подобные строки требуют большого напря-

жения мысли. Когда-то считали авангардистов (да что уж тут греха таить – и сейчас также, в особенности читатель / зритель наш, русский, предпочитающий всё реалистичное, чтобы напрямую в лоб) некими заумниками, или как говаривал товарищ Н.С. Хрущёв, «педерастами искусства». Нынешний же авангард – уже в арьергарде, где-то на втором или третьем плане. Думается, что и палиндромоны Никитенко также будут оценены по достоинству в своё время. Сам же автор уже воздал свою благодарность будетлянину-авангардисту Велимиру Хлебникову, одному из первых признанных мастеров перевертня:

Он музе безумно
и
лире верил,
учил кличу:
залазь
в омут умов
и разом озари!

Ему в уме
шире веришь.
Умер и мир ему.

Превосходство Александра Ивановича Никитенко в палиндромическом стихотворчестве во всей русской литературе неоспоримо. В стезе данного жанра он шагнул далее, шире и глубже всех русских поэтов. 44 наоборотных поэмы, палиндромический сонет, рачьи стихи, собственный суперобъемный словарь многих тысяч перевёртнутых строк, идущих в заготовки будущих широкоформатных произведений и в помощь тем, кто пойдёт по этому пути вослед, – всё это делает кыргызстанского автора непревзойдённым рекордсменом на своеобразном поэтическом Олимпе.

Вместе с тем, видится и возможная неминуемая обречённость данного жанра на смерть, а значит, и – личная последующая творческая трагедия Александра Никитенко. С развитием современного программного обеспечения уже, похоже, ничего не стоит создать электронный алгоритм, который бы

перебрал все слова, выражения и предложения, зафиксированные когда-либо в письме, на предмет поиска палиндромичных. Уже изданы словари палиндромов русского языка. Более того, в настоящее время в виртуальном пространстве разрабатывается проект программы отбора рачьих единиц языка.

Искусство – это всегда порождение человека, его таланта, а в случае гениальности, то в какой-то степени и его шизоидности, его иррациональности души. Машина же души не имеет, а значит то, что может быть создано компьютером посредством алгоритма, перестаёт быть подлинным искусством. То, что вышлушивалось Александром Ивановичем из языковой кладовой на протяжении почти 50 лет, может быть получено одним нажатием Enter.

Парадокс жанра заключается в том, что, достигнув у нас непревзойдённых до этого высот, палиндромон уходит в небытие. Как реалистичная картина, что становится в современном мире произведением не искусства, но искусенного ремесла. Ведь каждый может запечатлеть любой понравившийся ему пейзаж собственным фотоаппаратом. Останется единственное преклонение – перед техникой исполнения. Как сейчас мы восхищаемся картинами Ивана Шишкина, передающими поразительные детали живого леса, так мы будем удивляться палиндромонам Александра Никитенко, созданными настоящим мастером слова без единого электронного «гвоздя».

Коротко об авторах

Александр БЕРЕЖНОЙ

Родился в 1982 году в г. Свердловске. Вскоре вместе с родителями переехал в Кыргызстан. Окончил Кыргызский государственный институт искусств им. Б.Бейшеналиевой, отделение кинодраматургии. Поэт, бард, сценарист. Неоднократно публиковался в газете «Студенческий мир», а также в журнале «Литературный Кыргызстан». Ныне живет и работает в Москве.

Александр ИВАНОВ

Родился в Казахстане, в г. Чимкенте в 1938 году. Окончил Киргизский государственный университет, филфак. Работал в молодежных газетах Кыргызстана и Таджикистана, во Всесоюзной «Литературной газете». С 1984 года – главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан», а также издательства «ЖЗЛК». Автор пятнадцати книг документальной и художественной прозы. Заслуженный деятель культуры КР.

Александр КАМЫШЕВ

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. До 1993 года работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. В 2002 году защитил кандидатскую диссертацию по специальностям «Отечественная история» и «Археология». В настоящее время работает экспертом в антикварно-нумизматическом салоне и преподает в Славянском университете. Является автором пяти книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике и археологии. В 2005 году дебютировал в «Литературном Кыргызстане» с рассказом «Ваха».

Александр КРЯЧУН

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10

классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974 по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодеятельный художник неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

Выпустил книгу прозы. Живет и работает в Смоленске. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

Владимир МЕДВЕДЕВ

Родился в 1944 году в Забайкалье, на озере Кинон, и в малом возрасте переехал с родителями в Таджикистан, где прожил большую (на настоящий момент) часть жизни. Работал монтером ПТС, сезонным рабочим в геологических и гидрологических отрядах, учителем в кишлачной школе, репортером и фотокорреспондентом в молодежной и вечерней газетах, тренером, инженером-патентоведом в КБ... Сейчас заведует отделом в журнале «Дружба народов». В 2007 году в издательстве «Лимбус Пресс» вышла книга его рассказов «Охота с кукуем».

Александр МОЛЧАНОВ

В 2012 году окончил Кыргызско-Российский Славянский университет по специальности русская филология. Пишет рассказы с 2007 года. В 2010 году стал лауреатом литературной премии «Золотая табуретка», которую проводит Американский университет в Центральной Азии. Печатался в литературном альманахе «Много языков – один мир!» за 2010 год и в «Литературном Кыргызстане».

Михаил РУДОВ

Родился в 1929 году в г. Рудня Смоленской области. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Около шестидесяти лет посвятил научно-педагогической деятельности в вузах республики. Автор многих монографий и статей. Кандидат филологических наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета. Учитель большинства известных сегодня русскоязычных филологов, писателей и критиков республики. Помимо литературоведения, критики, переводной литературы, плодотворно работает в области басни, лирической поэзии.

Андрей РЯБЧЕНКО

Родился в Бишкеке в 1991 году, студент факультета русской и славянской филологии КНУ им. Ж. Баласагына. Участник Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья-2012 (Россия, Москва, 2012), победитель Всемирного лингвокультурологического конкурса по русскому языку (Россия, Москва, 2012). Автор более десяти литературоведческих статей, опубликованных в различных научных изданиях, трёх научно-методических пособий по русскому языку для школы. Критические статьи и рецензии автора публикуются на страницах газет и журналов Киргизии и России. Корреспондент Международного сообщества писательских союзов в Киргизстане. Руководитель литературного объединения русскоязычных писателей КР «Лит-Ком».

Валерий САНДЛЕР

Родился в 1940 году на Украине. Журналист. Многие годы работал на радио, в газете «Вечерний Фрунзе», зав. отделом публицистики, ответсекретарем «Литературного Кыргызстана». Автор книг «Не время ждать отбоя», «Верность трудовому слову», «Опечатка». В начале 90-х годов уехал в Америку, работал редактором отдела газеты «Новое русское слово». Ныне, постоянно проживая в США, выпустил две книги – «Чем дальше, тем роднее» и «Разлучили корни с кроной...».

Светлана СУСЛОВА

Родилась в Забайкалье, с 1952 г. живет в Киргизии. Окончила филфак Киргосуниверситета. Автор 13 оригинальных поэтических сборников и более 20 - переводных. Лауреат Всесоюзной премии Ленинского комсомола. Заслуженный деятель культуры КР. Заместитель главного редактора «ЛК».

Георгий ХЛЫПЕНКО

Родился в 1938 году в с. Садовое Чуйской области. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Полвека занимается научно-педагогической деятельностью. Литературный критик. Автор многих монографий и статей. Кандидат филологических наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета. Выступает с критическими обзорами художественной литературы в «Литературном Кыргызстане» с 1970 года.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 7.10.2013 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 11,43 Заказ 212.

Тираж 300 экз.